

Тартуский университет
Философский факультет
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии
Кафедра русского языка

ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИЧИННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Диссертация на соискание
ученой степени *magister artium*
по русскому языку
студентки отделения
славянской филологии
Виолетты Кнут

Научный руководитель —
к. ф. н., ординарный профессор И. П. Кюльмоя

Тарту 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	8
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	9
1.1. Понятие причинного значения в лингвистике	9
1.2. Функционально-семантическое поле причины.....	14
1.2.1. Краткая характеристика центра ФСП причины.....	16
1.2.2. Периферия ФСП причины	18
1.3. Определение полупредикативных конструкций.....	23
1.3.1. Основные полупредикативные конструкции в русском языке	26
1.3.2. Обзор полупредикативных конструкций в эстонском языке	28
ГЛАВА II. ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИЧИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	31
2.1. Деепричастные обороты	31
2.1.1. Видовая характеристика и временной план.....	34
2.1.2. Лексико-семантическая характеристика деепричастий и глаголов- сказуемых.....	39
2.1.3. Позиция деепричастного оборота.....	44
2.1.4. Критерий распространенности оборота	46
2.2. Обособленные приложения со значением причины.....	49
2.2.1. Обособленные приложения с союзом <i>как</i>	50
2.2.2. Полупредикативные конструкции со связкой <i>будучи</i>	52
2.2.3. Обороты с лексемой <i>являясь</i>	57
2.2.4. Обособленные приложения без связки и семантика приложений	58
2.2.5. Характеристики приложений причинной семантики	60
2.3. Причастные обороты	64
2.3.1. Характеристики времени и залога причастных оборотов	66
2.3.2. Семантико-синтаксические особенности оборотов с причастиями.....	69
2.4. Обособленные определения другого типа	71

2.5. Обособленные обстоятельства других типов	73
2.5.1. Предложно-падежные обособленные конструкции	74
2.5.2. Обороты со сравнением	76

ГЛАВА III. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ..... 79

3.1. Типы периферийных конструкций со значением причины в эстонском простом предложении.....	79
3.1.1. Конструкции с герундием на <i>-des</i>	80
3.1.2. Причастные обороты на <i>-nud, -tud, -v</i> и <i>-tav</i>	83
3.1.3. Обороты с <i>olles</i>	86
3.1.4. Соответствия приложению: обороты с <i>kui</i> и форма эссива.....	87
3.1.5. Конструкции с падежными формами супина: форма на <i>-mata</i>	88
3.2. Контрастивный анализ причинных полупредикативных конструкций в русском и эстонском языках	90
3.2.1. Сопоставление периферийных способов выражения причинных отношений.....	90
3.2.2. Выводы о периферийных микрополях причины в русском и эстонском языках	101

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	105
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	112
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.....	118
ИСТОЧНИКИ	119
КОKKUVÕTE	125

ПРИЛОЖЕНИЕ. КАРТОТЕКА ПРИМЕРОВ.....	131
Примеры из источников на русском языке.....	131
Примеры из источников на эстонском языке	145
Примеры для контрастивного анализа.....	154

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития русистики активно исследуется выражение различных отношений в языке с точки зрения функциональной грамматики. Наблюдается интерес к категории обусловленности в целом и к причинным отношениям в частности. Так, подробная характеристика функционально-семантического поля причины дана в работах В. Б. Евтюхина «Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий» [Евтюхин 1997] и «Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка» [Евтюхин 1996].

Достаточно хорошо исследовано ядро поля, т. е. специализированные способы выражения причинных отношений, к которым относятся придаточные причины в сложноподчиненных предложениях и обстоятельства причины, выраженные предложно-падежными формами существительных и наречиями в простых предложениях (см. [Беличова-Кржижкова 1985; Всеволодова, Яценко 1988; Теремова 1985; Хааг 2004]). Менее изученными являются сложносочиненные и бессоюзные предложения с причинным значением. А исследования по таким периферийным способам выражения причины, как обособленные обстоятельства (в т. ч. деепричастные обороты), обособленные определения (в т. ч. причастные обороты) и обособленные приложения, очень малочисленны. За последнее десятилетие появились единичные работы, посвященные периферийным способам и средствам выражения причинных отношений в других языках (например, в немецком, — см. [Карышева 2004]), однако по отношению к полупредикативным конструкциям подробного анализа не было проведено до сих пор ни в русском, ни в эстонском языке.

Представляется, что описание указанных способов выражения причинных отношений необходимо для получения более полного представления о функционально-семантическом поле причины и системного описания функционально-семантических полей в целом.

Фактором, объединяющим различные типы обособленных оборотов с причинным значением, является наличие в них полупредикативности. В связи с этим необходимо рассмотреть понятие полупредикативности и определить, в

каких именно полупредикативных конструкциях возможно выражение причины. Следующим этапом исследования является анализ данных конструкций с точки зрения синтаксиса и семантики, а также выделение в них характерных черт.

Особый интерес представляет сравнение русских периферийных способов выражения причины с соответствующими конструкциями в эстонском языке. Трудность исследования полупредикативных конструкций эстонского языка заключается в терминологических различиях и подходах к описанию подобных конструкций в обоих языках. Также нужно отметить недостаточность исследованности функционально-семантического поля причины в эстонском языке. Насколько нам известно, периферийные способы выражения причины в эстонском языке до настоящего момента не подвергались анализу.

Итак, целью данной работы является описание периферии функционально-семантического поля причины на примере полупредикативных конструкций в русском и эстонском языках. Анализ на основе эстонского материала является первой попыткой подобного исследования и может стать отправной точкой для более глубокого и подробного описания периферийных причинных конструкций в будущем.

В наши задачи входит выяснить, какие показатели (синтаксические, лексические и др.) влияют на возможность выражения полупредикативными конструкциями причинных отношений. Осложненные простые предложения относятся к группе неспециализированных способов выражения причинных отношений, которые не имеют узконаправленной семантической специализации. Это позволяет им выражать целый ряд отношений, в том числе отношения причины и следствия. Особенностью деепричастных, причастных оборотов, обособленных приложений и других видов осложнения предложения является наличие в них второстепенной предикации. Полупредикативные конструкции хорошо подходят для описания причинного значения, поскольку такие предложения всегда подразумевают взаимодействие двух ситуаций — например, причины и следствия.

Сбор материала для картотеки примеров на русском языке проводился методом сплошной выборки из текстов разной функциональной принадлежности: художественных, научных, газетно-публицистических. Полупредикативные конструкции не являются частотным способом выражения причинных

отношений, поэтому для составления картотеки было привлечено достаточно большое количество письменных источников. Картотека включает в себя 1084 примера с полупредикативными причинными конструкциями, анализируемыми на уровне предложения.

Для анализа периферийных конструкций в эстонском языке были привлечены оригинальные художественные, публицистические и научные тексты на эстонском языке, и из них методом сплошной выборки были выписаны все примеры периферийных способов выражения причины в простом предложении.

Теоретические положения о видах и особенностях полупредикативных конструкций эстонского языка подкрепляются контрастивным исследованием. Основой для него были взяты два текста на русском языке и их переводы на эстонский. Русским причинным конструкциям были найдены все соответствия в эстонских текстах. Всего в нашей картотеке 310 примеров на эстонском языке, из которых 180 — в контрастивной части исследования.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списков использованной литературы, публикаций по теме диссертации и источников. Также включено резюме на эстонском языке и приложение с картотеккой примеров. В начале работы приводится список используемых сокращений.

В первой главе рассматриваются понятия, являющиеся ключевыми для данного исследования: понятие причины в лингвистике, понятия функционально-семантического поля и полупредикативности. Приводится краткая характеристика центра и периферии поля причины в русском языке, дается обзор полупредикативных конструкций в русском и эстонском языках.

Вторая и третья главы являются аналитическими. Во второй главе анализируются типы полупредикативных конструкций, способных выражать причинные отношения в русском языке. Учитываются такие параметры, как видовременная характеристика деепричастных оборотов, залог и время в причастных конструкциях, возможность использования связок в обособленных приложениях, частотные лексико-семантические группы, позиция оборотов в предложении и т. д.

Третья глава посвящена анализу собранных примеров из эстонских текстов, а также контрастивному анализу. Среди периферийных способов выражения

причинных отношений в эстонском языке можно выделить герундивные и причастные обороты, конструкции с глагольными именами и приложения.

Между русским и эстонским языками имеются существенные морфологические и синтаксические различия, поскольку данные языки отличаются типологически, не являясь родственными. Это означает, что при контрастивном сравнении способов выражения в пределах одного микрополя может оказаться необходимым привлечение более широкого языкового пласта. Так, при анализе приложений в эстонском языке следует привлечь морфологический способ выражения данного значения, а именно падежную форму эссива. Пересечение разных языковых уровней при анализе является одной из отличительных особенностей контрастивных исследований.

Выделение наиболее типичных моделей полупредикативных конструкций с причинным значением в обоих языках позволит определить центр и периферию данных микрополей в структуре поля причины каждого из языков, а также сопоставить конструкции, задействованные при наложении этих полей и выявленные при контрастивном исследовании.

Полученные результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем, более полном описании периферийных способов выражения причинных отношений в русском и эстонском языках. Наблюдения относительно пересечения полей причины в обоих языках могут представлять практический интерес для перевода, а также для преподавания контрастивной грамматики русского и эстонского языков.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БСП — бессоюзное предложение
- ДО — деепричастный оборот
- ЛСГ — лексико-семантическая группа
- НСВ — несовершенный вид
- ОП — обособленное приложение
- ПО — причастный оборот
- ПП — простое предложение
- СВ — совершенный вид
- СПП — сложноподчиненное предложение
- ССП — сложносочиненное предложение
- ФСП — функционально-семантическое поле

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Понятие причинного значения в лингвистике

Исходя из целей нашей работы, необходимо, прежде всего, уточнить понятие причинного значения. Это важно для анализа конструкций, участвующих в выражении причинных отношений, в целом, и особенно — для исследования неспециализированных способов выражения причины.

Общее определение причинности дано в «Логическом словаре-справочнике», где она определяется как «одна из форм всеобщей взаимосвязи явлений объективного мира» [Кондаков 1975: 479]. Под причиной понимается «явление, которое так связано с другим явлением, называемым следствием, что его возникновение неизбежно влечет за собой возникновение следствия и уничтожение его влечет за собой уничтожение следствия» [Там же]. Нужно также отметить, что *причина* и *следствие* считаются в логике соотносительными понятиями. Это означает, что они существуют только в связи друг с другом и поэтому не мыслятся одно без другого [Лагута 2000].

Безусловно, понятие причинности в лингвистике не такое строгое, как в логике, и часто причинно-следственные конструкции описывают не прямую взаимосвязь между двумя явлениями или событиями, а используются, например, для обоснования действия или мнения, что будет рассмотрено далее. Однако для нас представляют интерес некоторые характеристики причинности, установленные в точных науках. Так, обратимся к определению причинно-следственных связей такими философами, как Д. Юм и И. Кант, поскольку их взгляды приближаются к лингвистическому пониманию. Д. Юм утверждал, что знание отношения причинности проистекает всецело из опыта, и объективность причинных связей не может быть доказана ни априорно, ни апостериорно. Люди принимают длительно повторяющиеся отношения смежности и последовательности за причинно-следственные [Юм 1996: 126, 146]. «Открыв при помощи ясного опыта причины или действия какого-нибудь явления, мы непосредственно распространяем свои наблюдения на все явления подобного

рода» [Юм 1996: 226]. «Действием» Дэвид Юм, как и Иммануил Кант впоследствии, называл ситуацию следствия.

Д. Юмом были установлены общие правила распознавания причин: причина и действие должны быть смежными друг другу в пространстве и времени; причина должна предшествовать действию; между причиной и действием должна быть постоянная связь и др. «Только причинность порождает такую связь, благодаря которой мы из существования или действия какого-нибудь объекта черпаем уверенность, что за ним следовало или же ему предшествовало другое существование или действие» [Юм 1996: 130].

Другой философ — И. Кант — также включал в свою категориальную таблицу причину и действие и связывал их категорией «отношения». Категории же он рассматривал как «неизменные формы мышления, упорядочивающие опыт» [Цит. по: Лагуа 2000].

Таким образом, с пониманием причинности часто связывают понятие предсказуемости событий [Платонов, Сангинов 1990: 31], происходящее из опыта.

Прежде чем перейти к рассмотрению критериев распознавания причинных отношений в языке, обратимся к логике, так как универсальным методом определения причинности представляется именно логический. Показателем причинных отношений является *логическое умозаключение*, поскольку в таких конструкциях мы обычно имеем дело с обоснованием, а не с собственно причинным значением.

Логическое умозаключение, формой которого являются конструкции естественного языка, представляет собой пример логико-грамматического единства. «Формальным умозаключением называется разъяснение и развитие того, что заключается в тех или иных положениях или допущениях; это — выведение нового предложения, называемого заключением, из одного или нескольких данных допущений или принятых предложений, которые называются посылками» [Хааг 1998: 18]. Наряду с *непосредственным умозаключением*, которое можно вывести из одного предложения, выделяют *посредственное заключение*, для определения которого необходимо большее число предложений. В повседневной жизни мы постоянно подводим частности под те или иные общие

положения, совершая тем самым *посредственные дедуктивные умозаключения* [Хааг 1998: 19].

Совокупность правил и условий построения правильного посредственного умозаключения образуют теорию *силлогизма*. Полный силлогизм, в котором были бы эксплицитно выражены обе посылки и вывод, почти не встречается в практике повседневного мышления. Более употребительной является сокращенная форма силлогизма с одной пропущенной посылкой — *энтимема* (от греч. «держать в уме») [Хааг 1998: 19].

Большая (и часто — пропущенная) посылка, как правило, отражает связь двух фактуальных событий. Такая посылка выводится на основе опыта или из повторяемости событий, и при этом принимается на веру большей или меньшей группой людей. Например, для предложения *Давыдов долго бежал, **пытаясь согреть ноги**, потом вскочил в сани и, притаившись, задремал* (М. Шолохов), большей (скрытой) посылкой является следующая: *Кто хочет согреть ноги, тот должен бежать*, или в упрощенном виде: *Бег помогает согреть ноги*. Меньшая посылка приведенного высказывания: *Давыдов пытался согреть ноги*, заключение: *Давыдов долго бежал*. Большая посылка в предложении не отражена, но она подразумевается и не указывается эксплицитно именно в силу распространенности подобного представления.

Иногда большая посылка может представлять собой достаточно субъективное объяснение причинно-следственной зависимости. Ср.: *Растения, птицы и животные не знали раздора и вражды и были в полном подчинении у человека, **доверчиво признавая в нем своего хозяина*** (Ю. Лебедев). Здесь видим авторскую интерпретацию поведения растений, птиц и животных, а именно факт того, что они сознательно признавали в человеке хозяина.

Переходя к лингвистическому пониманию причинности, нужно ввести также понятие каузальности. Этот термин обозначает причинность в широком смысле слова, т. е. обусловленность вообще, и «объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, обоснование, подтверждение, доказательство, аргумент, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, целевая мотивировка» [Русская грамматика 1989: 471]. М. В. Ляпон включает в ассоциативный потенциал причинности также «необходимый предопределяющий (порождающий) фактор, побочный (сопутствующий) фактор, прямое или

косвенное свидетельство» [Ляпон 1986: 169]. Весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой.

Синтаксические конструкции, смысловая структура которых содержит логическую пропозицию каузации (по типу *X есть причина Y*), можно назвать также «каузальными конструкциями» [Клобуков 1984: 38]. Каузальная семантика может быть характерна как для простых, так и для сложных предложений, например: *Мне грустно, потому что я тебя люблю* (М. Лермонтов); *Не давай мне ничего на память: знаю я, как память коротка* (А. Ахматова); *...От радости в зобу дыханье сперло* (И. Крылов).

Независимо от своей формальной моно- или полипредикативности, каузальная конструкция с содержательной точки зрения непременно полипропозитивна. Здесь необходимо заметить, что именно это позволяет нам выявлять каузальность в полупредикативных конструкциях, подробный анализ которых будет представлен в дальнейших главах. В значении каузальной конструкции, помимо логической пропозиции каузации, представлены еще как минимум две ситуации — каузирующая, или антецедент каузального отношения, и каузируемая — консеквент каузального отношения [Клобуков 1984: 39].

Далее мы обратимся к критериям, по которым определяется наличие причинных отношений в высказывании. Мы опираемся на лингвистическое понимание причины, изложенное в целом ряде трудов (см. [Бабалова 1974, Тарасова 1998, Рагозина 1997, Хааг 2001, Ярыгина 2001]).

В современных синтаксических исследованиях каузальное (причинное) значение подразделяется на *собственно-причинное* и *значение обоснования* (основания) [Грамматика 1970: 710–713, Рагозина 1997: 77]. Последнее выражает такие причинно-следственные отношения, которые устанавливаются «по воле субъекта; говорящий определенным образом объясняет связь событий, явлений, фактов» [Хааг 2001: 121]. То есть мы имеем дело с объяснительными отношениями, которые отражают «не объективно существующую причину явления или события, а мнение, оценку или вывод субъекта мыслящего и говорящего» [Ярыгина 2001: 230]. В отличие от нейтрально-констатирующей роли говорящего при выражении собственно-причинного значения, «ситуация обоснования создается при активном участии субъекта речи» [Теремова 1985: 36].

Под объяснительными отношениями понимается аргументированная интерпретация зависимых связей фактуальных событий [Хааг 2001: 121]. Предложения с такими отношениями содержат субъективную оценку говорящим события, представленного в основной части предложения, а именно выражают, как говорящий субъективно воспринимает событие, о котором говорит, какие чувства и ассоциации вызывает в нем (или в другом субъекте) это событие, какое воздействие на человека преднамеренно приписывает ему говорящий [Рябова 1984: 62].

В центральных для категории причины сложно-подчиненных предложениях носителем значения достаточного основания является придаточная часть: «ее содержание выполняет роль мотивирующего фактора (аргумента) по отношению к сообщаемому в главной части, которая информирует о следствии. <...> Придаточная часть лишена гипотетичности: содержание этой части представлено как реальный факт, как ситуация, соответствующая действительности» [Грамматика 1982: 576] Такие построения принято называть *собственно причинными*. В предложениях с собственно-причинным значением придаточная часть сообщает о непосредственной истинной причине того, о чем говорится в главной части: *Работники тем временем развели среди двора огонь, **потому что было холодно, и грелись*** (А. Чехов). Однако даже в подобных предложениях с собственно-причинным значением всегда можно выделить пропущенное логическое звено — большую посылку энтимемы. Сформулируем ее для указанного предложения: *Для спасения от холода нужно разводить огонь*.

В более частотных предложениях с *несобственно-причинным* (причинно-аргументирующим) значением ситуация, представленная в придаточной части, является лишь внешним поводом или косвенным свидетельством, используемым как аргумент для умозаключения о том, что сообщается в главной части. Такие предложения относятся к *предложениям обоснования*. Приведем пример такого сложноподчиненного предложения: *Литературовед и искусствовед обязаны быть талантливыми, **ибо они оценивают талантливость*** (Д. Лихачев). Согласно мысли автора, должна существовать связь между талантливостью писателя или художника и талантливостью его критика. Только при наличии такой связи в предложении с причинно-аргументирующим значением (где нет

следствия как такового) автор высказывания может соединить две части высказывания с помощью причинного союза «ибо».

Еще одно разделение причинных предложений производится исходя из того, описывается ли *внутренняя* или *внешняя причина*. Противопоставление внутренней и внешней причины сводится к совпадению/несовпадению субъекта-каузатора и субъекта-каузанта; ср.: *Поезда не ходят из-за неисправности* (поезда неисправны — внутренняя причина) и *Поезда не ходят из-за заносов* (пути занесены снегом — причина внешняя) [Клобуков 1984: 39]. Данная характеристика особенно актуальна для полупредикативных конструкций, выраженных деепричастными и причастными оборотами, поскольку совпадение или несовпадение субъектов в двух частях подобных предложений может быть грамматически значимым.

Итак, при анализе причинных конструкций в практической части работы мы будем ориентироваться на критерий наличия в предложениях логического умозаключения (энтимемы), что на практике часто сводится к «инстинктивному» распознаванию носителями языка отношений каузальности в тех или иных конструкциях. Для нас важно то, что, опираясь на описанные выше логические правила построения умозаключений, мы можем при необходимости восстановить пропущенную большую посылку и подтвердить, что между частями предложения имеется причинная связь.

Также мы определим, какой тип отношений свойственен тем или иным полупредикативным конструкциям, т. е. выделяется ли в них собственно-причинное или причинно-аргументирующее значение. Кроме того, в определенных случаях мы будем также указывать, имеется ли дело с внешней или внутренней причиной.

1.2. Функционально-семантическое поле причины

В данной части работы представляется необходимым дать описание поля причины в понимании функциональной грамматики.

По определению А. В. Бондарко, «функционально-семантическое поле — это система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных

— лексико-синтаксических и т. п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [Бондарко 1984: 21–22]. Инвариантом, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие, является определенная семантическая, или, по определению А. В. Бондарко, понятийная, категория. Он отмечает, что можно выделить два уровня понятийных категорий: уровень фундаментальных, универсальных понятийных категорий и уровень понятийных категорий, реализующихся в семантических функциях данного языка и включающих, кроме реализаций универсальных инвариантов, также и неуниверсальные понятийные варианты, связанные с системой средств именно данного языка [Бондарко 1983: 63–65]. В этом понимании категорию причины можно отнести к универсальной понятийной категории.

Категории причины, следствия, условия, цели и уступки объединяются в рамках одной группировки обусловленности. Основанием для этого является то, что весь этот круг отношений предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой. Поле причины при этом занимает особое — центральное — положение в ряду других полей обусловленности, что объясняется следующими его особенностями [Евтюхин 1996: 165]:

1. Поле средств выражения причины, в сравнении с другими полями не причинных отношений, наиболее обширно.

2. Структура поля средств выражения причины более аморфна, нежели структуры полей других отношений. Микрополя специализированных и неспециализированных способов тесно переплетены между собой. У других полей обусловленности центрирование на специализированные средства выражено более отчетливо.

3. Тексты насыщены указаниями на обусловленность, при этом, прежде всего, на причинную. Именно причинные указания даже и без специальной формальной маркировки способны связывать между собой фрагменты текста (то же касается и отдельных предложений), находящиеся на значительном, подчас очень значительном удалении друг от друга.

Именно микрополя неспециализированных способов выражения причины, придающие данному полю неповторимость и выделяющие его в ряду других полей обусловленности, будут проанализированы нами в дальнейшем.

Отношения, возникающие между ситуациями при выражении причинно-следственных отношений, являются несимметричными, однонаправленными. Эта направленность и несимметричность находит свое отчетливое выражение в грамматической маркировке — например, с помощью подчинительных союзов и предлогов. К подобным специализированным способам выражения причинных отношений мы и обратимся в первую очередь.

1.2.1. Краткая характеристика центра ФСП причины

Основные специализированные способы выражения причинных отношений подробно рассмотрены, например, В. Б. Евтюхиным [Евтюхин 1997: 30]. Он выделяет следующие способы:

- 1) придаточное предложение с причинным союзом (*потому что, так как, поскольку, ибо, ведь, раз* и др.) — *Не пришел, **потому что заболел***;
- 2) предложно-падежная (падежная) форма существительного со связанными с ней формами других слов (причинные предлоги: *из-за, от, из, с, ввиду, благодаря, по причине* и др.) — *Он не пришел **из-за болезни***; *Он не пришел **из-за болезни матери***; и
- 3) простое предложение, содержащее наречие со связанными с ним словами в рамках обозначения ситуативной структуры (круг подобных наречий достаточно немногочисленен: *сгоряча, сдуру, сослеза* и некоторые другие) — ***Спьяна** ты и меня убьешь **этак-то, глупый человек*** (А. Мамин-Сибиряк); *Здесь будет город **заложен назло надменному соседу*** (А. Пушкин).

Специализация в данном случае понимается как наличие формально-грамматического показателя, маркирующего соответствующую разновидность отношений обусловленности. К таким показателям относят преимущественно союзы и предлоги соответствующей семантики, а также приставки в наречиях.

В более широком смысле специализацию сверх сказанного выше можно понимать и как прямое лексическое выражение обусловленности. Выражение причинных отношений при помощи соответствующих существительных

упоминается В. Б. Евтюхиным [Евтюхин 1997: 29], а также подробно рассматривается Э.-О. Хааг [Хааг 2004: 41]. Таким образом, его можно включить в число специализированных способов:

- 4) существительное *причина, основание, мотив, резон* и подобные им — ***Мотивы*** были самые разнообразные: не так ступил, не так подал, не так взглянул (М. Салтыков-Щедрин).

Еще одним способом лексического выражения причинных отношений некоторые исследователи (например, [Ильина, Попова 2007: 5; Бакулев 2009: 7]) считают глагольные конструкции в составе СПП. Глагол каузации в таких случаях является показателем причинно-следственной связи, а собственно причина описывается существительным, входящим в конструкцию:

- 5) глаголы *вызывать, обуславливать, предопределять* и некоторые другие — ***Благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура предопределила*** рост экономики на 60 %.

Статус прототипической причинной конструкции закреплен за придаточными предложениями. Это обусловлено тем, что СПП содержит две предикативные единицы, наиболее полно выражающие ситуации, и эти предикативные единицы связаны причинным союзом, маркирующим тип отношений.

Обстоятельства причины и близкие им по значению предложно-падежные сочетания (*от беготни, из вежливости, за прогул, благодаря искусству, вследствие тумана, ввиду износа*) называют также именными каузативными синтаксемами [Онипенко 1984: 31]. При этом Н. К. Онипенко и некоторые другие исследователи квалифицируют их в качестве имплицитного способа репрезентации пропозиционального содержания обусловленности. Для нас данный подход представляет особый интерес, так как подобный имплицитный способ можно усмотреть также в обособленных приложениях и определениях, анализируемых далее.

Относительно таких именных синтаксем Н. Д. Арутюнова отмечает следующее: «Если, объясняя причину какого-то события, говорящий ограничивается именем предмета, то понимание сообщения в большой степени зависит от осведомленности или догадливости адресата. Имя лица или предмета может скрывать за собой любое из возможных качеств, действий или

происшествий. Например, *я задержался из-за книг* = *я задержался из-за того, что относил книги в библиотеку/ брал книги у приятеля/ отдавал книги в переплет/ искал затерявшиеся книги/ расставлял книги по полкам/ вытирал с книг пыль* и др.» [Арутюнова 1976: 123]. В. Б. Евтюхин отмечает информативную недостаточность предметных словоформ, обозначающих по своей природе только участников ситуации, и указывает, что стержнем ситуативных указаний являются их непредметные компоненты [Евтюхин 1997: 8].

Если способы выражения причинности — и специализированные и неспециализированные — представить в виде поля, отражающего их содержательные особенности, то это поле предстанет в виде двухкомпонентной структуры. Один компонент — микрополе специализированных способов, выражающих значения обусловленности в качестве доминирующих. Данное микрополе можно считать компонентом структуры с положительным признаком. Второе микрополе включает немаркированные способы. Оно характеризуется более широкой семантикой. В рамках этого микрополя возможна передача значений причинности как в качестве доминирующих, так и в качестве сопутствующих, второстепенных (что будет наглядно продемонстрировано на примере деепричастных и других полупредикативных конструкций с причинным значением).

В то время как специализированные способы выражения причинных отношений хорошо изучены в русистике (см.: [Всеволодова, Яценко 1988; Евтюхин 1996; Теремова 1985]), периферийным способам не уделялось пока достаточного внимания.

1.2.2. Периферия ФСП причины

Причинные отношения являются наиболее прозрачными в аспекте прагматики, благодаря чему они часто не требуют грамматически специализированных средств выражения. По наблюдениям А. В. Бондарко, «неспециализированное выражение конкретного значения обусловленности <...> при учете дополнительных факторов (контекст, речевая ситуация, пресуппозиции и др.) не уступает специализированному» [Бондарко 1984: 152].

Неспециализированные средства подразделяются на две группы. Первую группу составляют (в направлении от центральных к периферийным способам) некоторые разновидности БСП (прежде всего нетипизированной структуры) [Грамматика 1970: 739–740], ССП (в первую очередь соединительного и противительного типов), осложненные ПП (прежде всего с обособленным обстоятельством, выраженным деепричастной конструкцией) и некоторые другие. Эти способы не имеют узконаправленной семантической специализации. Вследствие этого в их рамках, при соответствующем содержательном наполнении, весьма высока вероятность представления значений обусловленности в качестве доминирующих, что отмечает, например, В. Б. Евтюхин (см. [Евтюхин 1997: 39–40]).

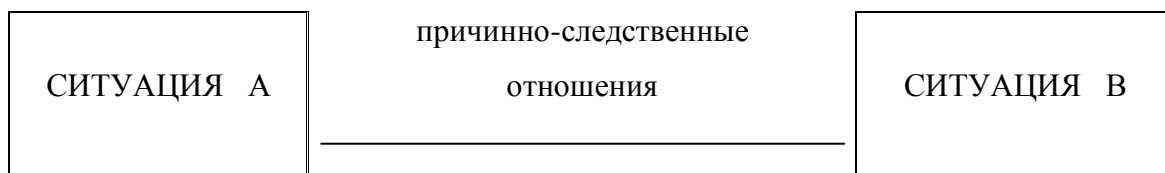
Контекст и содержание играют важную роль при большинстве периферийных способов выражения причины, поскольку причинные отношения выражены в них не эксплицитно, а имплицитно. «Имплицитное выражение причинных <...> отношений имеет место при соединении предложений в том случае, когда семантическая связь между предложениями в принципе вытекает из сопоставления сообщаемого содержания с внеязыковой действительностью, из более широких связей, «контекста». Это наблюдается, прежде всего, в БСП» [Беличова-Кржижкова 1985: 408]. При этом важно то, что «логика» отношений обусловленности — это внутренне присущее качество подобных конструкций, определяемое спецификой соотнесенности частей (ситуаций) в двухчастных структурах, а не привносимое механически, извне за счет их маркировки с помощью специализированного средства [Евтюхин 1997: 15–16].

Вторая группа способов характеризуется тем, что они специализированы на выражении каких-то определенных значений, не являющихся значениями обусловленности (например, сложноподчиненные определительные предложения и др.). Значения обусловленности здесь всегда сочетаются со значениями других типов, и вероятность их доминантного положения значительно меньше, чем при выражении способами первой группы.

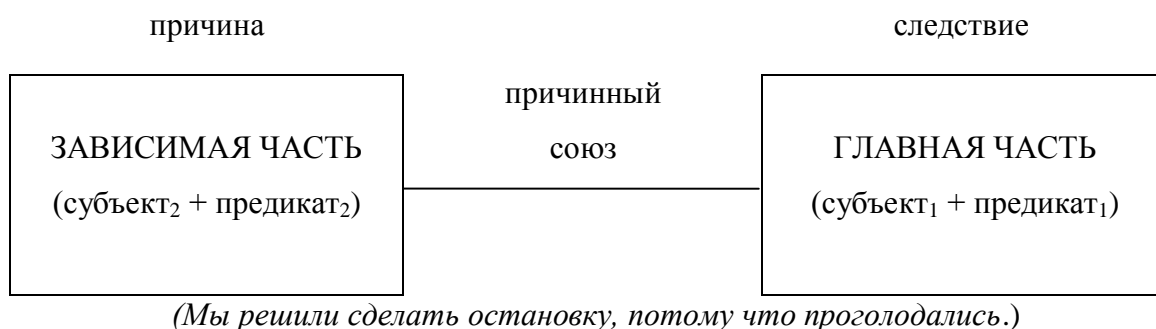
Ниже мы приводим составленную нами сопоставительную схему основных синтаксических типов конструкций, способных выражать причинные отношения, расположив их в порядке от центра к периферии.

Схема 1. Способы выражения причинных отношений

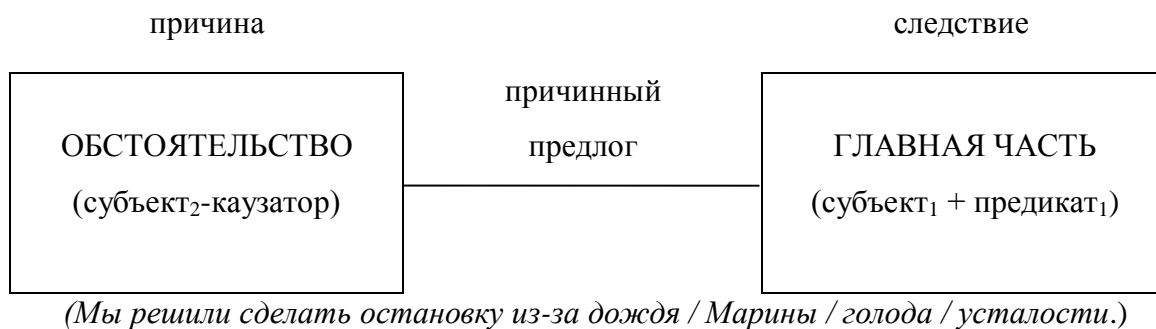
Общая схема:

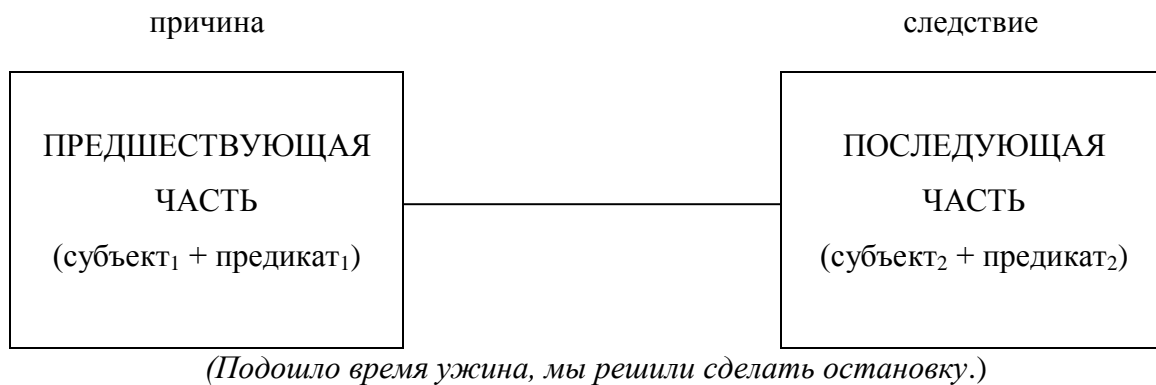
Сложноподчиненное предложение (прототипическая конструкция):

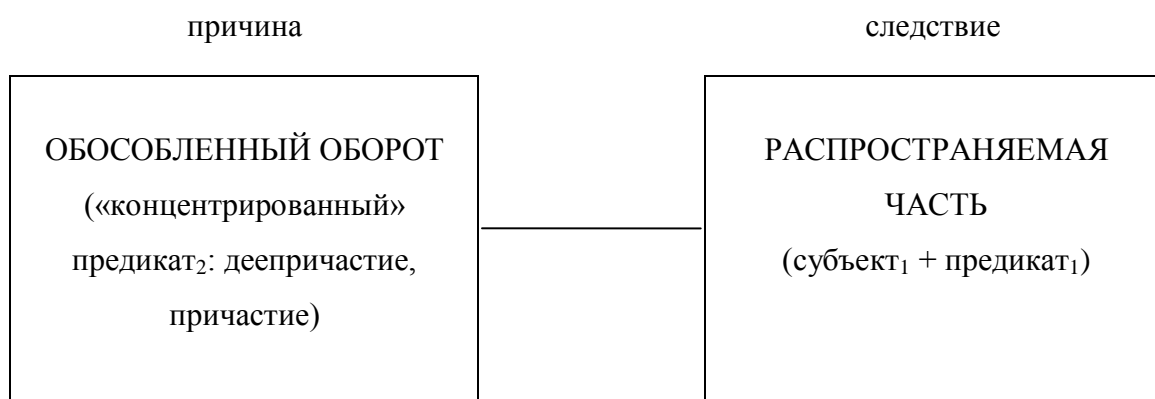
Простое предложение:

Бессоюзное предложение:

Осложненное простое предложение:

(Проголодавшись, мы решили сделать остановку.

Проголодавшиеся, мы решили сделать остановку.)

Как видно из колонки, относящейся к ситуации-причине, ее могут описывать как конструкции, включающие субъект и предикат, так и конструкции, содержащие только один компонент: субъект-каузатор в простом предложении и «концентрированный», или свернутый, предикат в осложненном предложении. Наличие такого предиката выгодно отличает деепричастные и причастные обороты от приложений и других типов обособленных определений и обстоятельств, поскольку предикат приближает конструкции с глагольными формами к прототипическому способу выражения причинных отношений.

При этом является очевидным, что ДО, к примеру, все-таки не специализированы на отражении отношений причины и следствия, а призваны лишь передавать дополнительное действие. В рамках описания таксисных отношений Т. Г. Акимова и Н. А. Козинцева отмечают, что в одном типе конструкций с ДО сопряженность второстепенного действия с основным во времени может быть не связана с семантикой обусловленности, а в другом типе второстепенное действие не только сопряжено во времени с основным, но и обуславливает осуществление основного действия [Акимова, Козинцева 1987: 257]. Одной из задач нашего исследования и является рассмотрение характеристик деепричастных конструкций, влияющих на возможность выделения в них преимущественно причинного значения.

Обстоятельственная семантика, свойственная деепричастию в большинстве случаев употребления, является производной от взаимодействия семантики обеих глагольных форм — сказуемого и деепричастия. Так, например, причинно-

следственные отношения можно обнаружить у функционально однотипных форм — однородных сказуемых: *Он споткнулся и упал*. Те же отношения проявляются и в конструкциях с деепричастием: *Споткнувшись, он упал* [Навалихин 1988: 71].

Простые предложения с ДО сопоставимы с БСП и ССП, выражающими причинные отношения, и уступают по степени эксплицитности только СПП с придаточным причины, в которых присутствует соответствующий союз в качестве дополнительного маркера отношений.

При этом, однако, ДО в целом находятся в поле причины на большей периферии от центра, чем БСП и ССП. Это связано с тем, что предложения с ДО могут описывать не все ситуации, связанные причинно-следственными отношениями. Как известно, в русском языке субъект основного действия и второстепенного, выраженного деепричастием, должен совпадать. Это ограничение приводит к тому, что предложение типа *Мы опоздали, потому что мать попросила нас задержаться* в принципе невозможно трансформировать в деепричастную конструкцию. Трансформации в ДО поддаются только предложения с одним актантом: *Я опоздал, потому что задержался на работе* — > *Я опоздал, задержавшись на работе*. Деепричастные конструкции всегда описывают внутреннюю причину, связанную с субъектом, выраженным подлежащим. В этих конструкциях наблюдаем совпадение субъекта-каузатора и субъекта-каузанта (*опоздал, потому что сам задержался*).

Кроме обособленных ПО и ДО, причинные отношения в ПП могут выражать другие обособленные определения [Почтенная 1977: 74], а также обособленные обстоятельства, образованные именами существительными с предлогами или предложными сочетаниями *благодаря, ввиду, во избежание, вопреки, в отличие, в связи с, вследствие, в случае, за неимением, за отсутствием, несмотря на, по причине, при условии, согласно* и др. [Розенталь и др. 1991: 448].

При анализе полупредикативных конструкций со значением причины необходимо учитывать тот факт, что периферии функционально-семантического поля свойственна, по определению С. С. Ваулиной, разреженность специфических признаков поля, уменьшение функциональной нагрузки, а также меньшая регулярность и меньшая употребительность [Ваулина 1993: 31–32].

Действительно, обособленные обстоятельства и определения с причинным значением в языке не являются частотными, выражение причинных отношений

для них не первичная функция. Однако при соблюдении определенных условий, которые будут рассмотрены далее, эта функция выполняется ими достаточно регулярно.

1.3. Определение полупредикативных конструкций

Поля обусловленности тесно связаны с предикативностью, поэтому при описании способов выражения причины важно учитывать общую структуру конструкций обусловленности. Эти конструкции всегда биситуативны, т. е. состоят как минимум из двух частей: обусловливающей и обусловливаемой ситуаций. Исходя из этого, наиболее эксплицитными способами выражения причинных конструкций являются сложные предложения или же осложненные предложения с полупредикативными конструкциями, в которых один из предикатов находится в свернутом виде.

Полупредикативность отмечается исследователями [Грамматика 1982: 181–182; Навалихин 1988: 68 и др.] в различных типах обособления, прежде всего в деепричастных и причастных оборотах и приложении.

Внешне разнородные средства осложнения ПП обладают, тем не менее, одним общим признаком, а именно — наличием некоторой дополнительной по отношению к предикативному ядру предложения, несамостоятельной предикативности, помещающейся за пределами формального сказуемого. До сих пор пользуется популярностью и доминирует в учебно-лингвистической литературе понимание таких конструкций, как простых предложений, распространенных особыми морфологическими формами или целостными оборотами. Отсюда и используемый в литературе термин «осложненное предложение».

Между тем все больше распространяется иной взгляд на эти синтаксические образования. В соответствии с ним, осложненные предложения — не результат распространения чего-то по природе опорного чем-то по природе подчиненным, а результат «конденсации двух предикатов, один из которых сохраняет первоначальную форму и значение, а другой теряет самостоятельные показатели предикативности, но всегда может быть развернут в полную предикативную конструкцию, сохраняющую с первой те же логические отношения причины,

уступительности, цели, предшествования или одновременности» [Ронина 1996: 67]. Эта точка зрения подтверждается тем фактом, что полупредикативные конструкции с причинным значением, действительно, всегда можно преобразовать в прототипические СПП с показателем причинно-следственных отношений в виде причинного союза.

Так, предложения с деепричастиями можно рассматривать как полипрозитивные моносубъектные структуры с неравноправием пропозиций (деепричастие обозначает второстепенную, побочную), связанных временными отношениями с атрибутивными и обстоятельственными осложнениями [Шмелева 1984: 64]. Т. Г. Акимова и Н. А. Козинцева, обобщая определения А. А. Шахматова и А. А. Потебни, трактуют конструкции с деепричастиями как полипредикативный комплекс, включающий основное сказуемое и подчиненное ему второстепенное сказуемое, выраженное деепричастием. Компоненты данного полипредикативного комплекса передают соответственно основное и второстепенное (сопутствующее) действия. Функция второстепенного сказуемого характерна для деепричастия во всех случаях его употребления. В части случаев данная функция может совмещаться с функцией обстоятельственной [Акимова, Козинцева 1987: 257].

Исследователи отмечают также важность обособления полупредикативных конструкций. Введенный А. М. Пешковским почти сто лет назад (в первом издании книги «Русский синтаксис в научном освещении», 1914 г.) термин «обособление» обозначает ритмико-интонационное и смысловое выделение факультативного члена предложения и зависимых от него слов для сообщения ему коммуникативной значимости и синтаксической самостоятельности. Обособляются только второстепенные члены предложения, так как главные выражают основное, а не добавочное сообщение.

М. А. Шелякин также отмечает, что обособление может быть использовано для дополнительного сообщения или дополнительного уточнения, пояснения другого члена [Шелякин 1993: 239]. Добавим, что, поясняя одну ситуацию, выраженную основным членом предложения, говорящий нередко проводит логическую связь между двумя ситуациями и таким образом вводит в предложение значение причины или обоснования.

С точки зрения сочетаемости внутри предложения, обособленные члены не образуют словосочетаний с определенными словами: между теми и другими, благодаря наличию добавочного утверждения или отрицания, существуют полупредикативные отношения, вследствие чего обособленные члены по своей смысловой нагрузке, равно как по интонационному оформлению, приближаются к придаточным предложениям, как бы занимая промежуточное положение между ними и необособленными членами, но находясь ближе к первым [Розенталь и др. 1991: 439].

Роль обособления как показателя предикативности подтверждается тем фактом, что деепричастия и ДО, которые не способны передавать значение дополнительного сказуемого (т. е. близкие к наречиям), не обособляются. Ср. использование необособленного и обособленного деепричастия в следующем примере: *Она молча кивнула, боясь, что дрогнет голос* (Б. Акунин). Полупредикативность здесь содержится только в обособленном деепричастии, которое имеет причинное значение.

Е. М. Галкина-Федорук, Н. С. Валгина [Современный русский язык: Синтаксис 1958: 257–258; Валгина 1978: 246] и другие синтаксисты связывают проблему полупредикативности с фактом дополнительного сообщения, носителем которого являются обособленные второстепенные члены, так как «полупредикативные обособленные обороты обладают большой информативной нагруженностью, они содержат дополнительное сообщение, сопутствующее сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения» [Русская грамматика 1989: 181].

Полупредикативные конструкции входят в состав полипредикативного комплекса. Полипредикативный комплекс включает в себя сочетание основной и вторичной (второстепенной) предикации в конструкциях с деепричастиями (также с причастиями и под.) и разные типы полипредикации в сложных предложениях и предложениях с однородными сказуемыми. Понятие полипредикации в целом распространяется также на высказывания, представляющие собой сверхфразовые единства [Бондарко 1987: 237].

А. В. Бондарко в «Функциональной грамматике» дает подробную характеристику причастных и деепричастных оборотов, которая подытоживает сказанное выше. Он говорит следующее: «Будучи глагольными узлами

предложения, эти конструкции эксплицитно передают ситуативную информацию. Будучи подчиненными компонентами предложения, по способу включения в иерархическую структуру предложения они сопоставимы с придаточными предложениями. Вместе с тем, конечно, возможности причастных и деепричастных конструкций ниже возможностей придаточных предложений. Это, во-первых, касается такого момента, как формальная маркировка конструкций. Здесь, как в любом случае использования немаркированных средств, большое значение приобретает конкретное содержательное наполнение ситуативных структур, ибо и причастные, и деепричастные конструкции способны обозначать не только микроситуации обусловленности, но и <...> совмещаться со значениями определительными, образа действия, сопутствующего действия и др.» [Бондарко 1984: 159].

Итак, к полупредикативным конструкциям мы будем относить предложения биситуативной структуры, в которых одна из ситуаций описывается при помощи свернутого предиката. Такой предикат при необходимости можно развернуть в конструкцию с эксплицитно выраженной предикацией. Полупредикативные конструкции, как правило, обособляются.

1.3.1. Основные полупредикативные конструкции в русском языке

Как уже было отмечено, полупредикативные обороты обладают относительной содержательной самостоятельностью и близки к придаточным или самостоятельным предложениям. Среди полупредикативных конструкций различают следующие (проиллюстрированные нами примерами с причинным значением):

- 1) деепричастный оборот или обособленное деепричастие — *Офицеры весьма недоверчиво отнеслись к нему, **полагая**, что на совести его лежат многие не слишком славные поступки...* (М. Зощенко);
- 2) причастный оборот или обособленное причастие — *Я, **наученный опытом**, плохо надеялся на Ермолая* (И. Тургенев);
- 3) приложение, или субстантивный обособленный оборот — *Эраст Петрович, **деликатный человек**, про детали расспрашивать не стал.* (Б. Акунин);

- 4) обособленное определение, или адъективный оборот — *Начальство, строгое к разному странствующему люду, арестовало бы нас* (М. Горький);
- 5) обособленное обстоятельство, выраженное именем существительным (с такими предлогами, как *ввиду, вследствие, благодаря, по причине, за неимением, во избежание* и др.) или наречием — *Вследствие множества наехавших гостей, никто не спал в одиночку* (И. Тургенев). Обстоятельства, выраженные наречием, обособляются крайне редко, и примеры с ними отсутствуют в нашей картотеке;
- 6) сравнительный оборот — *И, словно почувствовав, что холодный зритель зевает, фигуры приуныли, двигались не так ладно* (В. Набоков).

Дополнительное причинное значение в сравнительных оборотах, как правило, исследователями не отмечается. Однако нам представляется, что они способны содержать значение обоснования, особенно если в них содержится свернутый предикат в виде деепричастия. Сравнительный союз в таком случае указывает на степень уверенности автора в данной причине. Вопрос о наличии в этих оборотах значения причины будет рассмотрен подробнее в аналитической главе.

В целях более полного описания полупредикативных конструкций приведем ниже еще две группы оборотов, хотя они, по нашим наблюдениям, не участвуют в выражении значений обусловленности.

- 7) обособленный оборот со значением включения, исключения и замещения (с предлогами и предложными сочетаниями *кроме, включая, исключая, за исключением* и под.), который называют иногда также обособленным дополнением;
- 8) обособленные конструкции с уточняющим, пояснительным и присоединительным значением (с сочетаниями *например, особенно, и притом*), относящиеся обычно к обстоятельствам места и времени или к определениям.

Из всех полупредикативных конструкций в наибольшей степени семантически связанным с основным предикатом является ДО, роль которого в числе полупредикативных конструкций уже была рассмотрена выше. Так как деепричастие выполняет роль второстепенного сказуемого, любое предложение с

ДО однозначно разворачивается в биситуативную конструкцию, так как оба предиката названы. Ср.: *Цинциннат от нечего делать принялся считать ступени, досчитал до трехзначной цифры, но спутался, **оступившись*** (В. Набоков). Предикат ситуации причины здесь — *оступился*, предикат следствия — *спутался*.

Трансформацию в конструкцию с полной предикацией можно провести и с любой другой полупредикативной конструкцией, например с указанными ранее обособленными определениями. Разница с ДО будет только в типе полученного предиката: *Начальство, **строгое к разному странствующему люду**, арестовало бы нас.* —> *Начальство арестовало бы нас, потому что оно было строгим к разному странствующему люду.* Предикат ситуации причины — *было строгим*, предикат следствия — *арестовало*.

Обратимся далее к обзору соответствующих конструкций в эстонском языке.

1.3.2. Обзор полупредикативных конструкций в эстонском языке

Прежде всего, необходимо отметить, что понятие полупредикативности не рассматривается в грамматиках эстонского языка. При этом тот факт, что обороты, обычно содержащие склоняемую форму глагола, в эстонской терминологии традиционно обозначаются как *lauselühendid* («сокращения» предложений [ЕКК 2007: 575]), подразумевает, что они рассматриваются именно как свернутые предложения, а не в качестве осложнений простого предложения. «Грамматика эстонского языка» 1993 года называет предложения с интересующей нас дополнительной предикацией *sekundaartarinditega laused* и отмечает, что обороты (*tarindid*) имеют ряд общих черт с предложением, а именно: актантный состав, форму актантов и грамматические категории предложения [ЕКГ 1993: 269].

Многие из конструкций, попадающих под определение подобных оборотов, являются полупредикативными. К ним относятся следующие конструкции:

- 1) герундивный оборот на *-des* (*gerundiivitarindid*);
- 2) причастные обороты на *-nud*, *-tud*, *-v* и *-tav* (*partitsiibitarindid* или *kesksõnalised tarindid*);
- 3) обороты с инфинитивом на *-da* и *-vat*;

4) обороты с формами супина на *-ma*, *-mas*, *-mast*, *-maks* и *-mata*;

5) обороты с абсолютным номинативом (*absoluuttarindid*).

Авторы «Грамматики эстонского языка» включают в число оборотов также номинализацию:

6) номинальные обороты, или номинализация (*nominalisatsioon* или *nominaaltarind*).

Это, по сути, отглагольные имена, в которых, исходя из их природы, безусловно присутствует предикативность: *Maja ehitamine võttis kaua aega* <— *ehitati maja*; *Lepingu sõlmimisel kinnitab kirjastus teosele toimetaja* <— *kirjastus sõlmib lepingu*. При описании данных конструкций авторы, впрочем, отмечают, что степень соответствия предложению (*lauselisuus*) этих оборотов ниже, чем у других оборотов [EKG 1993: 269]. В них сохраняется способность включения зависимых слов, но утрачивается способность присоединения обстоятельств, распространяющих все предложение (так, является невозможным сочетание типа **kahjuks maja mahapõlemine*). В русской грамматической традиции сочетания с подобными именами не относятся к полупредикативным конструкциям.

Перечисленные причастные и герундивные конструкции относятся к обстоятельственным или определительным «сокращениям» предложения (*määruslikud* и *täiendilised tarindid/lauselühendid*) [Mihkla и др. 1974: 440, 446]. Конструкции с глагольными оборотами, кроме отношений времени, могут выражать также отношения обусловленности. Например, обороты с супином на *-maks* регулярно выражают отношения цели. Такое же значение обычно отмечается у оборотов на *-ma*: *Ta tuli jälle uusi käske andma*.

Причинное значение, наряду с другими значениями обусловленности, а также значениями образа действия и времени, указывается для оборотов с герундием [EKG 1993: 264]. Некоторые авторы (например, [Valgma, Remmel 1970: 242]) отмечают, что герундивный оборот можно использовать вместо СПП причины: *Ma olen kurb sind säärases seisundis nähes*. <—> *Ma olen kurb, et näen sind säärases seisundis*.

Между деепричастными оборотами в русском и герундивными оборотами в эстонском существуют некоторые различия. Например, эстонская форма на *-des* призвана описывать действие, характеризующее другое действие и происходящее с ним одновременно [Metslang и др. 2003: 108]. Как известно, различные

сочетания видовых форм глагола и деепричастия в русском языке позволяют выражать в конструкциях с деепричастием как отношения одновременности, так и отношения предшествования/следования.

Кроме того, в эстонском языке, в отличие от русского, не действует правило обязательного совпадения субъектов главной части предложения и герундивного оборота. Отсутствие этого ограничения позволяет предположить еще бóльшую роль герундиев на периферии выражения причинных отношений в эстонском, поскольку сфера их применения оказывается шире.

Четыре формы эстонских причастий во многом сходны с соответствующими причастиями в русском языке. Отличие наблюдается только в отношении стилистики. В то время как в современном русском языке причастия свойственны книжному стилю, в эстонском языке их использование считается стилистически нейтральным [Metslang и др. 2003: 109].

Особой конструкцией является *mata-lauselühend*. Она представляет собой негативную конструкцию с супином, содержит форму абессива и может заменять, среди прочих, и причинные предложения с отрицанием: *Ja väljapääsu leidmata tarvitaski vahetevahel võtteid, mis pole omased tõelisele brigadirile.*

В аналитических главах будут рассмотрены типы эстонских оборотов из числа указанных выше, способных выражать причинные отношения, а также будут проанализированы соответствия между русскими полупредикативными конструкциями и эстонскими конструкциями в переводных текстах.

ГЛАВА II. ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРИЧИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной главе анализируются основные типы полупредикативных конструкций русского языка, способные выражать причинные отношения. В нашей картотеке они распределились следующим образом:

Таблица 1. Типы полупредикативных конструкций в картотеке примеров на русском материале

Тип конструкции	Количество примеров	Процент примеров
Деепричастные обороты	678	63%
Причастные обороты	179	16%
Обособленные приложения	103	10%
Конструкции со связкой <i>будучи</i> *	57	5%
Обособленные определения другого типа	31	3%
Обособленные обстоятельства других типов	22	2%
Конструкции с <i>являясь</i> *	14	1%
Всего:	1084	100%

*Обороты с *будучи* и *являясь* формально относятся к ДО, однако мы склонны включить их в группу обособленных приложений — данная позиция будет обоснована в соответствующем параграфе. В зависимости от выбора точки зрения на эти конструкции, их можно включать в статистику по ДО или по приложениям.

Все указанные конструкции будут рассмотрены, в основном, в порядке их частотности: от ДО, регулярно выражающих причинные отношения, к сравнительным конструкциям, предназначенным для выражения других типов отношений.

2.1. Деепричастные обороты

Полупредикативность деепричастия не вызывает сомнений и заложена уже в самой этимологии данного термина: возникшее в XVII веке понятие «деепричастие» состоит из двух частей (*dee* + *причастие*), которые, совмещаясь,

обозначают «причастность к действию» [Шанский и др. 1971: 122], или, собственно, дополнительное действие, которое обычно обозначает отдельную ситуацию.

По определению, данному в энциклопедии «Русский язык», деепричастие — это неизменяемая глагольная форма, обозначающая действие или состояние как признак другого действия или состояния [Белоусов 1979-1: 68]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» деепричастие определяется как нефинитная форма глагола, или вербоид [Козинцева 1990: 128].

Принятым в русском языке условием употребления деепричастий является то, что действия, обозначаемые деепричастием, должны совершаться тем же лицом, к которому относится действие, обозначаемое глаголом-сказуемым. Это лицо может быть выражено подлежащим, а также косвенными агентивными падежами, ср.: *Пора ему перестать писать стихи, не имея таланта*. Случаи использования деепричастия в безличных предложениях при условии принадлежности обоих действий одному лицу встречаются в художественных произведениях и в научной речи: *Таким образом, не претендуя на абсолютную точность положения, надо принимать, что большие полушария являются главным органом условных рефлексов* (И. Павлова). В то же время ДО может включать в свой состав «второстепенное подлежащее», дублируя основной субъект предложения, ср.: *Они шли, каждый думая о своем* [Навалихин 1988: 71–72]. В редких случаях деепричастие бывает подчинено причастию, ср. пример из художественного произведения: *Эти маленькие удовольствия несколько примиряли его с множеством обид, которые он испытывал со стороны бойких людей, все более крепко забиравших дело в свои цепкие руки, отодвигая его в сторону, в одиночество* (М. Горький).

Деепричастие означает дополнительное действие, в связи с чем функцию деепричастия в предложении, вслед за А. А. Шахматовым, обычно определяют как второстепенное сказуемое. При этом «формально-грамматически деепричастие примыкает к сказуемому, а содержательно относится и к подлежащему» [Ицкович 1979: 69]. Некоторые исследователи считают деепричастие обстоятельством, сходным по своим функциям с наречием. Так, В. В. Виноградов называет деепричастие «гибридной наречно-глагольной формой» [Виноградов 1972: 308]. Эта точка зрения принята и в школьных

учебниках. По мнению Н.А. Козинцевой, в русском языке деепричастие может выполнять как функцию наречия, так и роль второстепенного сказуемого [Козинцева 1990: 128].

Среди обстоятельственных значений, которые могут выражать деепричастия, традиционно выделяют значение причины (*задержавшись в дороге, опоздать на поезд*) [Розенталь и др. 1991: 446; Козинцева 1990: 128]. Как правило, деепричастие с обстоятельственно-характеризующим значением имеет при себе зависимые слова, т. е. представлено деепричастным оборотом.

ДО с причинным значением описывает причину, действительную или являющуюся таковой по мнению автора, которая повлекла за собой действие, указанное в главной части предложения. Наиболее простым и наглядным способом, помогающим определить, является ли данная деепричастная конструкция причинной, является трансформация предложения в прототипическую конструкцию с маркером *потому что*. Продемонстрируем эту возможность на примерах:

Заботясь о поддержке неудавшихся детей, дедушка стал заниматься ростовщичеством (М. Горький). — *Дедушка стал заниматься ростовщичеством, потому что заботился о поддержке неудавшихся детей;*

Булгаков, хорошо понимая смысл происходящего в стране, не питал иллюзий относительно собственного положения (И. Белобровцева, С. Кульюс). — *Булгаков не питал иллюзий относительно собственного положения, потому что хорошо понимал смысл происходящего в стране.*

Наша картотека включает в себя 678 примеров с обособленными деепричастиями. В это число не входят примеры с формой *будучи*, которая выполняет особую синтаксическую функцию. Конструкции с *будучи* рассматриваются в отдельном параграфе главы об обособленных приложениях.

Т. Г. Акимова и Н. А. Козинцева отмечают, что выражение значения обусловленности в деепричастных конструкциях является семантическим эффектом взаимодействия лексических значений деепричастия и личной формы, порядка слов, частных видовых значений [Акимова, Козинцева 1987: 257]. Мы рассмотрим такие формальные показатели, как вид и время основного глагола, вид деепричастия, позиция оборота по отношению к сказуемому, а также наличие или отсутствие зависимых слов при деепричастии. Что касается семантики

рассматриваемых конструкций, то наблюдается принадлежность основного глагола и деепричастия к некоторым лексико-семантическим группам. Необходимо при этом заметить, что синтаксические и лексические показатели при выражении причины дополняют друг друга.

2.1.1. Видовая характеристика и временной план

На собственно синтаксическом уровне деепричастие как второстепенное сказуемое считается специализированным выразителем категории зависимого таксиса. ФСП таксиса представляет собой «единство, образуемое разнородными языковыми средствами данного языка, объединенными семантикой временных отношений между действиями-компонентами полипредикативных комплексов в рамках целостного периода времени» [Бондарко 1987: 238]. Ядро семантики таксиса — это значения предшествования-следования, при этом зависимый таксис выражает различные типы отношений к независимому глаголу — одновременность, предшествование, прерывание и т. п. Зависимый таксис описывает «временное отношение между действиями, из которых одно является основным, а второе — второстепенным (сопутствующим)», и эти временные соотношения действий могут быть осложнены семантикой обусловленности, в т. ч. значениями причины [Там же: 234, 239].

Другие исследователи, например, Т. Г. Акимова и Н. А. Козинцева, также выделяют в качестве одной из разновидностей таксисных отношений ситуацию, при которой «второстепенное действие не только сопряжено во времени с основным, но и обуславливает осуществление основного действия» [Акимова, Козинцева 1987: 257].

Обратимся к сочетаниям видовых форм в нашей картотеке.

Таблица 2. Видовые сочетания деепричастия и основного глагола

Вид деепричастия	Вид основного глагола	Количество примеров	Процент примеров
НСВ	НСВ	264	39%
НСВ	СВ	170	25%
СВ	СВ	183	27%
СВ	НСВ	61	9%

Как видим, в причинных предложениях с ДО возможны любые видовые сочетания деепричастия и основного глагола. Частотность деепричастий НСВ (всего 64% примеров) объясняется определенными ЛСГ (например, со значением ментального, эмоционального восприятия и т. п.), к которым деепричастия в большинстве своем относятся и которые обычно употребляются в НСВ.

Деепричастия НСВ обозначают, как правило, одновременность названного ими действия с определяемым действием, и, таким образом, ДО с формой деепричастия НСВ обозначают причину как постоянную или систематическую обусловленность основного действия.

Для обозначения одноразовой и завершенной причины действия используются ДО с деепричастием СВ. Деепричастия СВ чаще всего обозначают названное ими действие как предшествующее определяемому действию, реже — как одновременное или как последующее [Белоусов 1979-1: 68]. В. В. Виноградов отмечает, что деепричастия СВ обозначают, собственно, «относительное прошедшее время со значением совершенного вида. Значение совершенного вида, соотнесенного с формой времени определяемого глагола, чаще всего становится значением предшествования» [Виноградов 1972: 311].

Основные разновидности аспектуально-таксисных ситуаций в наших примерах таковы:

1) В предложениях с деепричастиями и глаголами по модели НСВ + НСВ основной процесс происходит по причине второстепенного процесса и одновременно с ним: *Он не сердился на доносчиков, но те умножились и, мужая, становились страшны* (В. Набоков); *О Николае Рерихе я, конечно же, слышал давно и, обладая духом путешественника, уважал его чрезвычайно* (Э. Мулдашев).

2) Также в сочетаниях НСВ + НСВ основное неограниченно-кратное действие совершается по причине постоянного состояния или повторяющегося действия, выраженного деепричастием НСВ, причем временное отношение между повторяющимися актами основного и второстепенного действия сводится к их совмещенности в едином периоде времени: *Стремясь развить у себя понимание устной речи на иностранном языке, он, живя за границей, посещал театры, перечитывая перед этим те произведения, которые ему предстояло увидеть на сцене* (А. Васильева); *Марья Александровна ... в решительных случаях не*

задумывалась даже перед скандалом, **принимая за аксиому**, что успех все оправдывает (Ф. Достоевский).

3) В сочетаниях НСВ + СВ основное целостное действие (глагол СВ) происходит по причине и на фоне второстепенного процесса: **Не умея пробиться в свою вечность**, я обратился к изучению ее пограничной полосы — моего младенчества (В. Набоков); Кузьмин узнал об этом на совещании, куда пришел без приглашения, **полагая**, что его просто не успели оповестить (Л. Хахалин).

4) В предложениях, где деепричастие и глагол выражены моделью СВ + СВ, основное целостное действие обусловлено второстепенным целостным действием с признаком перфектности и непосредственно следует за ним: **Движение ледяной массы, встретив непреодолимую преграду**, превратилось в колоссальную энергию разрушения (А. Серафимович); **Оценив наличие в словах здравого смысла**, в Архангельске мне посоветовали обратиться в центральный столичный офис («Аргументы и факты»).

Однородные ДО с деепричастиями СВ обычно описывают последовательность действий, одни из которых являются причиной других: **Завязнув в ирландских болотах и не сумев одержать решающей победы**, Эссекс вступил в переговоры с Тироном и заключил с ним перемирие (И. Гилилов).

5) В комбинациях СВ + НСВ основное действие, описывающее процесс (глагол НСВ), обусловлено предшествующим второстепенным целостным действием или рядом таких действий при наличии однородных деепричастий: **Выйдя из деревенской глуши, из народных глубин**, Сытин хорошо знал по самому себе, что такое потемки, в которых векует народ (Н. Телешов); **За неделю, разогнавшись и набрав скорость**, лотерея должна была по самой скромной оценке дать тысяч шестьдесят (Б. Акунин).

Будучи свернутыми предикатами, деепричастия вносят в предложение дополнительную динамичность. Обычно использование ДО и других полупредикативных конструкций является одним из способов включения в предложение максимального количества действий-событий. Так, в приведенном ниже предложении 9 глагольных форм, в т. ч. 5 финитных, 1 инфинитив, 2 деепричастия и 1 причастие (*вышли, озаренную, подкатил, спохватившись, прервал, рассердившись, пришел к выводу, подумал, подсмотреть*):

*Когда они вышли на морозную улицу, озаренную фасадом театра, и подкатил верный «Икар», Драйер, **спохватившись**, что последние дни он как-то прервал свои наблюдения над шофером, и **немного рассердившись на самого себя за то**, что до сих пор не пришел к определенному выводу, подумал, что сейчас как раз время кое-что подсмотреть* (В. Набоков).

Такая возможность давать перспективу между различными глагольными формами, выделяя главные и второстепенные события, служит удобным средством для выражения разнообразных взаимоотношений между несколькими действиями и состояниями. Попытка заменить деепричастия глаголами разорвала бы связи между отдельными действиями, в том числе причинные, и сделала бы однообразным перечень отдельных действий.

Приведем еще одно предложение с однородными ДО, которые помогают автору компактно оформить свою мысль и осложнить предложение причинными отношениями: *Можно думать о том, что Высший Разум по мере развития человечества «посвящает» отдельных людских индивидуумов в более сложные аспекты Единого всемирного знания, **стараясь тем самым более глубоко развить первоначальные религиозные знания, противодействуя догматизму многих религиозных служителей*** (Э. Мулдашев).

Что касается временного плана конструкций с ДО, следует, прежде всего, заметить, что формально деепричастия различаются между собой «только по формам вида и не имеют форм времени, лица, числа, наклонения» [Шелякин 1993: 183]. Поэтому, говоря о плане времени, мы рассматриваем только время основного глагола (которое при этом, безусловно, дополняется видовой характеристикой как самого глагола, так и деепричастной формы).

Так как причина в системе отношений обусловленности представляет собой реализованное условие, в подавляющем большинстве причинных предложений (71%) глагол стоит в форме прошедшего времени.

Типичность временного плана прошедшего времени объясняется тем, что это время обычно используется для нарратива, и с его помощью описываются события с участием одушевленных лиц. Это подтверждается тем, что подлежащие в подобных предложениях часто выражены именем собственным, названием одушевленного существа или личным местоимением: *И он почувствовал приятное облегчение, увидев наконец два совершенно человеческих, совершенно*

знакомых лица (В. Набоков); *Давыдов невольно замедлил шаг, услышав доносившийся из амбаров сплошной и грозный рев* (М. Шолохов); *Длинноногий голубой жеребенок выскочил из ворот, но, испугавшись Нехлюдова, нажался на телегу* (Л. Толстой).

В 26% причинных предложений с ДО из нашей картотеки сказуемое имеет, однако, временную характеристику настоящего времени. Подлежащим в подобных конструкциях являются, преимущественно, научные понятия и абстрактные идеи и встречаются они в текстах научного стиля: *Диалектная речь, не зная вообще в своем обороте причастных форм как глагольных образований, употребляет эти формы от отдельных глаголов, но в значении прилагательных* (С. Обнорский); *Авторитет преподавателя начинает играть отрицательную роль, ограничивая мысль обучающегося, задавая жесткую иерархию их отношений на занятиях, создавая модель их изначального интеллектуального и социального неравенства* (Н. Хохлов).

Самую малочисленную группу составляют предложения со сказуемым в форме будущего времени — их в наших примерах всего 3%. Это объясняется тем, что план будущего времени свойственен конструкциям, описывающим отношения нереализованного условия, т. е. условным конструкциям. «При отношениях условия основное действие, обусловленное другим, второстепенным, действием, либо относится к плану будущего, либо является узуальным или гипотетическим» и выражается с помощью форм сослагательного наклонения [Акимова, Козинцева 1987: 272]. Рассмотрим следующий пример: *Располагая материал по стадиям развития народов, фольклористы смогут создать поистине историческое исследование произведений народной поэзии* (В. Еремина). — *Если фольклористы будут располагать материал по стадиям развития народов, то они смогут создать поистине историческое исследование произведений народной поэзии.*

Произведя замену будущего времени основного глагола на прошедшее, получим конструкцию, которая может быть трансформирована в причинную: *Располагая материал по стадиям развития народов, фольклористы создали поистине историческое исследование произведений народной поэзии.* — *Фольклористы создали поистине историческое исследование народной поэзии, так как располагали материал по стадиям развития народов.*

Таким образом, время основного глагола в большинстве случаев помогает отделить причинные предложения с ДО от условных. В некоторых примерах, однако, грань между реализованным и нереализованным условием достаточно расплывчата, ср.: *...До XVIII века моряки-протестанты часто татуировали на спине распятие, поскольку верили, что зло минует их, **встретив лик самого Христа*** (Б. Серафимов). — *...До XVIII века моряки-протестанты часто татуировали на спине распятие, поскольку верили, что зло минует их, **потому что/когда/если встретит лик самого Христа***.

В конструкциях с формой будущего времени иногда наблюдается и «чистое», не осложненное иной семантикой, значение причины-обоснования, особенно при употреблении деепричастий НСВ: *Мы не будем давать определений семантических категорий, **считая**, что они знакомы студентам из курса лексикологии* (Н. Лукьянова); *Если попытаться сказать главное о нем, то это такой Автор, который всегда будет стоять сам по себе, отдельно от своей книги, **не нуждаясь в том**, чтобы ее соединяли с ним* (И. Гилилов).

Итак, наиболее характерными и частотными для конструкций с ДО являются план прошедшего времени и использование деепричастий НСВ, обозначающих одновременность ситуации-причины и основного действия или состояния. Деепричастия НСВ могут сочетаться как со сказуемыми, выраженными глаголами НСВ, так и с глаголами СВ.

Менее частотными, но также достаточно регулярными являются деепричастия СВ в сочетании с глаголом-сказуемым СВ, описывающие предшествование причины основному действию.

Рассмотрим далее, какая семантика свойственна как деепричастиям, так как и глаголам в конструкциях, выражающим причинно-следственные отношения.

2.1.2. Лексико-семантическая характеристика деепричастий и глаголов-сказуемых

Известно, что деепричастная форма «объединяется с глаголом общим лексическим значением, общностью вида, залога действительного и средневозвратного, одинаковым управлением и возможностью определяться

наречием» [Валгина и др. 1987: 243], поэтому следует рассматривать как лексико-семантические характеристики основных глаголов, так и деепричастий.

В составе глагольной лексики уже давно выделяются и изучаются такие группы слов, как глаголы движения, глаголы речи, глаголы чувства, глаголы восприятия, глаголы мышления и некоторые другие [Васильев 1982: 11]. Принадлежность основных глаголов и деепричастных форм к лексико-семантическим классам требует подробного анализа, так как причинное значение часто определяется семантикой глагола и деепричастия в предложении.

ДО могут описывать мотивы действия, выполненного субъектом и представленного личным глаголом. Т. Г. Акимова и Н. А. Козинцева отмечают, что в конструкциях, отражающих причинную обусловленность основного действия второстепенным, «часто употребляются деепричастия СВ от глаголов со значением изменения внутреннего состояния субъекта (*обрадовавшись, рассердясь, растерявшись, решившись, увлекшись* и т. д.), деепричастия СВ и НСВ от глаголов психического восприятия (*убедившись, услышав, увидев, понимая, считая, зная, видя, думая, подозревая* и др.), эмоционального отношения (*опасаясь, чувствуя, боясь, испытывая* и др.), намерения (*намереваясь, надеясь* и др.)» [Акимова, Козинцева 1987: 269–270].

Эти же авторы пишут, что причинное значение выражается и в том случае, когда основное сказуемое представлено глаголом эмоционального, внутреннего состояния, а деепричастие передает источник данного состояния.

Указанные тенденции подтверждаются нашими примерами, в которых преобладают деепричастия от ментальных глаголов, глаголов эмоционального, зрительного восприятия и намерения, которые и будут рассмотрены далее.

1. Ментальные глаголы

К ментальным глаголам, или глаголам психического восприятия, относятся такие лексемы, представленные деепричастными формами, как *зная, понимая, думая, считая, убедившись* и др. Конструкции с подобными деепричастиями составили больше четверти — 26% от общего числа примеров. В предложениях с причинным значением деепричастия, обозначающие ментальную деятельность, обычно представлены в форме НСВ и описывают процесс, на фоне которого произошло какое-то действие. Они сочетаются с глаголами других групп —

движения, внешнего проявления эмоций и т. д.: *И школу Франц покинул с облегчением, **полагая**, что отделался навсегда от ее грязноватой, прыщеватой жизни* (В. Набоков); *Только Обноскин слегка улыбался, **предвидя гонку**, которую зададут дяде* (Ф. Достоевский); *Мы закрыли ее на кухне, **решив**, что именно там она причинит минимальный ущерб* (О. Робски).

Среди встретившихся деепричастий от ментальных глаголов наиболее частотными были следующие: *зная/узнав* (22%), *понимая/поняв* (15%), *полагая* (15%), *думая* (9%), *считая* (7%). Приведем примеры: *Я немедленно присоединился к ним и нарочно завел разговор о моде, **зная**, что индолог вскоре заскучает и уйдет* (Б. Акунин); ***Понимая неизбежность катастрофы**, многие из лемурийцев ушли в пещеры, вошли в состояние сомати и организовали Генофонд человечества* (Э. Мулдашев); *Вадя, **что-то думая**, нежно покраснел* (И. Бунин); *Учительница стремилась «подкармливать» мальчугана, но он упорно отказывался, **считая**, что брать чужое стыдно* (Р. Будагов).

Реже встречались деепричастия *предполагая/предположив, видя* (совмещающий значения ментального глагола и глагола восприятия), *сообразив, рассчитывая, памятуя, вспоминая, припомнив, забыв, решив* и др.: ***Предположив**, что сканирующий человеческий взгляд снимает геометрическую информацию с глазной области лица, мы сделали качественные фотографии этой области и попытались по ним найти принципы геометрической обработки глазной щели, век, бровей и переносицы* (Э. Мулдашев); ***Видя**, что все мои усилия заставить его опять разговориться оставались тщетными, я отправился на ссечки* (И. Тургенев); *Студенты, выполняя практические задания реальных компаний, разрабатывают проекты, подкидывают новые идеи и нестандартные решения в различных ситуациях, **резонно рассчитывая со временем получить работу там**, где уже смогли себя зарекомендовать («Cosmopolitan»); **Памятуя**, что «рыбак сыт, пока не просох», жители других деревень занимались отхожими промыслами* (Е. Рихтер).

Частотность в причинных предложениях деепричастий от ментальных глаголов объясняется тем, что такие конструкции призваны мотивировать чье-то субъективное мнение, суждение, понимание. Они, таким образом, хорошо подходят для выражения причинно-аргументирующего значения.

2. Глаголы эмоционального восприятия

В 13% примеров деепричастие является формой глагола со значением внутреннего состояния субъекта или эмоционального отношения. Центральными в данной группе являются глаголы *чувствовать/почувствовать, ощущать*. Напр.: *Все тело мое изгибалось, **почувствовав смертную дрожь**...* (А. Ахматова); *Завидующий человек, **в глубине души ощущая**, что равные права не есть еще равные возможности, незамедлительно начинает пользоваться этими равными правами в угоду своей вождеделенной зависти* (Э. Мулдашев).

В ЛСГ глаголов эмоциональной деятельности выделяются следующие подгруппы: глаголы эмоционального жеста, обозначающие внешнее проявление эмоций, глаголы эмоционального состояния, глаголы эмоционального переживания, глаголы эмоционального отношения [Бабенко, Купина 1982: 104].

Глаголы эмоционального жеста «своим языковым системным значением» обозначают внешнее проявление эмоций [Там же: 105]. Это такие глаголы, как *плакать, смеяться, обнимать, целовать, хмуриться*. Синонимический ряд с доминантой *удивляться* включает в себя также глаголы *изумляться, обомлеть, оторопеть, всплеснуть руками* и др. Ср. в наших примерах: ***Обомлев**, стояла она неподвижно в дверях* (Д. Розенталь); ***Опешив**, подлый византиец шарахнулся в сторону* (Б. Акунин).

В группе глаголов эмоционального восприятия, или психического чувства, выделяется также обширный ряд слов с доминантой *бояться*: *робеть, пугаться, страшиться, ужасаться, трусить* [Шапилова 1982: 24]. Лексемы, обозначающие страх и испуг, были в нашем материале достаточно многочисленными: *Горничная никому ни о чем не говорила, **опасаясь гнева господ*** (А. Пушкин); *Публика, кажется, склонна считать, что в убийце запоздало пробудилась совесть, и он, **ужаснувшись содеянного**, бросил золотого истукана в реку* (Б. Акунин).

Как правило, деепричастие, описывающее эмоциональное состояние, сочетается с глаголом в СВ: *Недоношенного ребенка, **сжалившись**, взяла бабка* (М. Шолохов); *Я быстро повернулся, **стыдясь своего порыва*** (В. Короленко).

Также причинное отношение выражается в том случае, когда основное сказуемое представляет собой глагол эмоционального восприятия, а деепричастие передает источник, причину этого состояния, например, с помощью деепричастия

от глагола зрительного восприятия: *Матросы улыбаются, поглядывая на молодую женщину, и уступают ей дорогу* (К. Паустовский).

3. Глаголы намерения

Особую группу в причинных конструкциях составляют деепричастные формы глаголов намерения. Они встречаются в 7% примеров. Такие глаголы выражают стремление, желание и, предполагая результат в будущем, часто выражают отношения цели. Однако Т. Г. Акимова и Н. А. Козинцева, рассматривая подобные конструкции, указывают на возможность объединения в них отношений причины и цели: «временные отношения между действиями в рассматриваемых случаях сводятся к совмещенности в едином периоде времени основного действия и его целевой (нередко вместе с тем и причинной) характеристики» [Акимова, Козинцева 1987: 272].

По нашим наблюдениям, ДО с глаголами данной группы преобразуются в прототипическую причинную конструкцию легче, чем в конструкцию цели. Ср.: *Петр жил осторожно, не желая показываться брату пьяным* (М. Горький). — *Петр жил осторожно, потому что не желал показываться брату пьяным / Петр жил осторожно, чтобы не показываться брату пьяным*. В придаточном причины сохраняется глагол *желать*.

Деепричастия от глаголов с оттенком цели, употреблявшиеся в наших примерах, следующие: *стараясь, стремясь, пытаясь, желая, намереваясь, надеясь*. Напр.: *Тогда, стараясь изменить характер разговора, я применил метод самого учителя* (Э. Мулдашев); *Затем все заговорили в голос, пытаясь друг друга перекричать...* (Б. Акунин); *Мне не с руки было обхватить ствол, но все-таки я попытался сделать это, надеясь так сползти вниз, где ожидало меня что-то неизвестное, пугающее темнотой* (А. Анисимова).

4. Глаголы зрительного восприятия

Четвертое место по частотности (3%) занимают деепричастия от глаголов зрительного восприятия, к которым относят такие лексемы, как: *глядеть, взглянуть, заглядывать, оглядеться, поглядывать, посмотреть, смотреть* и пр. [Бабенко, Купина 1982: 106]. В наших примерах встречались деепричастия *видя/увидев/завидев, глянув/углядев/поглядывая, замечая/заметив, наблюдая: И,*

*выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, **видя сильный ветер**, испугался и, **начав утонать**, закричал: «Господи, спаси меня!»* (Ю. Лебедев); — *Эт-то еще кто? — рывкнул его сиятельство, кажется, **впервые углядев жалкую фигуру рассыльного*** (Б. Акунин); — *Это флористика, — подсказывает, **заметив мою растерянность**, улыбочивая женщина* («Аргументы и факты»); *Мы можем предположить, что атланты острова Платона, **наблюдая движение планет и комет**, издавна предполагали возможность своей гибели за счет космического катаклизма* (Э. Мулдашев).

Наличие причинного значения в последнем из приведенных примеров подтверждается нахождением пропущенной энтимемы: *наблюдение за движением планет и комет приводит к осознанию неизбежности космического катаклизма и гибели цивилизации.*

5. Глаголы других лексико-семантических групп

В случаях, когда деепричастие описывает дополнительное действие, а не эмоции, психические или ментальные процессы, можно говорить о доминировании временного значения, которое способно иметь оттенок причины при определенном логическом соотношении частей предложения. Особенно регулярно пересечение со значением времени происходит при наличии в конструкции препозитивного деепричастия СВ: *Она **наклонялась все дальше и вдруг, потеряв равновесие**, с коротким изумленным вскриком упала в широкий и глубокий колодец* (Т. Тэсс) —> т. е. *упала **потому, что** потеряла равновесие и после того, как потеряла равновесие.*

Приведем еще один пример: *По Г. Шипову, атом и антиатом всегда возникают из Абсолюта. Образуются и, **сталкиваясь**, взаимоуничтожаются* (Э. Мулдашев) —> *взаимоуничтожаются, **потому что** / **когда** сталкиваются.*

2.1.3. Позиция деепричастного оборота

В целом, ДО со значением причины может располагаться в начале, в середине или в конце предложения, до или после глагола-сказуемого, и всегда выделяется запятыми. Ср.: *Отказавшись от привычных представлений, Эйнштейн предложил новые толкования пространства, времени и массы*

(В. Тихоплав, Т. Тихоплав). <—> *Эйнштейн, отказавшись от привычных представлений, предложил новые толкования пространства, времени и массы* <—> *Эйнштейн предложил новые толкования пространства, времени и массы, отказавшись от привычных представлений.*

ДО обычно предшествует сказуемому, если обозначает предшествующее действие, причину другого действия или условие другого действия [Розенталь 1989: 305]. Отличия конструкций условия от причинных с точки зрения временного плана были рассмотрены выше. Что касается значения предшествующего действия, то можно заметить, что оно, наряду со значением временной последовательности, может иметь и причинное значение: *Добравшись до противоположного берега, мы почувствовали себя счастливыми* (Э. Кренкель); *Изучив потребность животного, мы изменили рацион питания* (Р. Титова).

Примеров с препозитивным ДО в нашем материале большинство — 62%. Причина в них либо предшествует следствию, либо они находятся в пределах одного временного отрезка. А. В. Бондарко, говоря о ФСП таксиса, указывает, что отношение предшествования/следования связано с отношением причины и следствия [Бондарко 1999: 99]. Ср.: *Получив известие о болезни Наташи, графиня, еще не совсем здоровая и слабая, с Петей и со всем домом приехала в Москву* (Л. Толстой) — хронологически приезду графини в Москву предшествовало получение известия о болезни Наташи, и это известие стало причиной приезда.

Интересно проследить за смысловыми отношениями между основным глаголом и деепричастием в предложениях с однородными сказуемыми. На примере предложения с тремя однородными сказуемыми и одним ДО, стоящим между первым и вторым из них, можно увидеть, что причинными отношениями ДО связан только со вторым и третьим сказуемыми. По отношению к ним оборот находится в препозиции: *Марта прошла мимо него и, **не зная**, что с собой делать в это длительное затишье перед первым звонком, села поодаль и, чуть отделив ступню от пола, стала разглядывать, так и этак, яркую, острую туфлю* (В. Набоков). Сказуемые СВ задают здесь ряд последовательных действий (*прошла — села — стала разглядывать*), а деепричастие НСВ *не зная* описывает состояние, на фоне и по причине которого происходили второе и третье действие.

Подобные отношения наблюдаем и в другом примере, где ДО находится в препозиции к трем однородным сказуемым: *В 1926 г. Булгаков, желая получить квартиру, намеревался вступить в члены Цекубу и подавал туда анкету, просил рекомендацию у В. В. Вересаева* (В. Сахаров).

Примеров постпозитивных ДО в нашей картотеке 41%. ДО следует за сказуемым, если обозначает [Розенталь 1989: 305]:

- а) последующее действие (*упал, ударившись*);
- б) образ действия (*стояли лошади, понутив головы*).

В случае а) актуализировано следствие, хотя в постпозиции могут наблюдаться и отношения предшествования, связанные с выражением причины. Отличие постпозитивных ДО, описывающих предшествование, от препозитивных имеет прагматический характер: *Горничная никому ни о чем не говорила, опасаясь гнева господ* (А. Пушкин); *Он вздрогнул, услышав внезапный окрик Петра Степановича* (Ф. Достоевский).

ДО в приведенных примерах находится в позиции ремы. Если оборот переместить в начало предложения, то он станет темой, ср.: *Опасаясь гнева господ, горничная никому ни о чем не говорила*. Выбор позиции, таким образом, зависит и от конкретных коммуникативных задач автора.

В целом, как было отмечено ранее, препозитивные ДО более характерны для выражения причины. Это можно объяснить тем, что автор, выбирая в качестве средства выражения для описания причины ДО, уже автоматически придает ситуации причины статус второстепенного действия, и более естественной позицией для такого действия является позиция темы. При необходимости акцентировать внимание читателя на причине скорее будет выбрана конструкция другого типа, например, СПП с союзом *потому что*, в котором придаточная часть всегда постпозитивна.

2.1.4. Критерий распространенности оборота

Одним из формальных признаков синтаксических конструкций с ДО является наличие или отсутствие зависимых слов при деепричастии, т. е. степень распространенности оборота.

В основной массе наших примеров деепричастия распространены и представлены ДО. Конструкции, в которых к деепричастию относится одно или несколько зависимых слов, составляют 82% от общего числа. Обороты с деепричастием обособляются независимо от места, занимаемого ими в предложении [Розенталь и др. 1991: 446]: *Вакуум, **обладая массой**, всегда увлекается тем телом, гравитационные силы которого преобладают* (В. Тихоплав, Т. Тихоплав); ***Не зная архитектуры**, вида здания описывать не берусь* (Н. Раевский).

Иногда встречаются и обороты с большим количеством распространителей. Они могут быть осложнены поясняющими и уточняющими оборотами, модальными словами и рядами однородных членов предложения, что особенно характерно для текстов научного стиля: *Во многом в этих [мусульманских] странах религиозный фанатизм возведен в ранг государственной политики, **помогая, вероятно, удерживать власть*** (Э. Мулдашев); *Замкнутость, закрытость подчинительных соединений создается тем, что многие из них замыкаются семантически, по смыслу, **обозначая какое-то единое, пусть сложное, явление, действие, качество и т. д.*** (Н. Прокопович); *Необходимо отметить, что глаголы поведения, **имея своим денотатом девиатные (отклоняющиеся от общепринятых норм поведения) социально-коммуникативные, нравственные поступки человека**, обладают не только интеллектуальной негативной оценочностью, но и эмоциональной оценочностью* (О. Жданова). Такое распространение не фокусирует внимание на причинных отношениях, делая их более размытыми.

Одиночные деепричастия в нашей картотеке представлены в 18% примеров. Такие деепричастия вообще менее частотны в русском языке, однако большой процент из них имеет значение причины. Это связано с тем, что одиночные деепричастия обособляются, если сохраняют значение глагольности, выступая при этом в функции второстепенного сказуемого и указывая на время действия, его причину, условие, но не на образ действия (см. [Розенталь и др. 1991: 447; Валгина и др. 1987]).

Поэтому критерий одиночности деепричастия при условии его обособления можно рассматривать как один из указателей на возможное наличие в обороте причинного значения. Естественно, одиночное деепричастие должно при этом

иметь соответствующее лексическое наполнение, допускающее причинные отношения: *Узнав, что я уволенный в запас моряк, начальник отряда сразу же попытался нанять меня* (Ю. Колесников); *Соперничая, они старались превзойти один другого* (Д. Розенталь).

Как правило, к одиночному деепричастию относится придаточное предложение, и только четверть (24%) из них являются «истинно» одиночными, т. е. они не распространены ни зависимыми словами, ни придаточными предложениями. По значению, треть «истинно» одиночных деепричастий являются формами глаголов эмоционального восприятия: *Смутившись, Виктор не знал, что сказать* (Н. Зарубина); *Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза; точно, нет носа!* (Н. Гоголь).

Что касается деепричастий, к которым относятся придаточные предложения, то в подавляющем большинстве случаев (91%) придаточная часть представлена изъяснительным предложением с союзом *что*. Самыми частотными при этом являются деепричастные формы ментальных глаголов. Валентность ментальных глаголов подразумевает наличие при них зависимых слов, поэтому «истинно» одиночных деепричастий от них в нашем материале не встречается. Они либо входят в распространенный ДО, либо требуют при себе придаточного: *Архитекторы нашего времени, помня завет В. И. Ленина, тщательно продумывают свои архитектурные решения* (А. Васильева); *Узнав, что я врач, она беспрестанно задает мне медицинские вопросы и жалуется на мелкие недомогания* (Б. Акунин); *Офицер, думая, что он ошибся, пустился в объяснения* (А. Пушкин).

Реже придаточные предложения относятся к деепричастиям от глаголов, выражающих эмоции, или от глаголов зрительного восприятия: *Драйер, пытая от нетерпения, боясь, что сейчас раздуется в небе дождевая туча, помчал его [Франца] наверх и выдал ему пару белых фланелевых штанов* (В. Набоков); *Сейчас он ее поцелует, предсказала Рената, видя, что эпителий дипломата отделен от покрасневшейся физиономии докторши какими-нибудь пятью сантиметрами* (Б. Акунин).

Деепричастие может присоединять к себе сразу несколько придаточных изъяснительных с союзом *что* и с некоторыми другими союзами: *Вере стало легче на сердце, она внутренне встала на ноги, будто пробуждалась ото сна,*

чувствуя, что в нее льется волнами опять жизнь, что тихо, как друг, стучится мир в душу, что душу эту, как темный, запущенный храм, осветили огнями, наполнили опять молитвами и надеждами (И. Гончаров); *Ища, чем себя занять, и как оживить вялое время, Цинциннат решил освежить свою внешность ради завтрашней Марфиньки* (В. Набоков); *Я немного отвлекся, вспоминая, как бывало, танцевали и мы, как грациозно лежала на моем плече Ваша затянутая в белую перчатку рука* (Б. Акунин).

Одиночные деепричастия с причинным значением могут занимать любую позицию по отношению к основному глаголу, хотя случаев постпозиции среди них несколько меньше (18%) на фоне общей картины (напомним, что по всем примерам в постпозиции находятся 38% ДО): *Дети столпились кругом, любопытствуя* (Д. Розенталь); *Он прижался к стене, боясь, что они его увидят* (Э. Казакевич).

2.2. Обособленные приложения со значением причины

Современные грамматики русского языка приложением называют определение, выраженное именем существительным [Суханова 1979: 232, Грамматика 1960: 645], отмечая, что приложение совмещает в себе атрибутивный и предикативный признаки. Термин «приложение» указывает на особый характер связи между определяемым и определяющим словом — их согласование на началах параллелизма [Кручинина 1990: 398]. При этом приложения более самостоятельны в предложении, чем определения, и обладают «большой предикативной силой» [Розенталь и др. 1991: 444], что важно для их способности выражать причинные отношения.

Некоторые исследователи, вопреки мнению авторов традиционных грамматик, считают, что для причисления приложений к определениям нет серьезных оснований. Так, П. А. Лекант пишет: «значение приложения трудно подвести под понятие признака, даже если в роли приложения употребляется существительное с экспрессивно-качественным, характеризующим содержанием» [Лекант 1986: 131]. Указанный автор относит приложение к полупредикативным конструкциям, или к конструкциям с дополнительной предикацией.

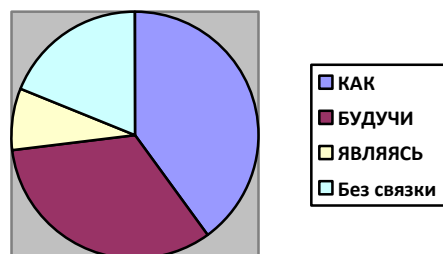
По отношению к обособленным приложениям справедливо утверждение о

том, что в одних случаях они имеют чисто атрибутивное значение, а в других к этим значениям присоединяются обстоятельственные оттенки [Розенталь и др. 1991: 444]. Такое функциональное различие обусловлено степенью распространенности обособленной конструкции, ее местом по отношению к определяемому слову, а также семантическими отношениями между приложением и определяемым словом. Среди добавочных обстоятельственных значений ОП частотным является причинное.

К обособленным приложениям со значением причины мы будем относить ОП без связки или союза, ОП с союзом *как* и ОП со связками *будучи* и *являясь*, статус которых будет рассмотрен ниже. Все указанные конструкции объединяются одной синтаксической функцией, а именно: вносят в предложение дополнительную предикативную ситуацию в свернутом виде, а также дают характеристику субъекта-подлежащего (реже — другого члена) предложения через название его другим именем.

Наша картотека с ОП составляет 174 примера, которые распределились следующим образом: 40% составили приложения с *как*, треть (33%) — конструкции со связкой *будучи*, 8% — обороты с *являясь*, а приложения без связки были выявлены в 19% примеров.

Диаграмма 1. Распределение разных типов обособленных приложений

Далее приводится описание каждого из типов, рассматриваются семантические и синтаксические особенности приложений со значением причины.

2.2.1. Обособленные приложения с союзом *как*

По мнению многих исследователей, особенной регулярностью в выражении причинных отношений отличаются приложения, присоединяемые с помощью союза *как* [Грамматика 1960: 646 и др.], что подтверждается их частотностью в

наших примерах. Н. С. Валгина пишет о том, что «обособленное приложение может присоединяться союзом *как* с причинным значением: *Комендант дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не приводящее* (А. Пушкин)» [Валгина и др. 1987: 372].

М. А. Шелякин несколько ограничивает круг обособленных приложений с *как*, говоря, что причинное значение они имеют, если относятся к личному местоимению, выступающему в качестве подлежащего в предложении: *Как член бюро, я был согласен с его решением* [Шелякин 1993: 296]. Это вступает в противоречие с выводами Д. Э. Розенталя, который подчеркивает, что «обособленное приложение может присоединяться союзом *как* (с дополнительным значением причинности) <...> независимо от того, какой частью речи выражено определяемое слово» [Розенталь 1989: 106]. Анализ нашей картотеки показал, что в большинстве случаев (54%) причинные конструкции с *как*, действительно, относятся к личному местоимению. Также они довольно часто (в 19% случаев) определяют имя собственное, а в остальных примерах (27%) фигурируют имена существительные различных ЛСГ, например: *Как старый артиллерист, я презираю этот вид холодного украшения* (М. Шолохов); *Как истинный художник, Пушкин не нуждался в выборе поэтических предметов для своих произведений, но для него все предметы были равно исполнены поэзии* (В. Белинский); *При осуществлении поставленной задачи я исходил прежде всего из того положения, что язык, как социальное явление, развивается вместе с развитием общества* (Н. Прокопович).

Другой морфологической характеристикой является падеж главного слова, с которым согласуется зависимое имя существительное в приложении. Наиболее частотным, как и следовало ожидать, является именительный падеж (69%), за которым следуют косвенные падежи, используемые для указания на субъект (дательный) или объект высказывания (винительный). Приведем примеры: *Илюше иногда, как резвому мальчику, так и хочется броситься и все переделать самому* (И. Гончаров); *Этими программными требованиями к переводу Цицерон значительно повлиял на своих последователей, много раз цитировавших и прославлявших его, как освободителя от чрезмерного давления чужеземного языка* (П. Копанев).

В меньшинстве оказались примеры с использованием творительного и

предложного падежей, однако и такие случаи встречаются: *Все, что говорилось о змее вначале, тесно связано с охотой, как основным производственным базисом, на котором этот мотив возникает* (В. Пропп); *Причем, я думаю, на островах Тихого океана, как изолятах, можно встретить ранних арийцев, одичавших в незапамятные времена первых тысячелетий всемирного потопа* (Э. Мулдашев).

Рассмотрим приложение с союзом *как* с точки зрения логического выявления в нем причинно-следственных отношений: *Мне, как лицу высокопоставленному, не подобает ездить на конке* (А. Чехов). Большая посылка: *высокопоставленные лица не ездят на конках*, меньшая посылка: *я лицо высокопоставленное*, заключение: *мне не подобает ездить на конке*.

Приложения с *как* легко преобразуются в деепричастные конструкции с *будучи*, что отмечают некоторые авторы. Так, М. С. Суханова говорит о том, что эти конструкции «синонимически сближаются» [Суханова, 1979: 232] и приводит пример: *Клавичек как пекарь по профессии посылался контролером в отдел снабжения* (Н. Островский). — *Клавичек, будучи пекарем по профессии, посылался контролером в отдел снабжения*.

Произведем трансформацию ОП в конструкцию с *будучи* в одном из наших примеров: *Леонтьев увлекся этой мыслью, но, как человек осторожный, пока что о ней никому не рассказывал* (К. Паустовский). — *Леонтьев увлекся этой мыслью, но, будучи человеком осторожным, пока что о ней никому не рассказывал*.

При преобразовании конструкции изменения смысла не происходит, сохраняется причинное значение. Регулярная взаимозаменяемость подобных конструкций ставит вопрос о том, следует ли по-прежнему относить конструкции с *будучи* к ДО, или же они представляют собой разновидность полупредикативных конструкций по типу приложений. Статус оборотов с *будучи* будет рассмотрен нами далее в разделе, специально посвященном этому вопросу.

2.2.2. Полупредикативные конструкции со связкой *будучи*

Будучи формально является деепричастием от глагола НСВ *быть*. Однако при анализе конструкций с ним обнаруживается качественное отличие этого

деепричастия от других. На первый взгляд обращает на себя внимание его суффикс *-учи*. В современном русском языке встречаются и некоторые другие слова с этим суффиксом. Одну группу составляют немногочисленные лексемы, сохранившие статус деепричастий, хотя отмечается, что суффикс *-учи (-ючи)*, участвующий в их образовании, имеет архаичный характер [Валгина и др. 1987: 245]. Только *будучи* в этой группе имеет общелитературное употребление, а к устаревшим формам типа *идучи, глядючи* имеются параллельные нормативные варианты: *идя, глядя*. В другую группу входят отглагольные наречия разговорного и фольклорного характера: *играючи, припеваючи, умеючи, крадучись* и некоторые другие.

По сравнению с указанными словами, *будучи* выделяется своей стилистической нейтральностью и относительной активностью. В нашей картотеке насчитывается 57 конструкций с *будучи*, которые составляют 8% от общего числа примеров с формальным наличием деепричастия (в это общее число включены ДО, конструкции с *будучи* и конструкции с *являясь* — они в совокупности составляют 749 примеров). Этот показатель на порядок выше, чем количество примеров с любым другим отдельно взятым деепричастием. В связи с этим возникает предположение о том, что *будучи* выполняет особую функцию, оформляя определенный тип конструкций.

Глагол *быть*, формой которого является *будучи*, имеет несколько значений. Поскольку деепричастие сохраняет управление глагола, от которого оно образовалось, можно проверить, в каких значениях их управления совпадают. Во всех без исключения случаях к *будучи* присоединяется имя существительное, прилагательное или причастие в творительном падеже: *Сторонники Маяковского утверждали, что результаты выборов были фальсифицированы северянинским импрессарио, который, будучи организатором вечера, якобы опустил в урну двести фальшивых избирательных бюллетеней* (С. Исаков); *Условное значение, будучи самостоятельным и не зависящим от каких-либо факторов, является главным* (О. Чупашева).

В толковом словаре С. И. Ожегова у глагола *быть* выделяется 4 значения, но только в одном из них этот глагол требует при себе зависимого слова в творительном падеже. Это значение описано следующим образом: «употребляется как часть составного сказуемого» [Ожегов, 1961: 62], что означает

— в функции связки. На семантическую неполноту, обычно сопровождающую связки, указывает и тот факт, что *будучи* всегда употребляется в обороте и никогда — самостоятельно.

Интересно, что в статьях, а также в соответствующих частях монографий и грамматик, посвященных ДО, особая функция *будучи* никак не оговаривается. При этом многие исследователи приводят примеры с *будучи*, говоря об обособленных определениях и приложениях [Прокопович 1974, Суханова 1979, Валгина и др. 1986].

В следующем примере конструкция с *будучи* и приложение представляют собой однородный ряд характеристик, подтверждая близость таких конструкций: ***Будучи без роду и племени, круглый сирота, он безвыходно жил в училище*** (Н. Помяловский). Согласно одной из теорий, обороты в этом предложении являются однотипными и попадают под определение именного полупредикатива, понятие которого мы рассмотрим подробнее.

Некоторые русисты придерживаются мнения, что приложения следует считать «второстепенным именным сказуемым» или, по другой терминологии, «именным полупредикативом». Эта теория подробно изложена в статье Н. А. Навалихина «Системные отношения в категории полупредикативности», вошедшей в сборник «Синтаксические структуры русского языка». Автор прежде всего оговаривает, что рассматривает деепричастную форму *будучи* как связку и называет конструкции с этим деепричастием «именным полупредикативом» [Навалихин 1988: 72]. Приводится пример: ***Будучи человеком необычайно честным, он ограждал то, что любил, от тени сомнений*** (И. Эренбург).

Далее автор отмечает, что подобные построения достаточно распространены в русском языке и без деепричастной формы и трансформирует предыдущий пример в конструкцию с классическим ОП: ***Человек необычайно честный, он ограждал то, что любил, от тени сомнений***.

По мнению Н. А. Навалихина, здесь «представляется разумным говорить о нулевой связке, которая находится в парадигматических отношениях с выраженной связкой *будучи*» [Там же: 73]. Таким образом, конструкция реализуется в двух видах: «*будучи* + творительный падеж» и «нулевая связка + именительный падеж». В этом отличие именного полупредикатива от других, собственно аппозитивных форм. Например, в следующем предложении с

приложением, включающем форму родительного падежа, замена конструкции деепричастным оборотом невозможна: *Имя и творчество Горького, организатора прогрессивных литературных сил, стали знаменем всей революционной и социалистической литературы.*

Другой особенностью именного полупредикатива является то, что, по нашим наблюдениям, такие конструкции регулярно выражают причинные отношения.

В большинстве случаев подлежащим в конструкции с именным полупредикативом, как и в конструкциях с ОП, является имя собственное или местоимение, т. е. речь в предложении идет об одушевленном лице. При этом именной полупредикатив по значению относится к одной из нескольких возможных семантических групп: он описывает профессию, общественное, семейное положение или нравственное качество. Указания на возраст в наших примерах не встречается, поскольку оно обычно задает только определенные временные рамки. Ср.: *Еще будучи мальчиком, Горький хорошо знал тяготы народной жизни.* В этом предложении наблюдается только временное значение: *когда был мальчиком.* Именной же полупредикатив «представляет некоторый признак, не ограниченный какими-либо временными рамками, хотя его временной план и совпадает с временным планом сказуемого» [Навалихин 1988: 72–73].

Как было сказано выше, другой реализацией именного полупредикатива является имя существительное в именительном падеже с нулевой связкой, т. е. конструкция, традиционно называемая приложением. Среди таких конструкций находим примеры оборотов с теми же значениями профессии, происхождения, семейного положения и нравственных качеств, которые будут подробно описаны при семантическом анализе ОП без связки.

Определение *будучи* как связки, на наш взгляд, правомерно, хотя представляется, что круг конструкций, в которых *будучи* способно выступать в функции связки, шире, чем указывает Н. А. Навалихин. Так, требуют особого исследования конструкции, в которых *будучи* сочетается с прилагательным или причастием, не подходящие под определение именного полупредикатива. Ср.: *Будучи одержимыми идеей мирового господства, они [Сталин и Гитлер] старались направить психическую энергию народов центробежно, то есть на*

разрушение, на войну (Э. Мулдашев). — Причастный оборот: **Одержимые идеей мирового господства, они старались направить психическую энергию народов центробежно, то есть на разрушение, на войну.**

В рамках данного анализа полупредикативных конструкций представляется оправданным рассматривать конструкции с *будучи* в сочетании с именем существительным как одну из реализаций обособленных приложений, наряду с бессвязочными ОП и ОП с союзом *как*.

Взаимозаменяемость конструкций с *как* и оборотов с *будучи* отмечается, например, в статье о союзе *как* «Словаря служебных слов»: «Есть синонимичный оборот с полуслужебной глагольной словоформой *будучи*, который соответствует субъектному (но не объектному) варианту конструкции» [Словарь служебных слов 2001: 217]. В этой же статье упоминается роль других глаголов в подобных конструкциях: «Также возможна замена формой творительного падежа в конструкциях с глаголами, близкими к связке» [Словарь служебных слов 2001: 216]. Список глаголов в такой функции в указанном источнике не приводится, но можно предположить, что в число подобных глаголов входит *являться*, который будет рассмотрен нами отдельно.

Говоря о взаимозаменяемости ОП с *будучи* и приложений с *как*, отметим некоторые особенности и ограничения. Так, использование конструкции с *будучи* невозможно в случаях, когда оборот относится к слову, стоящему в косвенном падеже: *Для меня, человека беззаботного, ищущего оправдания для своей постоянной праздности, эти летние праздничные утра в наших усадьбах всегда были необыкновенно привлекательны* (А. Чехов); *Мсье Санфон не мог видеть свою дочурку, виновницу обрушившихся на семью несчастий, и отдал ее на воспитание в обитель сестер-винсентианок* (Б. Акунин).

ДО с *будучи* предпочитается в конструкциях с отрицанием: ***Не будучи предметом специального анализа, конструкции с перифрастическим деепричастием рассматривались традиционно среди следственных*** (А. Рябова). Ср. невозможность употребления отрицательной частицы *не* в следующем примере: ***Одаренная пианистка, она была первой учительницей музыки своего сына*** (И. Голуб) —> **не одаренная пианистка, но: не будучи одаренной пианисткой.*

Что касается стилистической характеристики конструкций с *будучи*, то

можно отметить, что в нашей картотеке такие примеры были достаточно частотны в текстах научного стиля и публицистике, а также встречались у писателей XIX века и в современных произведениях художественной литературы со стилизацией «под старину» (например, у Б. Акунина).

2.2.3. Обороты с лексемой *являясь*

Анализ примеров в нашей картотеке показал, что в функции связки в обособленных оборотах может выступать также деепричастие *являясь*, очень близкое по значению к *будучи*. Ср.: *Интеллектуальная оценка, являясь по своему содержанию отражением обобщенного разумного мнения о предмете или явлении, располагает вследствие этого очень бедной шкалой* (О. Жданова); *Прекрасный язык их [русских классиков], являясь результатом огромной работы писателя не только над подбором того или иного слова, но и над выбором той или иной формы, той или иной синтаксической конструкции, наиболее точно и ярко передающей авторский замысел, служит образцом для работы учащихся над развитием их собственной речи* (Н. Прокопович).

Значение глагола НСВ *являться* в словаре С. И. Ожегова определяется как «быть, служить чем-нибудь» [Ожегов 1961: 897]. У деепричастий *будучи* и *являясь* одинаковая валентность и управление, так как оба требуют при себе творительного падежа. Однако у *являясь* не отмечается такой регулярности и частотности в употреблении, которая свойственна *будучи* — примеры с *являясь* составляют в нашей картотеке 2% от всех предложений с ДО.

При этом любой пример с *являясь* легко можно поставить в ряд равнозначных конструкций с *будучи* и приложений с *как* и без связки: *Религия, являясь глубоко укорененным компонентом духовной и бытовой культуры общества, косвенно влияет даже на поступки человека нерелигиозного* (Г. Чхартишвили). <—> *Религия, будучи глубоко укорененным компонентом духовной и бытовой культуры общества, косвенно влияет даже на поступки человека нерелигиозного.* <—> *Религия, как глубоко укорененный компонент духовной и бытовой культуры общества, косвенно влияет даже на поступки человека нерелигиозного.*

Приведем еще один пример трансформации: *Являясь представителем*

унисекс-поколения, как ты относишься к «половым» праздникам — 23 февраля и 8 марта? («Аргументы и факты»). <—> *Будучи представителем унисекс-поколения, как ты относишься к «половым» праздникам — 23 февраля и 8 марта?* <—> *Как представитель унисекс-поколения, как ты относишься к «половым» праздникам — 23 февраля и 8 марта?* <—> *Как ты, представитель унисекс-поколения, относишься к «половым» праздникам — 23 февраля и 8 марта?*

При этом *являясь* сохраняет бóльшую глагольность по сравнению с *будучи* и управляет только именем существительным, т. е. не может выступать в качестве связки в обособленных определениях и приложениях. Ср. невозможность замены в следующих примерах: *Мир кино манил к себе, но Игорь, не будучи уверенным в своем призвании, не сразу решился связать свою судьбу с искусством* («Молодежь Эстонии — Суббота»). — **не являясь уверенным в своем призвании. Впервые можно увидеть еще нигде не выставившиеся недавно обнаруженные пасхальные яйца, которые император Николай II не смог подарить матери и жене, будучи арестованным в марте 1917 года* («Аргументы и факты»). — **являясь арестованным в марте 1917 года.*

Со стилистической точки зрения конструкции с *являясь* обычно употребляются в текстах научного стиля и гораздо реже, чем другие типы ОП, указывают на характеристику лица.

2.2.4. Обособленные приложения без связки и семантика приложений

Несмотря на отмеченную выше частотность и регулярность приложений с *как*, употребление этого союза в ОП с причинным значением факультативно. Это отмечают авторы академической грамматики 1960 г., говоря, что и при отсутствии этого союза ОП, чаще всего выраженные именными словосочетаниями, а реже (главным образом при личных местоимениях) — одиночными существительными, имеют оттенок причинного, иногда — уступительного значения [Грамматика 1960: 646].

В конструкциях с приложениями любого вида, с союзом *как* или *без*, а также со связкой *будучи* и формой *являясь*, наличие причинных отношений можно проверить путем выявления каузирующей и каузируемой ситуации: *Пестовы,*

люди жалостливые и добрые, охотно согласились на его просьбу (И. Тургенев). Каузирующая ситуация (причина): *Пестовы были людьми жалостливыми и добрыми*, каузируемая ситуация (следствие): *Пестовы охотно согласились на его просьбу*. В терминах логического обоснования, пропущенной посылкой в данном примере является следующая: *жалостливые и добрые люди соглашаются на просьбы помочь*.

Нарицательные имена в приложении дают характеристику лица по полу, возрасту, профессии, роду занятий, социальному положению и т. д. [Лекант 1986: 132]. Наиболее частотным в составе ОП является слово *человек* (с зависимыми определениями-характеристиками), а также его контекстуальные синонимы *люди, женщина* и т. п. Кроме того, употребительны обобщенные номинации типа *представитель, специалист, сторонник* и определения по профессиональному признаку.

ОП в составе причинных конструкций свойственна принадлежность к следующим группам:

- 1) Профессия, звание, должность: *Шофер санитарной машины, он подбирает раненых прямо на поле боя* (С. Микоян); *Как поэт нового времени, Батюшков не мог в свою очередь не заплатить дани романтизму* (А. Белинский); *Ему полагалось защищать независимость Украины, но будучи офицером царской армии, он явно предпочитал петербургских гвардейцев киевским гайдамакам* (И. Эренбург); *Ни один посвященный (лама, свами, гуру и т. д.), не являясь физиком, не сумел полученные свыше при медитации уникальные знания перевести на язык науки* (В. Тихоплав, Т. Тихоплав).
- 2) Общественное положение, происхождение, социальная принадлежность: *Наследник блестящего дворянства и грубого плебеизма, буржуа соединил в себе самые резкие недостатки обоих, утратив достоинства их* (А. Герцен); *Мне, как лицу высокопоставленному, не подобает ездить на конке* (А. Чехов); *Мы, хвала небу, не нуждались в соседских услугах, будучи людьми достаточно обеспеченными* (Г. Серебрякова).
- 3) Семейное положение, степень родства: *Н. И. Пирогов родился в Москве. Сын небогатых родителей, внук крепостного крестьянина, он рано узнал нужду* (И. Голуб); *Я же, как человек семейный, мало способен ко всяким*

экспромтам («Cosmopolitan»); *Будучи без роду и племени, круглый сирота, он безвыходно жил в училище* (Н. Помяловский).

- 4) Нравственное качество, психическое свойство: *Упрямец во всем, Илья Матвеевич оставался упрямым и в учении* (В. Кочетов); *Леонтьев увлекся этой мыслью, но, как человек осторожный, пока что о ней никому не рассказывал* (К. Паустовский); *Будучи человеком очень скромным, Левен неохотно говорит о себе* («Московский комсомолец»).
- 5) В научной литературе речь чаще идет не лицах, а об абстрактных понятиях и их свойствах. При этом логические связи между обособленной конструкцией и главной частью предложения также позволяют усмотреть в них причинные отношения: *Создание Единой Теории поля убедительно доказало бы, что принципиальные основы мироздания опираются на единые законы, и любые взаимодействия, как частный случай, вытекают из общего взаимодействия* (В. Тихоплав, Т. Тихоплав); *Страдательные причастия настоящего времени, как собственно причастия, вообще редки в употреблении и известны в книжном языке* (С. Обнорский); *Будучи сложным лингвистическим объектом, обладающим различными специфическими содержательными и формальными признаками, условные конструкции естественно доступны субкатегоризации по целому ряду независимых параметров* (В. Храковский).

Далее мы рассмотрим позицию приложений в предложении и критерий их обособленности.

2.2.5. Характеристики приложений причинной семантики

Авторы грамматик отмечают, что «обособленные приложения с оттенком обстоятельственного значения <...> могут стоять и перед определяемым членом предложения и после него» [Грамматика 1960: 646]. При этом различные авторы уточняют, что «препозитивное приложение обособляется в том случае, если имеет добавочное обстоятельственное значение» [Валгина и др. 1987: 72–73]. Из сказанного следует, что приложение в препозиции может более явно выражать причинные отношения. Препозитивные ОП составляют в нашей картотеке 41%.

Препозитивные приложения при имени собственном обособляются только

при условии наличия в них обстоятельственного значения [Розенталь и др. 1991: 445]. Ср.: *Пассивный слуга противоречивых страстей и побуждений, Райский теряет свое собственное «я» и расплывается* (Ю. Лебедев); *Как истинный француз, в кармане Трике привез куплет Татьяне* (А. Пушкин); *Будучи ученым с широким кругозором, Э. Р. Мулдашев начал осмысливать медицинскую проблему человеческой энергетики в философском и общечеловеческом плане* (Р. Нигматуллин).

Постпозитивные ОП всегда вносят значение дополнительной предикации [Грамматика 1960: 646] и более частотны в нашей картотеке. Можно отметить, что постпозиция оборота по отношению к определяемому слову подчеркивает наличие в предложении второстепенной предикации и придает причинному обороту большую значимость: *Петр I, жестокий гонитель староверов, неоднократно отправлял воинские команды уничтожать скиты* (Е. Рихтер); *Его ординарец, как человек деликатный, отвернулся* (В. Чудакова); *Именно любовь является гарантом сохранения и получения знаний в закрученных полях тонкого мира, являясь одной из основ волновой формы жизни* (Э. Мулдашев).

Как правило, обособление означает наличие у приложения обстоятельственного, чаще всего — причинного значения. Под обособлением понимается выделение оборота запятыми или другими знаками препинания. Тире вместо запятой используется для отделения препозитивных однородных приложений от определяемого слова: *Автор замечательных произведений для детей, блестящий переводчик, поэт и драматург — Маршак занял видное место в советской литературе* [Розенталь 1989: 106–107].

Запятыя при парном употреблении включаются в группу выделяющих знаков [Валгина 1979: 33]. Обособление выявляет смысловой принцип в расстановке знаков препинания, подчеркивает значение дополнительного, попутного сообщения и указывает на свернутую предикацию.

Обособляются все ОП со связкой *будучи*. Также считается, что всегда обособляются приложения, относящиеся к личному местоимению [Розенталь и др. 1991: 445]. Напр.: *Единственный мальчишка на все три двора, он всегда первым замечал автолавку* (Ч. Айтматов); *Разумеется, как добрый человек, он больше любил, чем не любил людей* (Л. Толстой).

Грамматики и пособия по синтаксису отмечают, что обособляются также

приложения, присоединяемые к определяемому слову союзом *как*, имеющим причинное значение. Рассматривая наличие причинной связи, устанавливаемой говорящим между двумя ситуациями с помощью союза *как*, исследователи указывают, в частности, что семантика союза в таком случае «обогащается дополнительным компонентом *будучи*» [Словарь служебных слов 2001: 214]. При этом, «дополнительная семантика (отношения обусловленности) создается не одним союзом, а в сочетании с другими показателями — позицией в предложении и интонацией обособления, которая в данном функционально-семантическом варианте обязательна» [Там же]. Таким образом, *как* «служит экономным способом установления отношений зависимости (обусловленности)» [Словарь служебных слов 2001: 216].

Если же «союз *как* имеет значение *в качестве* или если приложение с этим союзом характеризует предмет с какой-либо одной стороны, то приложение не обособляется: *Полученный ответ рассматривается как согласие* [Розенталь и др. 1991: 446].

Однако имеются случаи, когда оборот с *как* обособлен, но при этом в него легко можно вставить предлог *в качестве*, что подтверждает возможность совмещения в обороте двух значений: указания на чей-либо статус и на причинные отношения, причем причиной определенного поведения является именно названный статус. Напр.: *Положение царицы также двойственное. Как дочь, она будет ненавидеть жениха, который принесет смерть ее отцу. Как передатчица престола, она должна выполнить свой гражданский долг и идти вместе с женихом против отца* (В. Пропп).

Также встречаются примеры необособленного употребления приложений с союзом *как*, вносящих значение *в качестве* и демонстрирующих при этом оттенок причины: *Лев Николаевич Толстой как грандиозная личность обладал поразительным свойством создавать в окружающих людях свое особое настроение* (И. Репин); *Семантическая структура глаголов поведения как определенным образом организованная совокупность сем носит иерархический характер* (О. Жданова); *Шляпку как буржуазный предрассудок надевать не стала* (Б. Акунин).

М. С. Суханова отмечает, что «существует точка зрения, согласно которой приложение может присоединяться к определяемому слову также при помощи

союза *как*» (без обособления) [Суханова, 1979: 232]. Такие конструкции, по ее мнению, синонимически сближаются, во-первых, с ДО с *будучи*, а во-вторых, с конструкциями с предлогом *в качестве*. Такая точка зрения снимает строгое противопоставление причинного значения с *как* определительному значению конструкций с *в качестве*, которое отмечается в большинстве работ по синтаксису. В некоторых случаях, вероятно, возможность подстановки *в качестве* не исключает у конструкции с *как* причинного значения: **Как биограф Холлидей занимает принципиальную позицию: не верит большинству «легенд», из которых в немалой степени состоит биография Шекспира** (В. Харитонов); **Позвольте мне как представителю нейтральной державы временно изъять платок, чтобы вы не разорвали его на части** (Б. Акунин); **Судьба Геллы в романе не прослежена до конца, и Е. С. Булгакова, в ответ на вопрос исследователя, решила, что Булгаков забыл о Гелле. Однако Гелла-вампир как демон низшего разряда могла исчезнуть сразу после бала, выполнив свою задачу** (И. Белобровцева, С. Кулюс).

Выделенные словосочетания в указанных примерах можно заменить и на конструкцию с *в качестве*, и на обстоятельственный оборот с *будучи*: *в качестве биографа / будучи биографом* и т. д. Такая смысловая характеристика оборота допускает двойное пунктуационное оформление — с выделяющей запятой или без нее.

М. А. Шелякин отмечает, что в случае, если словосочетание с союзом *как* обозначает причину действия, выраженного глагольным сказуемым, оборот не может быть заменен сочетанием «*в качестве + родительный падеж*», и приводит пример необособленного приложения: *Он был уволен как прогульщик* [Шелякин 1993: 296].

Из этого следует, что можно говорить о причинном значении союза *как* и в необособленных приложениях. В таких примерах приложение относится к сказуемому и по своей синтаксической роли близко к обстоятельствам причины, выраженным предложно-падежным сочетанием. Ср.: *Он был уволен из-за прогулов*. Это не означает, однако, что подобные конструкции невозможно преобразовать в конструкции с двумя предикатами, поскольку при любом способе выражения причинных отношений речь идет о двух ситуациях, что подразумевает наличие двух предикатов. Так, в приведенном примере каузирующая ситуация может быть описана следующим образом: *Он был прогульщиком*, каузируемой

ситуацией, или следствием, является: *Он был уволен* или *Кто-то его уволил* (употребление страдательного причастия в оригинальном предложении объясняется отсутствием необходимости или нежеланием называть субъекта действия).

Таким образом, в приложениях каузирующая ситуация максимально свернута, и предикативную нагрузку несет на себе имя существительное. Причинное значение у именного члена в приложении поддерживается союзом *как*, связкой *будучи* или лексемой *являясь*.

В остальном проанализированные конструкции синонимичны и можно сказать, что все названные виды приложений занимают важное место среди периферийных способов выражения причинных отношений.

2.3. Причастные обороты

Добавочное причинное значение в обособленных определениях, выраженных причастными оборотами, выделяется многими исследователями и авторами грамматик русского языка. Основным фактором, способствующим актуализации в причастной конструкции со значением причины, является обособление, которое подчеркивает наличие в предложении полупредикативности.

Так, авторы академической «Русской грамматики» отмечают, что обособление препозитивного причастия, формально зависящего от подлежащего, приводит к тому, что такое причастие семантически начинает зависеть и от сказуемого и приобретает обстоятельственно-характеризующее значение, в том числе причинное [Русская грамматика 1989]. Такие обороты соотносительны с придаточными предложениями.

В препозиции причастный оборот обособляется всегда, когда он имеет добавочное обстоятельственное значение. Ср. препозитивные обороты с причинным значением в наших примерах: ***Жаждающий потомства, он [Василий III] заточит бездетную жену Соломонию Сабурову в монастырь, откуда она прокляла его будущее потомство*** («Аргументы и факты»); ***Обильно оснащенные пословицами и критическими намеками на политические***

события того времени, переводы эти [«Эзопа» Г. Штейнхелем] стали одной из самых популярных книг того времени. (П. Копанев).

В первом из приведенных примеров выделение запятыми необходимо также согласно другому правилу, которое требует обособления ПО в любой позиции, если он относится к личному местоимению. В этом случае определения, выраженные причастными оборотами, тоже могут иметь причинное значение: *Во-первых, я, наученный опытом, плохо надеялся на Ермолая...* (И. Тургенев); *Я дремал, сморенный духотой* (А. Малумян).

Причастный оборот может относиться и к местоимениям других разрядов. Ср. использование указательного и неопределенного местоимения в следующих предложениях: *Тот разинул рот, потрясенный тем, что индейский принц вдруг заговорил на чистейшем русском языке* (Б. Акунин); *Силуэт сказочника, чье двухсотлетие Дания отметила в минувшем году, мелькает в его родном городе повсюду: от ассортимента сувенирных магазинчиков до уличных граффити — кто-то, вероятно, утомленный юбилейными торжествами, тщательно воспроизведя профиль в цилиндре на старинной стене, демонстративно перечеркнул его красным крестом и снабдил «криком души» — «No more Andersen!» («Молодежь Эстонии — Суббота»).*

Постпозитивное причастие при подлежащем-существительном также полупредикативно. Обычно оно обозначает признак, постоянно присущий субъекту или так или иначе характеризующий субъект в момент проявления признака, названного в сказуемом: *Такое свойство переводов Бальмонта критиковал еще В. Брюсов, сам стремившийся к идеальной смысловой точности в переводе...* (Ю. Шор); *Многие из них, встретив на своем крестном пути печали и скорби, разного рода трудности, приходят в отчаяние и унывают, другие, озлобленные, проклинают Бога и людей* (Б. Серафимов).

Таким образом, полупредикативная конструкция с ПО может стоять в предложении в любой позиции. В нашей картотеке, однако, преобладают ПО в постпозиции, доля которых составляет 88%.

Необходимо рассмотреть и другие важные характеристики причастных конструкций. Э.-О. Хааг перечисляет основные факторы, необходимые для употребления причастий и ПО в причинно-следственном значении [Хааг 2004: 110]. Это значение возможно, если ПО а) фиксированно употребляются

перед определяемыми словами; б) своими видовременными формами контекстуально выражают предшествующие события по отношению ко времени сказуемого и, как правило, являются страдательными СВ; в) связаны по смыслу причинно-следственными отношениями со сказуемыми.

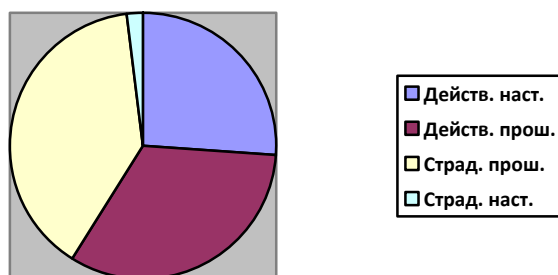
Как мы уже отметили, препозиция ПО не является, по нашим наблюдениям, обязательным фактором в оборотах с причинным значением. Критерий наличия смысловой причинной связи между причастием и сказуемым является, безусловно, необходимым и определяется при помощи логической или синтаксической трансформации (т. е. путем поиска энтимемы или замены придаточным предложением). К рассмотрению второго из перечисленных факторов мы обратимся в следующей части нашего анализа.

2.3.1. Характеристики времени и залога причастных оборотов

Причастие определяется как неспрягаемая глагольная форма, обозначающая «действие или состояние как такой признак лица, предмета, который проявляется во времени» [Белоусов 1979-2: 234]. Однако время причастия — категория относительная, показывающая только одновременность или предшествование действия, описанного причастием, по отношению к основному действию, описанному глаголом-сказуемым, т. е. категория времени выражает в данном случае таксисные отношения.

Примеры в нашей картотеке показывают довольно равномерное распределение ПО по временам и видам залога, за исключением страдательных причастий настоящего времени, малое количество которых обусловлено их низкой частотностью в современном русском языке.

Диаграмма 2. Распределение причастий по времени и залогу

Чаще всего в оборотах с причинным значением встречались страдательные причастия прошедшего времени (39%) или действительные причастия прошедшего времени (33%). Чуть меньше было действительных причастий настоящего времени (26%) и совсем мало — страдательных причастий настоящего времени (2%).

Причастия прошедшего времени обозначают предшествование действия по отношению к моменту речи или к моменту другого действия [Шелякин 1993: 180]. Предшествование действия в ПО относительно основного действия, как отмечалось выше и Э.-О. Хааг, является важной характеристикой конструкций с причинным значением. Поэтому преобладание причастий прошедшего времени (72% в сумме) вполне ожидаемо. Приведем некоторые примеры: *В юности ему довелось столкнуться с человеком, у которого были точно такие же глаза, и Фандорин не любил вспоминать ту давнюю историю, **обошедшуюся ему слишком дорого*** (Б. Акунин) — т. е. история когда-то, до начала нынешнего рассказа, обошлась ему слишком дорого. *Пока происходила смена блюд, мой знакомый, **слегка утомленный всем увиденным**, молча просматривал список театральных программ за неделю...* (Ю. Домбровский)

Впрочем, на таксисные отношения предшествования или одновременности влияет не только время причастной формы, но и ее вид. Так, М. А. Шелякин отмечает, что действительные и особенно страдательные причастия СВ употребляются, как правило, в перфектном значении [Шелякин 1993: 180], что и было показано в приведенных выше примерах. В. В. Виноградов указывает, что «причастия прошедшего времени СВ обозначают активный признак как результат осуществленного, законченного действия», а также замечает, что причастия прошедшего времени совершенного вида «могут свободно сочетаться с любым временем глагольного сказуемого» [Виноградов 1972: 224].

Положение о возможности употребления любой временной формы сказуемого с причастиями прошедшего времени СВ, подтверждается нашими примерами: *Я стою на арене цирка, а медведь, **убитый мной**, падает с двухколесного велосипеда...* (О. Робски). *Если я буду переводить слово в слово, то результат будет весьма неудачный. Но если я, **вынужденный необходимостью**, буду менять порядок слов или сами слова, тогда я, как мне кажется, отойду от*

функции переводчика (П. Копанев); *Я задремал, убаюканный пением бури...* (А. Пушкин).

Причастия прошедшего времени НСВ чаще употребляются при наличии в предложении «глагольной формы прошедшего времени любого вида или формы будущего времени совершенного вида в значении прошедшего времени, реже при наличии форм настоящего времени и простого будущего в прямом значении и совсем редко — при форме будущего времени несовершенного вида» [Виноградов 1972: 224]. Действительно, в наших примерах эти причастия сочетались обычно с глаголами прошедшего, а в одиночных случаях — с глаголом настоящего времени: *Евгения Степановна, баловавшая Володю, обегала всех портных и сапожников, и Володя получил заветную форму* («Русская мысль»); *Что бы там ни писали, я, знавшая Юру и до полета, и после, могу заверить, что Гагарин звездной болезнью никогда в жизни не болел* («Аргументы и факты»). Во втором примере причастие относится к закончившейся длительной ситуации в прошлом (*знала — могу заверить*), т. е. ПО обозначает отношения предшествования. В первом же примере причастие НСВ имеет процессное значение, и завершённое действие происходит на его фоне (*баловала — получил*), т. е. речь идет об отношениях одновременности.

Как правило, отношения одновременности обозначаются причастиями настоящего времени. В них тоже частотно выражение причинных отношений: *«Как ты меня нашла?» — спросил молодой человек, одолеваемый самыми недобрыми подозрениями* (Б. Акунин) — его одолевали подозрения в то время, когда он задал вопрос, и подозрения были причиной вопроса; *Пламя перебежало на хвою и, раздуваемое ветром, разгорелось со стонами и свистом* (В. Полевой); *В нашем сознании изображение свастики связано с фашизмом, и любой нормальный человек, знающий об ужасах Второй мировой войны, относится к ней негативно* (Б. Серафимов); *«Фабрика звезд» — хороший проект, дающий людям надежду* («Аргументы и факты»).

Возвращаясь ко второму критерию, выделенному Э.-О. Хааг для ПО с причинным значением, мы можем сделать следующие выводы на основе нашего анализа. Несмотря на то, что выражение причастием предшествующего события с помощью своих видовременных форм способствует выделению в таких конструкциях причинного значения, данный критерий не является обязательным.

Причастные обороты со значением одновременности также достаточно регулярно имеют значение причины.

2.3.2. Семантико-синтаксические особенности оборотов с причастиями

Причастный оборот может называть либо действие, предшествующее и являющееся причиной основного действия, либо состояние субъекта, являющееся причиной действия, названного глаголом-сказуемым. Ср. пример с перечислением двух связанных причин, выраженных действительным и страдательным причастием: *Казалось, что какая-то сила снесет наш домик, **стоящий на высоком берегу реки и ничем не защищенный от ветров*** (С. Аксаков) —> *Казалось, что какая-то сила снесет наш домик, **потому что стоял он на высоком берегу реки и не был ничем защищен от ветров.***

В оборотах со страдательным причастием нередко употребляется каузативный глагол, а зависимое слово указывает на источник причины: ***Поощряемый письмами Пушкина**, Вяземский ведет борьбу за создание русской художественной прозы* (П. Копанев) — каузативный глагол *поощрять*, зависимое именное словосочетание *письма Пушкина* описывает побуждающую причину; *Он понимает, что действительность, к которой он так серьезно относился, тоже абстракция, видимость жизни, а не жизнь. **Пробужденный каким-то толчком**, вдруг поднял голову и увидел все шнурочки, резиночки, веревочки, которыми все это приводилось в движение и казалось живым* (Ю. Домбровский).

Ряд примеров в нашей картотеке содержит ПО, относящиеся не к подлежащему, а к второстепенному члену предложения. Исследователи тоже отмечают, что причастия могут относиться «к существительному в любой его синтаксической функции» [Шелякин 1993: 174]. Причастие, согласованное с существительным или местоимением в косвенном падеже, в отличие от других обособленных оборотов, при обособлении не приобретает двунаправленных смысловых связей, т. е. не соотносится со сказуемым. Однако в силу своих грамматических значений, поддержанных обособлением, оно выступает как полупредикативный член предложения и может выражать причину: *Ранние вероучители Тертуллиан (II век) и святой Иероним (IV век) восхваляют верность Дидоны, **предпочевшей самосожжение повторному браку*** (Г. Чхартишвили);

*Газели, живущие в пустынях Саудовской Аравии, развили у себя способность сокращать внутренние органы, **требующие значительного количества кислорода** («Молодежь Эстонии»); *А если брать тех же русских, то у них, **расселенных на очень большой территории**, и вовсе множество подтипов* («Аргументы и факты»). В целом, однако, полупредикативность в подобных конструкциях ослаблена, и их следует отнести к более удаленной периферии от центральных способов выражения причины, чем ПО других видов.*

Критерий обособления ПО обязателен для появления в них обстоятельственных отношений, поэтому все обороты в наших примерах были обособлены. Обособленный ПО обладает большей смысловой нагрузкой по сравнению с тем же оборотом в случае его необособления. Ср. пример с однородными определениями, выраженными прилагательным и причастием: *Оставаться ей в крепости, **подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным**, было невозможно* (А. Пушкин). — *Оставаться ей в **подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным** крепости было невозможно*. В трансформированной конструкции без обособления характеристика крепости является второстепенной и, вероятно, только повторяет уже известную читателю информацию. В обособленном обороте этой информации придается особое значение, так как она в этом случае обосновывает решение покинуть крепость. Обособление ПО в отдельную синтагму, таким образом, служит не только показателем относительной самостоятельности заключенной в обороте информации, но также и средством отграничения характеризующего значения от значения обстоятельственно-причинного.

Интересным явлением исследователи считают синонимику причастий и деепричастий, а также возможность включения деепричастных и определительных оборотов (как с причастиями, так и с прилагательными) в однородные ряды. Н. А. Фокина отмечает, что «обладая разными морфологическими свойствами и синтаксическими связями, причастия и деепричастия, казалось бы, не должны образовывать синонимов. Тем не менее, языковой материал свидетельствует о том, что причастия и деепричастия не всегда функционально противопоставляются друг другу: имеются случаи объединения причастий и деепричастий сочинительной связью» [Фокина 1988: 78]. Ср. возможность синонимической замены в одном из наших примеров:

Квартирная хозяйка Тоньки-пулеметчицы, погибающая с голоду в своем Красном Колодце, однажды пришла к немцам просить соли («Аргументы и факты»). —> *Квартирная хозяйка Тоньки-пулеметчицы, погибая с голоду в своем Красном Колодце, однажды пришла к немцам просить соли.*

Н. А. Валгина объясняет это явление тем фактом, что обособленные члены предложения имеют полупредикативное значение. «Так, общий семантический фактор (полупредикативное значение) при формировании однородного ряда может «преодолеть» даже разнородность синтаксической функции (в данном случае обстоятельственную и определительную)» [Валгина 2000].
Случаи соседства ПО и ДО в однородном ряду есть и в нашей картотеке: *Не имея возможности доказать другим то, в чем она была глубоко убеждена, измученная многолетними исследованиями сложнейшей проблемы, она тяжело заболела и умерла в психиатрической лечебнице в 1859 году* (И. Гилилов); *Шеф сделал паузу, и Анисий весь подался вперед, с одной стороны, потрясенный блестящей перспективой триумфального возвращения в жандармское, а с другой, предчувствуя, что сейчас будет высказано и нечто, еще более головокружительное* (Б. Акунин); *Растроганный видом этой красивой группы и не желая мешать влюбленным, я хотел уже пройти мимо них* (А. Куприн).

Обратимся далее к рассмотрению обособленных определений, выраженных прилагательными.

2.4. Обособленные определения другого типа

Еще одну группу обособленных конструкций составляют определительные обороты с прилагательным, называемые иначе адъективными. Ввиду отсутствия у них глагольных признаков, они сближаются скорее не с причастными оборотами, а с приложениями, особенно с оборотами со связкой *будучи*.

Определение может обособляться в перечисленных ниже случаях.

- 1) Если оно стоит непосредственно перед определяемым существительным и имеет добавочное обстоятельственное значение (в том числе причинное) [Валгина и др. 1986: 124; Гвоздев 1973: 157; Почтенная 1977: 74]. Напр.: *Бодрый до старости, Шумилин и сейчас активно участвует в жизни своего колхоза* (Из газет).

- 2) Как и в случае с причастиями, определение-прилагательное обособляется, если оно относится к личному местоимению: *Поначалу я отвечал нахохлившись, **готовый к отпору**, но отец проявил столько просвещенного интереса по разным вопросам, что я, вдруг утратив чувство отчужденности, стал сверкать смелыми парадоксами, предвосхищая открытия в науке, создавая новую живописную школу* (О. Форш).
- 3) Обособляются также все прилагательные, которые стоят после определяемого слова или уже имеют определение [Шелякин 1993: 294]: *Адди устроит тебе ад, не очень ловко скаламбурил Момус, но все равно расхохотался, **довольный остротой*** (Б. Акунин).

В случаях, описанных под номерами 2 и 3, наличие обособления также позволяет адъективным конструкциям иметь причинное значение. Из 31 примера с обособленными определениями, имеющегося в нашей картотеке, подавляющее большинство (83%) иллюстрируют постпозитивное положение оборота.

А. Н. Гвоздев, говоря об особенностях определений, отмечает, что обособление невозможно в тех случаях, когда значение состояния или обстоятельства (например, причины) неуместно [Гвоздев 1973: 157–158] и приводит пример: *Полученные в посылке караси были положены в воду* (П. Мантейфель). То есть присутствует прямая связь между обособлением и наличием оттенка обстоятельственности.

Для проверки наличия в определительных оборотах обстоятельственно-причинного значения рекомендуется замена оборота на придаточное предложение или на оборот с *будучи* [Прокопович 1974: 274; Розенталь 1984: 52–53 и др.]. Авторы Грамматики-60 считают, что обособленные определения, относящиеся по смыслу не только к определению, но и к сказуемому, могут быть названы «обстоятельными определениями»: «по значению они соотносительны с обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами с формой *будучи*, а также с придаточными предложениями с соответствующими обстоятельными значениями» [Грамматика 1960: 642]. Произведем подобную трансформацию на одном из наших примеров: *Собака, уже никому не нужная, одиноко поскуливала под столом* (О. Робски). —> *Собака, будучи уже никому не нужной, одиноко поскуливала под столом.* —> *Собака одиноко поскуливала под столом, потому что уже никому не была нужна.* Как видим,

замена обособленного определения на конструкцию с *будучи* и на прототипическую причинную конструкцию с союзом *потому что* производится достаточно легко.

Среди других характеристик оборотов с прилагательными, которые сближают их с причастными оборотами, можно отметить способность относиться к второстепенным членам предложения, а также сочетаться с другими типами полупредикативных конструкций. Проиллюстрируем это примерами: *Архитектурная общественность запротестовала против здания, похожего на несколько огромных «мешков с мусором»* («Аргументы и факты»); *Не по возрасту маленький и худой, он приобрел привычку сильно запрокидывать голову, стараясь скорее дорасти до товарищей* («Семь»). — Здесь с помощью определений и ДО указаны две причины: *Он приобрел привычку сильно запрокидывать голову, потому что был не по возрасту маленький и худой и потому что старался скорее дорасти до товарищей.*

В однородный ряд конструкций с причинным значением в некоторых случаях способны вступать даже несогласованные определения, напр.: *Всклопоченный, в мятом замызганном «белом» костюме с оттянутыми карманами и оборванными пуговицами, он, честное слово, сильно напоминал легендарную ворону, где-то добывшую кусочек сыра* (В. Новиков).

Все перечисленные характеристики и особенности адъективных оборотов позволяют включить их в число периферийных средств выражения причины.

2.5. Обособленные обстоятельства других типов

Обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами, занимают центральное место в микрополе полупредикативных средств выражения причинных отношений, и мы уделили им должное внимание, подробно рассмотрев ДО в начале настоящей главы. Однако к данному микрополю относятся и другие типы обособленных обстоятельств, которые следует упомянуть.

2.5.1. Предложно-падежные обособленные конструкции

Ближе всего к центру поля причинных отношений из всех обстоятельственных и определительных конструкций находятся обособленные обстоятельства, образованные именами существительными с предлогами *благодаря, ввиду, в связи с, вследствие, за неимением, по причине* и др. Наличие в них причинных предлогов и прямая связь с одним из основных способов выражения причины (ПП с обстоятельствами причины) означает, что их можно причислить к специализированным способам выражения причины. Приведем примеры: *Благодаря многим надписям, изображениям, оставленным на память и в назидание нам, можно с большой долей уверенности говорить о том, что первоначально применялись лишь два графических начертания креста: крест «прямой» и крест «косой»* (Б. Серафимов); *К сожалению, вследствие сугубой деликатности занятий этого сыщика-джентльмена, Николас обнаружил очень мало документальных следов его деятельности, поэтому вместо научной статьи пришлось опубликовать в иллюстрированном журнале серию полубеллетризованных скетчей, основанных на семейных предания* (Б. Акунин); *В таких случаях, за неимением другого материала, может привлекаться и героический эпос* (В. Пропп).

Предлог *благодаря*, который был самым частотным в нашей картотеке, выражает значение благоприятной причины, приводящей к положительному результату [Хааг 2004: 58; Ильина, Попова 2007: 9], что подтверждается примерами: *Благодаря трудной победе над сборной Тринидада и Тобаго, сборная Англии вышла в 1/8 финала чемпионата мира по футболу в Германии («Молодежь Эстонии»); Таким образом, благодаря различным видам межъязыковой коммуникации и ее наивысшей форме, художественному переводу, может исполниться величайшая мечта человечества, о которой писал Эдмон Кари* (П. Копанев).

Обстоятельства, выраженные предложно-падежными конструкциями, обособляются при условии распространенности оборота, намеренном его выделении и слабой синтаксической связи с глаголом-сказуемым. При этих условиях предикативная сила обстоятельства возрастает. Обособление может производиться не только запятыми, но и с помощью тире: *А вот школа*

действительно стала проблемой — **по причине моего несогласия с постоянными похвалами учителей, нисколько не связанными с действительными успехами ученика** («Аргументы и факты»); Цитированные отзывы Белинского показывают, как много значили — **именно в силу общей художественной убедительности и языкового мастерства (несмотря даже на многочисленные отдельные отступления от смысла и тона подлинника)** — переводы Жуковского в глазах самого прогрессивного критика середины века, выразившего интересы передового читателя (А. Федоров).

В наших примерах встретились и сочетания с простыми предложениями, способными оформлять причинное значение: *Почтенные прелатаги Библии, по набожному образу мыслей, переводили слово в слово, не опасаясь оскорблять язык, еще не имевший словесности, и не думая, хороши ли такой-то оборот или нет* (Н. Гнедич); *Слуга, из чувства приличия, а может быть, и не желая остаться под барским глазом, зашел под ворота и закурил трубку* (И. Тургенев) — в данном примере вторая причина представлена в виде ДО.

Конструкции как с простыми, так и с производными предложениями могут выражать внешнюю или внутреннюю причину. Внешняя, объективная причина указывает на объективные обстоятельства действий, состояний, отношений: *Эта часть <...> включена в книгу вынужденно, вследствие уже упомянутого отсутствия отечественной литературы по теме* (Г. Чхартишвили)

Значение внутренней, субъективной причины, как указывают С. А. Ильина и Т. В. Попова, передается именами существительными, обозначающими эмоционально-психическое состояние, личностные свойства человека, притом как положительные, так и отрицательные [Ильина, Попова 2007: 9]: *Николае решил, что ослышался или же — в силу своей испорченности и неумеренного воображения — неправильно понял, но сзади раздалось прысканье* (Б. Акунин).

Кроме обособленных предложно-падежных конструкций, в нашей картотеке встретился один пример обособленного обстоятельства места с оттенком причинного значения: *Как правило, он останавливается в небольших отелях, подальше от назойливых журналистов* («Аргументы и факты»). При попытке трансформации его в СПП причины можно заметить, что, поскольку предиката в обособленной конструкции нет, его приходится восстанавливать с большей или меньшей степенью вероятности: *Как правило, он останавливается в небольших*

отелях, потому что хочет быть подальше от назойливых журналистов. При этом на примере данного предложения нельзя не отметить, насколько пронизаны дополнительным причинным значением различные синтаксические конструкции языка, и насколько далеко простирается разреженная периферия средств выражения причины.

2.5.2. Обороты со сравнением

Сами по себе сравнительные обороты не предназначены для выражения причины, однако наше внимание обратили на себя ДО, в которых присутствуют частицы *как будто, как бы, словно*. Эти средства дают возможность формально отнести такие конструкции к сравнительным оборотам, однако наличие в них второстепенной предикации и дополнительного сообщения позволяет рассматривать их и как модификацию ДО.

Смысл в таких ДО осложняется за счет модального значения, вносимого сравнительными частицами. Т. Г. Акимова и Н. А. Козинцева говорят, что в подобных конструкциях «передается сомнение, неуверенность говорящего в соответствии второстепенного действия действительности» [Акимова, Козинцева 1987: 266]. Говорящий определенным образом квалифицирует действие, описанное в ДО, относя его к другому модальному плану, чем основное действие. Авторы раздела о зависимом таксисе в «Теории функциональной грамматики» отмечают также, что в конструкциях, содержащих ДО, связанный с основным сказуемым посредством сравнительных частиц, аспектуально-таксисное отношение между основным и второстепенным действием часто включает и значение причины [Там же]. В таких случаях ДО описывает предполагаемую причину основного действия.

В нашей картотеке встретилось 20 случаев осложнения деепричастных конструкций сравнением (что составляет около 3% от всех ДО). В 10 предложениях присутствует частица *словно*, в 9 оборотах — *как бы*, в одном случае — *как будто*.

Сравнение используется как при деепричастиях СВ, так и НСВ: *Внезапно ветер стих, словно прислушиваясь* (С. Антонов); *Сплошные облака, как бы сорвавшись, поплыли вдруг, понеслись по небу* (И. Тургенев).

Авторы «Словаря служебных слов русского языка» относят *словно* к модально-сравнительным союзам, указывая, что его основу «составляет субъективно-модальная оценка действительности» [Словарь служебных слов 2001: 256]. Напр.: *Надворный советник покачал головой, словно удивляясь загадкам человеческой природы* (Б. Акунин).

У союзов, содержащих элемент *будто*, отмечается более сильная модальность недоверности [Словарь служебных слов 2001: 261]. Ср.: *Шеф сунул руку в карман, но немедленно выдернул ее, будто обжегшись* (Б. Акунин).

Во многих наших примерах ДО поясняет сказуемое, выраженное глаголом речи (*сказать, толковать, промычать, отозваться, спросить*). Логические отношения между частями предложения выстраиваются таким образом, что автор приводит возможную причину произнесения той или иной реплики. Осложнение оборота модальной рамкой, неуверенность автора можно объяснить тем, что причина лежит в умственной или эмоциональной сфере деятельности лица, о которой у автора высказывания нет точных сведений. Он может лишь высказать свое предположение, догадываясь о причине: — *Ничего особенно красивого не замечаю, — тотчас же отозвался Вольдемар, как бы почувствовав во мне соперника* (В. Катаев); «*Да, конечно, мертвые*», — *сказал Собакевич, как бы одумавшись и припомнив, что они в самом деле были уже мертвые* (Н. Гоголь); — *Гм! — промычал Обноскин, как будто желая подразнить еще более дядю* (Ф. Достоевский).

В функции модального модификатора, выражающего сомнение, могут, кроме частиц, выступать и вводные слова. В картотеке встретился один такой пример, входящий по своей семантике в описанную выше группу деепричастных конструкций с глаголом речи: — *Как? — спросил я совершенно по-дурацки, еще, кажется, не полностью понимая смысл сообщения* (Ю. Домбровский).

Несмотря на относительно небольшую частотность причинных конструкций с модальной рамкой сомнения, востребованность их в языке подтверждается пересечением сравнительных конструкций с другими видами полупредикативных оборотов из нашей картотеки. Ср. пример обособленной предложно-падежной конструкции: *Застонав, словно от зубной боли, Эраст Петрович метнулся обратно к вестибюлю* (Б. Акунин).

Интересно, что когда в сравнительных оборотах некоторыми исследователями выделяется причинное значение, речь идет только о конструкциях с *как* + существительное, т. е. о том типе оборота, который мы относим к обособленным приложениям. Так, Л. Ф. Казакова отмечает, что если сравнительный оборот отделяется на письме запятыми и занимает в предложении относительно самостоятельное положение, то он либо используется для «чистого» сравнения (уподобления), либо имеет обстоятельственное значение причины, причем такой оборот можно трансформировать в придаточное причины или заменить оборотом с *будучи*, и приводит пример: ***Как победитель городской олимпиады, Саша был награжден поездкой в Москву*** [Казакова 2002: 61].

Представляется, что сравнительные обороты, относимые к полупредикативным конструкциям, можно разместить на удаленной периферии поля выражения причинных отношений, при условии наличия в них не отношений уподобления, а модального оттенка неуверенности, оформляющего значение причины.

Далее мы перейдем к рассмотрению полупредикативных конструкций, выражающих причинные отношения в эстонском языке.

ГЛАВА III. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

Прежде чем перейти к периферии поля причины в эстонском языке, приведем краткую характеристику основных способов выражения причинных отношений.

В целом, центральные способы выражения причинных отношений в эстонском языке совпадают с соответствующими способами в русском. Так, в сложноподчиненных предложениях специализированными средствами выступают причинные союзы (*sest, sellepärast et, sest et, seetõttu et, kuna, et* и др.), а в простых предложениях — предлоги и послелог причины (такие как *tõttu, pärast*) [Valgma, Remmel 1970: 226, 229]. При этом прототипической конструкцией, выражающей причинные отношения, можно считать СПП с союзом *sest*. Эти предложения являются частотными в языке, имеют два полных предиката и оформлены специализированным союзом причины.

Обстоятельство причины в ПП могут также оформлять беспредложные формы имени существительного в различных падежах, таких как элатив, адессив и др. [ЕКГ 1993: 95]. Кроме того, как и в русском языке, на причинные отношения в ПП могут указывать соответствующие лексемы (*põhjus, põhjustama, tekitama* и т. д.).

На некотором удалении от ядра ФСП причины находятся БСП, а также СПП с союзами недифференцирующего типа. Приведенный ниже анализ позволит определить, насколько схожи или различны в русском и эстонском языках периферийные способы выражения причины в рамках ПП.

3.1. Типы периферийных конструкций со значением причины в эстонском простом предложении

В данной части главы рассматриваются различные обороты и другие способы выражения причины в ПП, выделенные как на основе приведенного в первой главе списка эстонских полупредикативных оборотов, так и исходя из

соответствий полупредикативным конструкциям русского языка, проанализированным во второй главе.

3.1.1. Конструкции с герундием на *-des*

Поскольку в эстонском языке отсутствует грамматическая категория вида, то русским деепричастиям формально соответствует одна форма герундия на *-des*. С исторической точки зрения она представляет собой форму инессива от инфинитива на *-da*.

Данная форма призвана выражать «таксисные отношения одновременности второстепенного действия и основного» [Кюльмоя и др. 2003: 95]. Для передачи отношений предшествования в эстонском языке, как правило, используется причастие активного залога прошедшего времени на *-nud*.

А. Мёльдер утверждает, что, поскольку герундий на *-des* выражает одновременность, в русском языке ему соответствует деепричастие НСВ [Mölder 1967: 148]. Мы проверим, верно ли это соответствие, в контрастивной части нашего исследования.

Примеры герундивных оборотов со значением причины: *Töötajad vahetavad kergesti töökohti, pidades silmas oma individuaalsete eesmärkide saavutamist...* («Haridus») — причина: *töötajad peavad silmas oma individuaalsete eesmärkide saavutamist; Oli loomulik, et mõistes halvasti nii riigikeelt, mis tuli, kui ka kohalikku kultuurikeelt, mis minema pidi, nad tegid oma kommentaarid hoopis kohatus ja igapidi keelatud keeles, millel polnud ei elavat võimu ega surnud kultuuri* (K. Ristikivi) — причина: *nad mõistsid halvasti nii riigikeelt kui ka kohalikku kultuurikeelt*.

Как видно из наших примеров, эстонская форма на *-des*, действительно, описывает действие, характеризующее другое действие и происходящее с ним одновременно. Подобные отношения между частями могут, при наличии в предложении определенных лексико-семантических связей между основным и второстепенным предикатом, выражать причинные отношения.

В герундивных оборотах со значением причины частотны формы следующих групп глаголов: глаголы мыслительной деятельности, глаголы чувств и восприятия (особенно зрительного). Это такие герундивные формы, как *teades, ette nähes, mõeldes, tundes, nähes* и под.: *Ta kasutas juhust, kui härra Semmeln häält*

tõstis, et oma vaese naabri aadressil veel üks «lollpea!» ütelda, ja jäi siis rahule, teades, et oli oma parima teinud (K. Ristikivi); *Võimalikke äpardusi ette nähes laseksime vast kuuenda veel pealekauba tulla, igaks juhtumiseks* (H. Raudsepp); *Tundes hambaid rõivastes, ajas ta enese ometi veel püsti ja rohmas huupi kepiga* (M. Metsanurk).

Для подтверждения наличия в герундивных конструкциях причинных отношений можно применить трансформацию их в СПП причины: *Küll on aga teada, et ligikaudu 20-40% (olenevalt erialast) õpetajakoolituse läbinutest ei lähegi kooli tööle, kartes õpetajaameti raskusi* («Haridus»). — *Küll on aga teada, et ligikaudu 20-40% (olenevalt erialast) õpetajakoolituse läbinutest ei lähegi kooli tööle, sest nad kardavad õpetajaameti raskusi*.

Ранее отмечалось важное отличие эстонских герундивных оборотов от русских ДО, а именно возможность несовпадения в них субъекта главной и полупредикативной частей. Рассмотрим различные варианты указания на субъект в данных конструкциях.

Если субъект в обороте с *-des* (а также в оборотах с *-mata* и *-nud*) совпадает с субъектом действия в основной части предложения, то в обороте он никак не обозначается [ЕКК 2007: 577]. Напр.: *Inimene ei suuda end elus hoida, omastades toitaineid õhust ja veest* («Eesti loodus»). <— *Inimene ei suuda end elus hoida + Inimene omastab toitaineid õhust ja veest; Olin ma tsensoritöö teinud, jäin vait ja vaatasin kiitust oodates isale pinevalt näkku* (V. Luik) <— *Ma olin tsensoritöö teinud, jäin vait ja vaatasin isale pinevalt näkku + Ma ootasin kiitust*. Как видно в последнем примере, герундивный оборот в препозиции может указывать причину только одного из действий, оформленных однородными сказуемыми.

В случае если субъекты не совпадают, субъект в обороте может указываться в форме генитива: *Sügis saabus + Tal tuli lõplikult kambrisse asuda* —> *Kuid nüüd sügise saabudes tuli tal lõplikult kambrisse asuda: väljas oli juba külm* (P. Vallak). В таких конструкциях, кроме причинного значения, присутствует и указание на время: *Esimese maailmasõja saabudes olid ka seni rantjee-elu nautinud ilunaised üha sagedamini sunnitud tööle asuma ning vajasid seetõttu muidugi ka mugavamalt riietust* («Naiste maailm»). —> *Kui/Kuna saabus esimene maailmasõda, olid ka seni rantjee-elu nautinud ilunaised üha sagedamini sunnitud tööle asuma ning vajasid seetõttu muidugi ka mugavamalt riietust*.

Исследователи отмечают также, что в виде исключения другой субъект действия может никак не указываться в обороте, если речь идет о «стереотипных», устойчивых герундивных конструкциях с формами глаголов *ütlema, tunnistama, otsustama, arvestama, võrdlema, algama, lõpetama* и др.: ***Ausalt öeldes oli see etendus igav*** [ЕКК 2007: 578]. Невыраженным субъектом действия в таких случаях является сам говорящий, ср. в приведенном примере: ***Ma ütlen ausalt, et see etendus oli igav***. Конструкции с подобными глаголами встречаются и в нашей картотеке: ***Käsitlus on sünkrooniline, arvestades tänapäeva eesti keele kasutust ja kasutajat*** (H. Metslang). —> ***Käsitlus on sünkrooniline, sest me arvestame tänapäeva eesti keele kasutust ja kasutajat***.

Таким образом, отсутствие правила совпадения субъектов главной части предложения и герундивного оборота позволяет этим оборотам описывать более широкий набор ситуаций, чем в русском языке.

Обособление герундивных оборотов не является таким строгим, как выделение на письме ДО в русском языке. Пунктуационное оформление обстоятельственных конструкций на *-des* зависит от позиции оборота относительно основной части предложения, а также от позиции самого герундия в обороте относительно зависимых от него слов.

Запятыми выделяются находящиеся в постпозиции обороты, в которых герундий расположен в начале оборота. Такое расположение частей в наибольшей мере соответствует модели придаточного предложения. Напр.: ***Ja Minna võpatas vihast, mõeldes oma lähedasele minevikule*** (P. Vallak); «*Kuidas õukond sulle meeldib?*» küsis ta, ***lootes narri vastusega karistada oma alamate jultumust*** (L. Promet).

Обособляется и одиночный герундий с причинным значением в постпозиции, который считается оборотом при условии, если к нему относится придаточное предложение [Mihkla и др. 1974: 440].: ***Lea aeglustab sammu, teades, et kui tema seda ei tee, paneb Mart endise valuga edasi*** (M. Traat).

В противоположность указанному выше случаю, если оборот находится в препозиции, а герундий стоит в конце оборота, конструкция не обособляется: ***Toiduainetööstusega kokku puutudes näen tihti nõuetele mittevastavate määrdeainete kasutamist*** («Inseneeria»).

В остальных случаях, т. е. в предложениях с препозитивным оборотом, в котором герундий находится в начале оборота, а также в предложениях с оборотом в постпозиции, где герундий находится в самом конце оборота, правила разрешают свободную пунктуацию [ЕКК 2007: 582].

В наших примерах препозиционные обороты с герундием в начале оборота обычно обособлялись: *Nähes aga seniste ususüsteemi dogmade kokkuvarisemist, tunnevad nad vajadust sellest tulu saada...* (Е. Maasik). Постпозиционные обороты с герундием в конце оборота, напротив, обычно не обособлялись: *Ja ta vaatas kinnitust otsides peainseneri poole* (М. Traat); *Pealegi said teised varsti nende saladuse jälile ja tegid kuningatütre jaoks kõrge tuleriida, et teda nõiduse pärast ära hukata. Kuningapoeg kaotas seda kuuldes lootuse ja uputas enda järve* (В. Kangro).

Модальная рамка неуверенности автора в называемой причине может оформляться при помощи добавления в оборот сравнительных союзов, таких как *nagu, justkui, just nagu*: *Aadu tõusis süngilt, nagu aimates midagi* (А. Viirlaid); *Suve süda saab läbi, paras age natuke ringi kaeda, arutas Karl just nagu ennast lohutades* (Е. Maasik).

Герундивным оборотам с негативным значением соответствуют конструкции с абессивной формой супина, т. е. обороты на *-mata*, которые будут рассмотрены отдельно.

3.1.2. Причастные обороты на *-nud*, *-tud*, *-v* и *-tav*

В то время как в современном русском языке причастия присущи книжному стилю, в эстонском языке их использование считается стилистически нейтральным, и они довольно частотны.

Причастия на *-nud* и *-tud* могут рассматриваться в системе именных глагольных форм как аналитические формы прошедшего времени, соответствующие герундиям [ЕКГ 1993: 234]. Согласно этой точке зрения, которой придерживаются авторы «Грамматики эстонского языка», эти формы являются герундиями прошедшего времени, состоящими из герундия *olles* и причастной формы на *-nud* или *-tud*. При этом форма *olles* обычно опускается, и в качестве герундия выступает причастие — одиночное или с зависимыми от него словами, ср.: *(Olles) jõudnud mõtetega nii kaugemale, tundis ta piinlikkust. (Olles)*

vaenlase poolt tagasi tõrjutud, asusid meie väed kaitsele [EKG 1993: 234]. Форма *olles* может оформлять и другие виды оборотов, что будет рассмотрено ниже.

Поскольку причастия прошедшего времени относятся обычно к событию, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом-сказуемым, подобные конструкции, по нашим наблюдениям, нередко выражают причинные отношения: *Karmi korruga orbudekodus kasvanud Chanelile imponeerisid praktilisemad meesterõivad ning rustikaalsemad materjalid* («Naiste maailm»); *Noorhärрад sekundast aga — kõiketeadjad ja läbini õpetatud — olid igasugustest lapsikustest üle, vähemalt enamasti ja eriti nooremate juuresolekul...* (K. Ristikivi). В последнем примере причастный оборот вступает в однородный ряд с приложением *kõiketeadjad*.

Автор справочника по эстонскому синтаксису К. Керге отмечает, что причастия прошедшего времени, находящиеся в постпозиции, имеют особое, уточняющее значение [Kerge 2000: 28]. Приводимые данным автором примеры указывают на то, что это дополнительное значение может быть причинным: *Siinsetes külades, täiesti mahajäetutes, oli eriliselt vaikne. —> Siinsetes külades oli eriliselt vaikne, sest need olid täiesti mahajäetud; Niisuguste laste, hästi söönute ja kenasti kasitute üle tuleb vaid rõõmu tunda. —> Niisuguste laste, kes on hästi söönud ja kenasti kasitud, üle tuleb vaid rõõmu tunda / Niisuguste laste üle tuleb vaid rõõmu tunda, sest need on hästi söönud ja kenasti kasitud.* — В данном примере доминируют определительные отношения, однако имеется и оттенок причины.

Причинное значение у оборотов с формой на *-tud* и *-nud* выделяют также авторы учебника «Eesti keele lauseõpetuse põhihooned» [Mihkla и др. 1974: 445], замечая при этом, что их можно заменять придаточными причины с союзом *et*: *Kurja isa ähvardusest hirmutatud, hakkas tüdruk nutma. —> Et / Kuna tüdruk oli kurja isa ähvardusest hirmutatud, hakkas ta nutma; Elanud päevast päeva, aastast aastasse ühetoonilist elu, olid talle küllakutsed kolleegide poolt alati teretunud vahelduseks* (J. Semper). —> *Et / Kuna ta oli elanud päevast päeva, aastast aastasse ühetoonilist elu, olid talle küllakutsed kolleegide poolt alati teretunud vahelduseks.* Ср. причастный оборот в препозиции из нашей картотеки: *Väsinud ootusest, istusid nad õues, mingi töö näppude vahel, aga huuled liikusid neil ja nad kordasid hääletult lühikesi palveid, mis paater mullu lombakule õpetanud* (M. Metsanurk).

В оборотах со страдательным причастием зависимое слово нередко указывает на источник причины: *Minna riietus kähku, jubedustundest vallutatud* (P. Vallak) — причина: *jubedustunne*.

В отличие от причастий прошедшего времени, ПО с активными и пассивными причастиями настоящего времени на *-v* и *-tav* обычно относятся к событию, происходящему во время события в главной части предложения [ЕКК 2007: 579]. Основное значение таких ПО определительное, но в них можно заметить и оттенок причины. В следующем примере причина описывается причастиями как настоящего, так и прошедшего времени: «*Hoiame vastu... Küll see äkiline tuul pöördub! Või jääb öö poole maha...*» *seletas merd näinud ja tundev vanamees* (A. Mälk). —> ...*Seletas vanamess, sest ta oli näinud merd ja ta seda tundis*.

Находясь в постпозиции, обороты на *-v* и *-tav*, как правило, обособляются [Mihkla и др. 1974: 448], и оттенок причины в них может быть заметнее: *Spordirahvast, paremini organiseeritavat, on isetegevusringides alati kõrgelt hinnatud*. —> *Spordirahvast isetegevusringides on alati kõrgelt hinnatud, sest ta on paremini organiseeritav*.

Обороты на *-nud* и *-tud* с обстоятельственным, в том числе причинным, значением, обособляются в любой позиции, причем само причастие может находиться как в начале, так и в конце оборота: *Põhjatuuul, tõmmanud lõõtsa täis Kamtsatka külmust, hingab näkku, kaarab kõrvadest ja nihutab kaldalähedasi, madalaid ja teravaid laineid aina lõunasse* (J. Smuul); *Isa Brunberg, juba maalgi nii korduvalt tööala vahetanud, proovis ka linnas esialgu seda ja teist* (E. Nirik); *Vihasemalt kui kiskjaile kargasid neile õuedest koerad vastu, aga pagesid ulgudes laiali, haavatud või hirmutatud visatud odast* (M. Metsanurk).

Особые формы представляют собой причастия в форме эссива, т. е. конструкции на *-tuna* и *-nuna*. Их причисляют к причастным оборотам, и выступают они обычно в роли обстоятельства состояния, которому, впрочем, может сопутствовать оттенок причины. Напр.: *1949 eksmatrikuleeriti [A. Kalep] süüdistatuna «dekadentliku» luule kirjutamises* (M. Hennoste); *Jüri käitumisest nõrdinuna pööras Mari talle selja..* Конструкции на *-nuna* отличаются низкой частотностью в языке, и в нашей картотеке отсутствуют.

Причинное обстоятельственное значение в конструкциях с формой на *-tuna* выделяется некоторыми исследователями [Mihkla и др. 1974: 455]. При этом

отмечается, что подобные конструкции могут заменяться придаточным предложением с союзом *et*: *Niiske ülikond oli heintele visatuna kortsud sisse võtnud...* (V. Gross). —> *Et niiske ülikond oli heintele visatud, oli ta kortsud sisse võtnud.*

Обороты на *-tuna* могут обособляться, если данная форма находится в начале оборота [Mihkla и др. 1974: 454]: *Paul oli tähelepanelikult jälginud igat lauset, kaasahaaratuna kõne loogilisest arengust* (J. Semper).

Подобные конструкции с причастиями в эссиве, согласно «Грамматике эстонского языка», не относятся формально к числу *sekundaartarindid*, т. е. к числу оборотов с второстепенной предикацией [EKG 1993: 261]. При этом можно заметить, что все приведенные примеры легко трансформируются в оборот с *olles* в сочетании с формами причастий в номинативе, т. е. *-nud* или *-tud*. Ср.: *Niiske ülikond, olles heintele visatud, oli kortsud sisse võtnud*. Следовательно, в этих видах конструкций присутствует скрытая предикативность, позволяющая развернуть приведенное в обороте сообщение в полную конструкцию: *Niiske ülikond oli heintele visatud* (предшествующее действие-причина) + *Ülikond oli kortsud sisse võtnud* (ситуация следствия).

3.1.3. Обороты с *olles*

Деепричастие *olles*, как уже отмечалось, может выступать в составе аналитической формы герундия прошедшего времени, сочетаясь с причастиями на *-nud* и *-tud*. Другие функции данной словоформы сходны со связкой *будучи* в русском языке.

Так, *olles* оформляет приложения, выраженные существительными: *Tõdemus, et igaiüks peab ise ennast aitama, on individualiseerimise üks tumedamaid külgi, sest inimene, olles alati mingi sotsiaalse koosluse esindaja, on üldiselt harjunud toetuma teistele* («Haridus»); *Nii oli esimene kaitseala, kus suur pindala metsa üsna segamatult vananeda sai, Lahemaa rahvuspark: järgmisel aastal tähistab see oma neljakümnenda aasta juubelit, olles esimene rahvuspark Nõukogude Liidus* («Eesti loodus»).

Также эта деепричастная форма может выступать в конструкциях, где главным словом в обороте выступает наречие, прилагательное в именительном падеже или какая-либо именная падежная форма. Основное значение подобных

оборотов определительное, с возможным оттенком причины: *Karl kergitas enast natuke, ikka veel kahevahel olles* (E. Maasik); *Olles rõõmust segane, tormas ta välja; Joosep läks näost punaseks, olles näiliselt suures kitsikuses, ja hakkas kogeleva* (E. Vilde).

Использование деепричастия *olles* в функции связки в указанных оборотах является факультативным. Ср. пример без *olles* из нашей картотеки: *Kõver aednikunuga ta taskus kipub pihku, valmis kohe lõikama* (P. Krusten). Также приведем пример трансформации в оборот без *olles*: *Samas tähendab asjaolu, et töö, olles üks olulisemaid institutsioone, on muutumas üha dünaamilisemaks, et töötajad peavad olema valmis töösfääri uuteks väljakutseteks* («Haridus»). —> *Samas tähendab asjaolu, et töö, üks olulisemaid institutsioone, on muutumas üha dünaamilisemaks.*

3.1.4. Соответствия приложению: обороты с *kui* и форма эссива

Существительные в роли приложений, описывающие роль, профессию, родство и т. п., обычно употребляются в постпозиции по отношению к определяемому слову (*järellisandid*). Они могут быть выражены одиночным именем, именным словосочетанием с союзом *kui* (называемым тогда *kui-lisand* [Kerge 2000: 29]) или со связкой *olles*, также в виде эссива на *-na* или в форме партитива. Напр.: *Kust ma, lesknaine, seda täismehe jõudu...* (A. Mälk); *Kui õige rahva laps ei raatsi ma ise raamatuid osta; ma olen töötanud alles siis oma esimese raamatu osta, kui viin ja tubakas muidu saada on* (E. Bornhöhe); *Osa omadusnimedest kuulub püsikeelenditena eesti keele sõnavarasse* (H. Metslang); *Kati ja Tuuli, meie andekamaid õpilasi, läksid preemiareisile.*

Имена в эссиве, указывающие на выполнение некоторой роли и используемые как определения (*laiendid*), а в наших примерах — и как выразители обстоятельственного значения причины, могут находиться в любой позиции: *Jalgpalli fännina tean, et kõik oleneb meeskonnast, kuid tähtsates situatsioonides ka kaptenist* («Inseneeria»); *Tema isa suure muusikaarmastajana oli oma poja ristitud Sebastianiks...* (K. Ristikivi).

Форма эссива указывает на то, кем человек работает, каковы его черты характера, а также, к какой группе людей он относится: *Praktilise inimesena taipas Chanel musta värvi universaalsust ja ühendas selle lihtsama kleidisiluetiga* («Naiste

maailm»); *Sakslasena, kelle riik on minu kurvastuseks eksinud stabiilsuskriteeriumide vastu korduvalt, ei ole mul õigust soovitusi anda* («Inseneeria»); *Tallinna külastavad ju nii paljud maailmakuulsad juudi kunstnikud, kes maailmakodanikena muidugi ei olnud enam huvitatud sinu usust* (G. Helbemäe).

В. Таули отмечает, что часть сочетаний с эссивом и с *kui* несут одно значение и являются взаимозаменяемыми [Tauli 1980: 317]. Для этого основная часть высказывания должна содержать финитный глагол и конструкция должна выражать, среди прочего, функцию деятеля. Ср.: *Teadmiste ja kultuuri edastajana püüab kool oma ülesandeid küll täita, kuid jääb sageli neile alla just seepärast, et faktiteadmisesest on saanud iidol, mis varjutab aruka isetegemise teadmiste rakendamisel* («Haridus»). —> *Kui teadmiste ja kultuuri edastaja püüab kool oma ülesandeid küll täita...*

Приложения с *kui* или в форме эссива, которые преобладали в наших примерах, не обособляются [ЕКК 2007: 546]. Также не являются обособленными обороты с именем прилагательным в форме эссива: *Teisel hommikul ärkas Martin Justus mingi heli peale, mis talle meenutas merd ning purjede plaginat, ja veel unesegasena kujutles end olevat mingil purjekal, kuni plagina edasikestmine tõi ta täielikult teadvusele* (G. Helbemäe).

В то же время, как правило, обособляются приложения, выраженные именем существительным в номинативе: *Mis mina, rumal vanainimene, siin ikka mõistan arvata* (V. Luik).

3.1.5. Конструкции с падежными формами супина: форма на *-mata*

Различные падежные формы супина в предложении способны обозначать временные отношения. Так, инессив супина (т. н. форма на *-mas*) обозначает событие, происходящее одновременно с событием главной части предложения (относительное настоящее), тогда как другие падежные формы (*-ma*, *-maks*, и *-mast*) обозначают разновременность двух событий. При этом формы иллатива (*-ma*) и транслатива (*-maks*) выражают последующее событие (относительное будущее), а форма элатива (*-mast*) может указывать также на предшествующее событие [ЕКГ 1993: 252]. За очень редким исключением, указанные формы не участвуют в выражении причинных отношений.

Нефинитная форма на *-mata* формально является абессивом от супина на *-ma* [Пялль и др. 1962: 186]. Она «имеет значение несостоявшегося действия, указывает на то, что действию, выраженному глаголом в спрягаемой форме, не сопутствует другое, возможное, действие» [Кюльмоя и др. 2003: 94]. Обороты с *-mata* обычно относятся к событию, предшествующему основному, что является хорошей предпосылкой для возможности выражения ими причины. *Ometi aga oli ta ikka ühte viisi rahulik ning kõva nagu kivi, laskmata kõrvalistel inimestel hetkeski märgata, kui raske tal vahetevahel tõepoolest oli* (O. Kruus) —> *Ometi aga oli ta ikka ühte viisi rahulik ning kõva nagu kivi, sest ta ei lasknud kõrvalistel inimestel hetkeski märgata, kui raske tal vahetevahel tõepoolest oli*.

Обособление конструкций с *-mata* является свободным [ЕКК 2007: 581]. Выделение запятыми не обязательно, если данная форма находится в конце оборота [Mölder, 1967: 148]. Например: *Me pöördusime tagasi tööd leidmata*.

Следует отметить, что в эстонском языке, как и в русском, различные обороты с причинным значением являются в большой степени взаимозаменяемыми. В один ряд с причастным, герундивным (в т. ч. с *olles*) оборотом и приложением здесь также можно поставить в случае отрицания и форму на *-mata*: *Kõike kahtlustavana / Kõike kahtlustades / Midagi kahtlustamata uuris ta ümbrust; Olles mängust tüdinud / Mängust tüdinuna jooksis ta tupp; Paberile kirjutatud / Olles paberile kirjutatud / Paberile kirjutatuna polnud need sõnad enam nii mõjuvad*.

Далее мы рассмотрим соответствия эстонских периферийных конструкций с причинным значением русской периферии поля причины.

3.2. Контрастивный анализ причинных полупредикативных конструкций в русском и эстонском языках

Данная часть исследования проведена на основе сопоставления причинных конструкций, взятых из источников на русском языке, с их соответствиями в тексте эстонских переводов. Целью контрастивного анализа являлось выявление соответствий и несовпадений периферийных способов выражения причины.

3.2.1. Сопоставление периферийных способов выражения причинных отношений

В качестве основы для сбора материала был взят художественный текст романа Б. Акунина «Турецкий гамбит» на русском языке и его перевод «Türgi gambiit», изданный на эстонском языке в 2003 году в переводе Вероники Эйнберг. Также для анализа был выбран текст научного стиля: монография Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв» и ее эстонский перевод «Kultuur ja plahvatus», изданный в 2001 году в переводе Пирет Лотман.

Из обоих русскоязычных изданий были выписаны примеры конструкций со значением причины, а затем были найдены соответствия им в тексте эстонских переводов. В «Турецком гамбите» встретилось 97 примеров обособленных конструкций с причинным значением, в тексте «Культуры и взрыва» — 83. Дальнейшие выводы будут основываться на обоих текстах.

При переводе некоторая часть исходных полупредикативных конструкций была заменена на СПП, однородные сказуемые, а также сочетания с предлогами в составе ПП. Тем не менее, большинство примеров сохранили конструкции с второстепенной предикацией или были переведены с помощью их эквивалентов в эстонском языке, как показано в нижеследующей таблице.

Таблица 3. Соответствия русским полупредикативным конструкциям (обособленным приложениям, определениям и обстоятельствам, в т. ч. ДО и ПО) в переводе на эстонский язык

Тип конструкции	Кол-во примеров	Процент примеров	Общее кол-во примеров другого типа	Общий процент примеров другого типа
Полупредикативные конструкции и их эквиваленты: герундивные (в т. ч. с <i>olles</i>), причастные обороты, приложения (в т. ч. в эссиве), обороты с падежной формой супина (на <i>-mata</i> и <i>-maks</i>)	137	76%	43	24%
СПП различных типов	25	14%		
Однородные сказуемые в составе ПП	10	5%		
Другие способы выражения в составе ПП (предложно-падежные конструкции, наречия)	5	3%		
ССП	3	2%		
Всего:	180	100%		

Из таблицы следует, что все первоначальные конструкции были переведены в пределах одного предложения (замена на БСП отсутствует), хотя в четверти примеров тип конструкции и связи изменился.

Рассмотрим далее каждый из типов конструкций, исходя из русского оригинала, и их возможные соответствия в переводе.

ДО с деепричастием НСВ должны передаваться в эстонском с помощью герундивного оборота на *-des*. Именно этот способ фигурирует в 61% соответствий, тогда как другими частотными способами передачи ДО со

значением причины оказались однородные сказуемые, СПП (цели, условия и др.) и форма на *-mata*. Все типы соответствий представлены в таблице.

Таблица 4. Соответствия ДО с деепричастием НСВ

Конструкция	Герундий	Сказуемое	СПП	<i>-mata</i>	ССП	<i>-v</i>	<i>-maks</i>	<i>-nud</i>	ПП	Всего
Кол-во примеров	35	7	5	4	2	1	1	1	1	57
Процент примеров	61%	12%	9%	7%	3%	2%	2%	2%	2%	100%

Приведем примеры перевода деепричастия герундием: *Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых певиц.* — *Teades mu kiindumust muusikasse, kutsus ta kohale kõik sel ajal Moskvast viibinud Itaalia muusikud ja mõned andekad lauljannad; Varja* назвалась и коротко рассказала о своих приключениях, **чувствуя безошибочным инстинктом**, что Соболев ее не выдаст и в Букарешт под конвоем не отправит. — *Varja tutvustas end ja rääkis lühidalt oma seiklustest, aimates eksimatu vaistuga, et Sobolev teda ei reeda ega kupata konvoi saatel Bukaresti.*

Формой на *-mata*, соответствующей деепричастиям с отрицанием, были переведены следующие конструкции: *Но турки так испугались падения Адрианополя, что, не желая терять ни минуты, просто прицепили штабной вагон к обычному поезду.* — *Kuid türklased ehmusid Adrianoopoli langemisest nii ära, et tahtmata minutitki kaotsi lasta, lihtsalt haakisid staabivaguni tavalise rongi külge; Полагаю, что Анвар-эфенди приглядывался к подполковнику, не исключая возможности в будущем прибегнуть к шантажу.* — *Oletan, et Anvar-efendi pidas alampolkovnikut silmas, välistamata tulevikus šantažeerimise võimalust.*

В одном случае с помощью формы на *-mata* была переведена глагольная форма без отрицания, с изменением самого глагола на антоним (боясь → не осмеливаясь): *Варя ударила осла каблуками в раздутые бока и затрусил следом, боясь верить, что опасность миновала.* — *Varja togis kontsadega eesli prinke külgi ning sörkis järele, julgemata uskuda, et oht on möödas.*

Другой нефинитной формой был инфинитив на *-maks*. Обычно он вносит значение цели, и в приведенном примере причинное значение в русском языке заменяется целевым оттенком в эстонском: — *Как вы к себе несправедливы! Ужасно несправедливы!* — горячо заговорила Варя, **боясь**, что выступят слезы. — «*Küll te olete enda suhtes ülekohtune! Kohutavalt ülekohtune!*» ruttas Varja tuliselt kinnitama, **vältimaks pisarate voolamahakkamist**.

В следующем примере оттенок цели был акцентирован в переводе с помощью СПП цели: — *Рад*, — коротко произнес Фандорин и посторонился, **давая пройти**. — «*Tore*», *kostis Fandorin lühidalt ja tegi ruumi, et neiu mööda lasta*.

Соответствие деепричастия действительному причастию на *-v* нельзя назвать частотным, но оно не противоречит функциям *v*-причастия, поскольку обе формы обозначают одновременность действия по отношению к глаголу-сказуемому: *Она погружена в пучки синхронных с ней процессов, и эти боковые влияния, постоянно вмешиваясь, могут нарушать четкую картину чередований взрывов и постепенностей*. — *Plahvatuste ja järkjärgulise arengu faaside järjepidev ahel ei eksisteeri reaalsuses kunagi isoleeritult, vaid on hõlmatud temaga süinkroonsete protsesside kimpudesse ning need alatasa sekkuvad välismõjud võivad häirida selget pilti plahvatuste ja järkjärguliste arengute vaheldumisest*. В русском языке варианты боковые влияния, постоянно вмешиваясь и постоянно вмешивающиеся боковые влияния тоже близки и могут заменять друг друга.

Указанное в таблице соответствие одного из ДО причастию на *-nud* является необычным, поскольку НСВ передает отношения одновременности, а причастие прошедшего времени на *-nud* — отношения предшествования. Анализ примера показывает, что в данном случае в переводе допущена неточность: *Дальнейшее поведение Фотия было вызывающе экстравагантным. Возможно, что он действительно переживал мистические видения, доводя себя аскетическим поведением, веригами и постом до высочайшего нервного напряжения*. — *Photiuse edasine käitumine oli väljakutsuvalt ekstravagantne. On võimalik, et viinud oma närvid askeetluse, lihasuretamise ja paastuga äärmuslikku pingeseisundisse, koges ta tõepoolest müstilisi nägemusi*. Причастие *viinud* соответствует скорее деепричастию *доведя* (СВ), чем *доводя* (НСВ), т. е. повторяющееся действие, указанное в оригинале, получилось законченным, перфектным в переводе.

Возможность замены деепричастия полным глаголом в переводе доказывает, что полупредикативные конструкции близки к предикату и могут быть при необходимости «развернуты». Глаголы в переводе фигурируют в качестве сказуемых в простом, сложноподчиненном и сложносочиненном типах предложения: *А Александр шел, как ему казалось, к реализации своей утопии — военно-поселенной России, **веря**, что тогда он сбросит все эти позорные узы и снова предстанет в облике спасителя России и Европы, примирившего свободу с волей Господа.* — *Aleksandrile näis, et ta ligineb oma utoopia — sõjaväeasunduste Venemaa — teostumisele, **ja uskus**, et siis heidab ta endalt häbiväärsed köidikud ning ilmub taas välja Venemaa ja Euroopa päästjana, kes lepib vabaduse Jumala tahtega;* *Это, разбившись поротно, лежала на траве пехота, **дожидаясь приказа об атаке.*** — *See oli roodukaupa jagunenud jalavägi, kes murul lebades ootas **rünnakukäsku*** (мена местами герундивного оборота и основного глагола); *Революция сменилась застоєм, и идея индивидуальности исчезает, **заменяясь идеалом «одинаковости».*** — *Revolutsioon asendub seisakuga ning individuaalsuse-idee kaob, selle vahetab välja «ühetaolisuse»-ideaal.*

Последний из примеров, на который мы бы хотели обратить внимание в этой группе, иллюстрирует замену ДО обстоятельством причины, выраженным формой существительного с предлогом: *Или, возможно, башибузуки, **следуя своей милой привычке**, изрубили его на куски.* — *Või raiusid bašibusukid **oma armsa kombe kohaselt** ta tükkideks.* Подобная замена не искажает смысла предложения, поскольку она возможна и в русском: *следуя своей милой привычке* —> *согласно/по своей милой привычке*. Обстоятельственная роль в рамках ПП остается, утрачивается только предикативность конструкции.

Рассмотрим, сходна ли ситуация при переводах конструкций с ДО совершенного вида.

Таблица 5. Соответствия ДО с деепричастием СВ

Конструкция	Герундий	-nud	-mata	Сказуемое	СПП	ПП: наречие	ПП: номинализация	Всего
Кол-во примеров	20	5	5	2	2	1	1	36
Процент примеров	56%	14%	14%	5%	5%	3%	3%	100%

Самыми частотными эстонскими соответствиями и в данном случае оказались герундивные обороты, несмотря на то, что отношения предшествования должны бы передаваться в эстонском причастиями прошедшего времени. В некоторых случаях ситуация и ЛСГ используемой глагольной формы, действительно, означает, что и в оригинале возможна замена СВ на НСВ без изменения смысла предложения. Это особенно справедливо по отношению к глаголам мыслительной деятельности и чувств, преобладающим в данной группе конструкций: *Варя поежилась, представив себя на месте несчастных защитников Плевны.* — *Varja võdistas õlgi, kujutades ennast Plevna õnnetute kaitsjate asemele* (возможно *представив* и *представляя*); *Самодержец испытующе посмотрел на него, уловив недосказанность, но Фандорин больше ничего не присовокупил.* — *Isevalitseja piidles teda uurival, haistes väljäuitlemata jätmist, kuid Fandorin ei lisanud enam sõnagi* (ср. *уловив* и *улавливая* в значении *почувствовал*).

В некоторых случаях происходит даже замена глагола, позволяющая более свободное использование сочетания глагольных форм: *Вопрос этот с достаточной подробностью и точностью культуролога затронул Пушкин в третьей главе «Евгения Онегина», столкнувшись с тем, на каком языке ему следует передать письмо Татьяны.* — *Puškin on seda küsimust küllaltki üksikasjaliselt ning kulturooloogilise täpsusega käsitletud «Jevgeni Onegeni» kolmandas peatükis, arutledes selle üle, mis keeles peaks ta edasi andma Tatjana kirja.* Здесь в переводе фигурирует ментальный глагол, несколько меняющий временной и смысловой план предложения, ср.: *затронул вопрос, когда/после того как столкнулся* и *затронул вопрос, когда (в то же время) рассуждал.*

Более точно значение деепричастий СВ передают причастия на *-nud*: *Проследив за направлением ее взгляда, полковник недовольно пробормотал:* — *Однако «Руайяль» положительно превращается в проходной двор.* — *Jälginud neiu pilku, romises polkovnik pahaselt: «Ei-noh, Royal muutub juba mingiks läbisõiduhuoviks»;* *Герой Девгений, узнав о существовании недоступной красавицы, многочисленные претенденты на брак с которой были убиты ее кровожадными отцом и братьями, тотчас же влюбляется в девушку.* — *Kuulnud kättesaamatust kaunitarist, kelle verejanulised vennad ja isa on tapnud juba hulga ta kosilasi, armub kangelane Devgeni silmapilkselt neidu.*

Сочетание деепричастий СВ и НСВ в одном из примеров было передано соответствующими формами причастия и герундия в эстонском языке: *То ли запутавшись в вопросах собственного пола, то ли желая воплотить в себе обе крайности, он, превосходно владея шпагой, в Лондоне, лишившись всех возможных авантюристических источников дохода, сделался учителем фехтования, проводя, однако, эти воинственные уроки в женской одежде.* — *Kas sattunud segadusse omaenda soo küsimuses või siis soovides kehastada mõlemaid äärmusi, hakkas ta — kuna oskas suurepäraselt mõõka käsitseda ning oli ilma jäänud kõikvõimalikest avantüristlikest sissetulekuallikatest — vehklemisõpetajaks, kuid andis neid sõjakaid õppetunde naiseriietuses.*

Третьим по частотности способом передачи ДО с СВ были формы на *-mata*: *Не сумев извлечь застрявший в лопаточной кости клинок, убийца понял, что ему не удастся снять с себя подозрение, и застрелился.* — *Suutmata abaluusse kinnijäänud tera välja sikutada, sai mõrtsukas aru, et tal ei õnnestu kahtlust endalt eemale juhtida, ning lasi endale kuuli pähe.*

В одном из примеров деепричастие с отрицанием переведено словом, в котором формально можно выделить *-mata*, хотя на самом деле слово является наречием (данный случай указан в таблице как трансформация в наречие): *Однажды Варя, не заметив, села на тарелку с холодным пловом, которая почему-то оказалась на стуле, страшно рассердилась и потом никак не могла застирать жирное пятно на своем единственном приличном платье.* — *Kord istus Varja kogemata jahtunud pilaffi täis taldrikusse, mis miskipärast toolil vedeles, sai väga pahaseks ja nägi pärast kurja vaeva, et oma ainsalt viisakalt kleidilt rasvast plekki välja saada.*

Из оставшихся видов трансформации конструкций при переводе отметим пример с номинализацией: *Там, где участники дуэли намерены не обменяться парой выстрелов, для того чтобы после этого помириться, выполнив ритуал чести, а твердо решили довести дуэль до гибели противника, естественная тактика опытного бретера заключалась в том, чтобы не торопиться с первым выстрелом, особенно на ходу.* — *Juhul kui duellist osavõtjad ei kavatsenud piirduda paari lasuga ja pärast aukohustuse täitmist ära leppida, vaid olid otsustanud kindlalt jätkata kuni vastase hukkumiseni, seisnes kogunud bretööri taktika selles, et mitte kiirustada esimese lasuga, eriti kui see oleks tulnud sooritada käigult.* Случай

номинализации в эстонском языке могут рассматриваться как один из видов оборотов (*tarindid*), что было отмечено нами в первой главе, поэтому отглагольное существительное можно в какой-то степени рассматривать как более удаленный от предиката вид «свертывания» конструкции, по сравнению с ДО или ПО. Причинный оттенок в указанном примере определяется через логическую связь между частями: причиной для примирения могло бы быть выполнение ритуала чести (в виде обмена парой выстрелов).

Обратимся к переводам различных типов причастий. В картотеке встречаются ПО со всеми типами причастий, общее количество которых составляет 46 примеров. Наиболее частотными были причастия прошедшего времени.

Таблица 6. Соответствия ПО с действительным причастием прош. вр.

Конструкция	<i>-nud</i>	СПП	<i>-v</i>	Герундий	<i>-mata</i>	<i>-maks</i>	Всего
Кол-во примеров	7	6	2	2	1	1	19
Процент примеров	37%	33%	10%	10%	5%	5%	100%

Действительные причастия прошедшего времени переводились действительными же причастиями прошедшего времени на *-nud*, иногда — причастиями настоящего времени на *-v*: *Оба министра, оказавшиеся в меньшинстве, подали ее величеству прошения об отставке.* — *Jäänud vähemusse, esitasid mõlemad ministrid Tema Majesteedile tagasiastumispalve*; *Пять дней спустя, 3 декабря, государь, отбывавший с театра военных действий, устроил в Парадиме прощальный смотр для гвардии.* — *Viis päeva hiljem, 3. detsembril korraldas sõjatandrikt lahkuv keiser Paradimas kaardiväele lahkumisülevaatuse.*

Причастие с причинным значением может как в русском, так и в эстонском языке принимать форму того или иного падежа: *Мы сейчас остановимся лишь на одной, быть может, менее привлекавшей до нас внимание.* — *Peatume neist siinjuures vaid ühel, arvatavasti seni kõige vähem tähelepanu pälvinul.*

Герундием переводились ПО с причастием НСВ: — *Наш посол, — рассеянно ответил титулярный советник, думавший о чем-то своем и, кажется, не очень-то слушавший генерала.* — «*Meie saadik*», *vastas titulaarnõunik hajameelselt, millestki muust mõeldes ja kindrali juttu suurt tähele panemata.* Второе причастие с отрицанием было переведено предназначенной для этого формой супина на *-mata*. Причастный оборот в приведенном примере объясняет причину того, почему титулярный советник отвечал рассеянно.

Таблица 7. Соответствия ПО со страдательным причастием прош. вр.

Конструкция	<i>-tuna</i>	<i>-tud</i>	<i>-v</i>	<i>olles</i>	<i>-mata</i>	<i>-nud</i>	ПП: допол- нение	СПП	Всего
Кол-во примеров	8	3	2	1	1	1	1	1	18
Процент примеров	44,5%	17%	11%	5,5%	5,5%	5,5%	5,5%	5,5%	100%

Более широким было поле соответствий при переводе страдательных причастий прошедшего времени. Чаще всего они переводились наиболее точно соответствующими им пассивными причастиями на *-tud* и их формой эссива на *-tuna*: *Но она не слушала, пораженная сообщением.* — *Kuid teatest rabatud neiu ei kuulanud*; *Это и понятно — ведь предупрежденный своим агентом о плане нашего наступления, Осман стянул все силы в центр.* — *Igati arusaadav — hoiatatuna oma agentide kaudu meie pealetungist, koondas Osman kõik jõud keskusse.*

Другим способом выражения при переводе были приложения с *olles*: *Варя обернулась и скорчила гримасу, уверенная, что за непривычной любезностью подполковника немедленно последует какой-нибудь змеиный укусы.* — *Varja vaatas tagasi ja manas näole grimassi, olles kindel, et alampolkovniku harjumatu armastusväärusele järgneb kohe mingi maohammustus.*

В единственном примере соответствия действительного причастия на *-nud* страдательному причастию была использована более употребительная в эстонском языке форма *sündinud*, меняющая *рожденная* в оригинале на *родившаяся*: *Рожденная в семье известного своим легкомыслием и литературным любительством князя Белосельского-Белозерского, получившая*

смолоду самое утонченное образование, говорившая и писавшая на 5 языках, богатая и беспечная княгиня Волконская соединяла стиль европейских салонов с легким оттенком богемности и нескрываемой политической независимостью. — *Sündinud oma kergemeelsuse ja kirjanduslembuse poolest tuntud krahv Beloselski-Belozerski perekonnas, saanud juba varases nooruses kõige rafineerituma hariduse, lisis viies keeles kõnelev ja kirjutav, rikas ja muretu krahvinna Volkonskaja Euroopa salongistiilile annuse boheemlust ja varjamatu poliitilise sõltumatuse.*

Причастия настоящего времени были в наших примерах малочисленны: всего 8 примеров с действительными причастиями и 1 — со страдательным. Их переводы распределились следующим образом.

Таблица 8. Соответствия ПО с действительным причастием настоящего времени

Конструкция	СПП	-v	Всего
Кол-во примеров	6	2	8
Процент примеров	75%	25%	100%

Таблица 9. Соответствия ПО со страдательным причастием настоящего времени

Конструкция	СПП
Кол-во примеров	1
Процент примеров	100%

Единственной причастной формой, которая была использована в этой группе при переводе, была форма на -v, представляющая собой прямое соответствие действительному причастию настоящего времени: *Как и в Париже, салон — своеобразная солнечная система, вращающаяся вокруг избранной дамы.* — *Nagu Pariisiski, oli salong omalaadne valitud daami ümber tiirlev püikesesüsteem.* Т. е. салон похож на солнечную систему, потому что он вращается вокруг избранной дамы.

Среди СПП преобладали придаточные определительные, которые подчеркивают основную функцию причастного оборота как определения. Безусловно, такие ПО находятся на большем удалении от центра поля причины: *Сходный эффект может вызывать излишне замедленная подвижность, не дающая выхода динамическим импульсам.* — *Säärase efekti võib esile kutsuda liigselt vähenenud liikuvus, mis ei võimalda väljundit dünaamilistele impulssidele;*

Это «вечное движение» не может быть исчерпано — оно не поддается законам энтропии, поскольку постоянно воссоздает свое разнообразие, **питаемое незамкнутостью системы**. — See «igavene liikumine» ei saa otsa lõppeda — ta ei allu entroopiaseadustele, kuna taastab kogu aeg oma mitmekesisuse, **mis saab toitu süsteemi avatusest**. В последнем примере наблюдается цепочка причин: «вечное движение» не поддается законам энтропии, потому что постоянно воссоздает свое разнообразие, **потому что питается незамкнутостью системы**.

Еще одной группой полупредикативных конструкций являются приложения. Приложениям без связки в большинстве случаев (70%) соответствовали также бессвязочные приложения. Обороты с союзом *как* переводились, в основном, эссивом (55%) или конструкцией с союзом *kui* (32%). Приложения со связкой *будучи* нашли соответствие в приложениях в форме эссива (2 из 3-х примеров) или оборота с *olles* (1 пример). Приведем сводную таблицу соответствий всем типам оборотов с приложением, которые в русском языке распределились следующим образом: 22 оборота с *как*, 10 приложений без связки и 3 конструкции с *будучи*.

Таблица 10. Соответствия оборотам с приложением

Конструкция	<i>-na</i>	<i>kui</i>	Без связки	<i>olles</i>	СПП	Сказуемое	Всего
Кол-во примеров	16	7	7	2	2	1	35
Процент примеров	46%	20%	20%	6%	6%	2%	100%

Приведем примеры перевода первых четырех по частотности вариантов при переводе: **...Опытный бретер, он угадал тактику Пушкина и стрелял первым для того, чтобы предупредить выстрел противника, надеясь убить его пулей с ходу.** — **...Kogenud kahevõitlejana aimas ta Puškini kavatsust ja tulistas esimesena selleks, et hoida ära vastase lasku ja tappa ta käigult; Игорь здесь осуждается как мятежный вассал, который своим героическим эгоизмом нарушил волю своего сюзерена, князя киевского.** — **Kroonikas arvustatakse Igorit kui mässulist vasalli, kes oma kangelasliku egoismiga eiras oma süserääni, Kiievi vürsti tahet; Но Варя, девушка находчивая, это предвидела и приняла меры.** — **Varja aga, nutikas**

tüdruk, oskas seda ette näha ja võttis abinõud tarvitusele. Будучи не столько полководцем, сколько инженером, Тотлебен отказался от тактики лобовых атак и подверг армию Османа-паши правильной блокаде. Olles mitte niivõrd väejuht kuivõrd insener, loobus Totleben otserünnakute taktikast ja seadis Osman-paša armee ümber läbimõeldud blokaadi.

Кроме приложений и причастных оборотов, в оригинале фигурировали также единичные **обособленные определения и обстоятельства** других типов. Из шести таких конструкций три были переведены точными соответствиями (согласованным определением и др.), 2 — в виде СПП, и еще один — герундием: *Маклафлин торжествовал, довольный своей осмотрительностью, а Варя злилась на Зурова: хвастун, враль, наплел невесть что, только всех запутал. — MacLaughlin võidurõõmutuses, rahul enda ettenägelikkusega, varja oli aga Zurovi peale tige: kehkenpüks, luiskam, jahus kokku teab mis, ajas ainult kõik segadusse; В конфликте с глупым великаном, способным действовать только стереотипно, маленький хитрец прибегает к оружию неожиданности, создавая обстановку, в которой стереотипное поведение оказывается бессмысленным и не эффективным. — Konfliktis rumala hiiglasega, kes on võimeline käituma ainult stereotüüpselt, kasutab väike kavalpea ootamatuse-relva, luues olukorra, kus stereotüüpne käitumine osutub mõttetuks ja ebaefektiivseks; Вся жизнь графини Орловой прошла в обстановке, которая развернула бы обычный ум, но она сохранила всю чистоту души, будучи выше всех соблазнов. — Kogu krahvinna Orlova elu kulges miljöös, mis tavalise inimese oleks hukutanud, kuid tema säilitas hingepuhutuse, jäädes kõrgemale kõigist kiusatustest.*

В следующем параграфе будут подытожены наблюдения о соответствиях периферийных способов выражения причины в обоих языках.

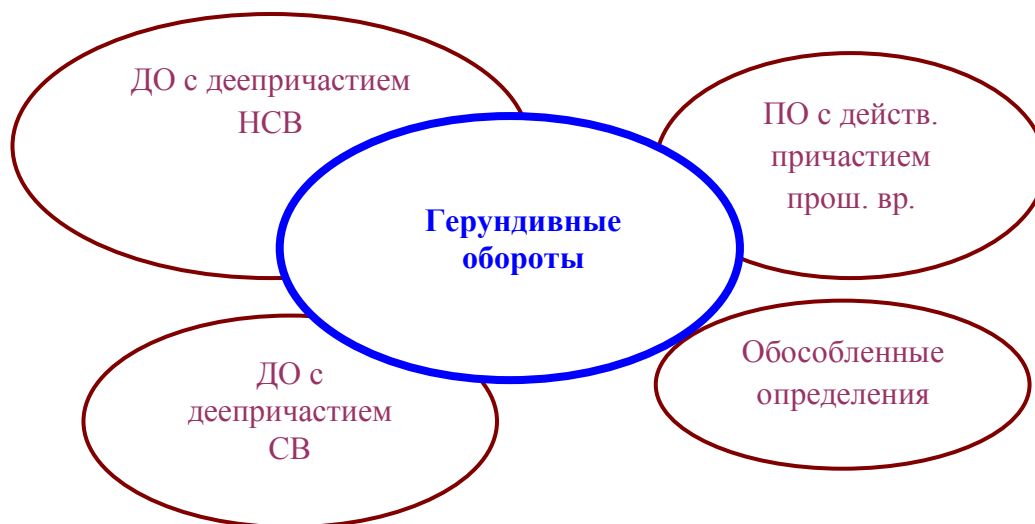
3.2.2. Выводы о периферийных микрополях причины в русском и эстонском языках

Как было продемонстрировано на примере переведенных конструкций со значением причины, несмотря на, как правило, наличие в двух сопоставляемых языках прямых соответствий между теми или иными конструкциями, они не всегда использовались при переводе. Например, деепричастие *olles*, являясь

формально идентичным по своему происхождению и значению связке *будучи*, не отличается частотностью, свойственной *будучи*, и даже не относится (по крайней мере, если основываться на данных нашей картотеки) к предпочитаемым средствам при переводе приложений с *будучи* — они чаще переводились эссивом.

В большом числе примеров для перевода использовалась конструкция из другого, смежного, микрополя периферийных способов выражения причины. Так, действительные причастия прошедшего времени могли переводиться не только причастиями прошедшего времени (на *-nud*), но и причастиями настоящего времени (на *-v*) или герундием. Близость подобных конструкций с учетом принадлежности глагольной формы к определенным ЛСГ, просматривается и в русском языке, где они могут заменяться в благоприятном контексте (ср.: *Родившийся / рожденный / родившись в крестьянской семье, он рано стал помогать родителям в поле.*) Приведем в качестве иллюстрации схему пересечения герундивных оборотов с другими типами оборотов в нашей картотеке контрастивных примеров.

Схема 2. Пересечение герундивных оборотов с микрополями различных полупредикативных конструкций русского языка при переводе

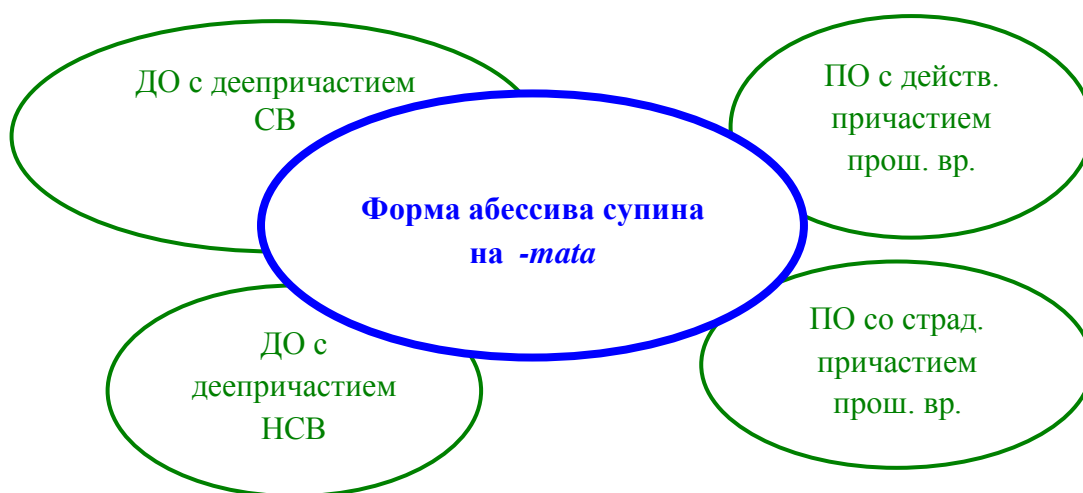

На схеме видно, что герундивные обороты с причинным значением часто пересекаются при переводе не только с ДО с НСВ, но и с деепричастиями СВ, а также иногда — с действительными причастиями прошедшего времени. В

единичных случаях с их помощью могут переводиться и обособленные определения, выраженные прилагательными.

Особая форма абессива супина на *-mata* также легко находит себе применение при переводе целого ряда оборотов: от деепричастный до причастных, как показано в нижеследующей схеме.

Схема 3. Пересечение абессива на *-mata* с микрополями различных полупредикативных конструкций русского языка при переводе

Дополнительными способами выражения причины в эстонском языке, не имеющими прямых соответствий в русском, являются склоняемые глагольные формы, такие как эссив страдательного причастия (форма на *-tuna*) или транслатив супина на *-ma*.

Большой группой примеров представлены также случаи развертывания полупредикативной конструкции в полный предикат в составе простого, сложноподчиненного или сложносочиненного предложения. Уход от полупредикативности в таких примерах часто сопровождается актуализацией основного значения конструкции (например, перевод обособленных определений с помощью придаточных определительных) или других оттеночных значений в пределах поля обусловленности (например, перевод предложений с причинным ДО с помощью СПП цели или условия). При подобных трансформациях причинное значение ослабевает или полностью утрачивается.

Однако, несмотря на типологическое различие русского и эстонского языков, в целом можно отметить сходство многих конструкций (ср. частотное совпадение ДО с НСВ и герундивных оборотов, соответствие действительных причастий прошедшего времени причастиям на *-nud*, совпадение бессвязочных оборотов-приложений при переводе и др.). Дальнейшие исследования в этой области могли бы уточнить все типы совпадений и несоответствий периферийных причинных конструкций в двух языках в целом, а также в текстах конкретных стилей при переводах с одного языка на другой в частности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

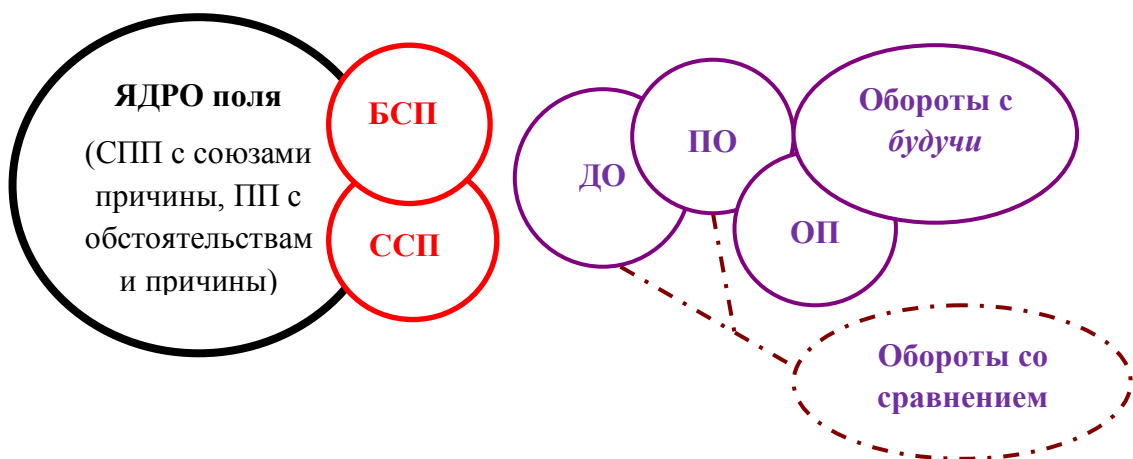
На основании проведенного анализа причинных конструкций в русском и эстонском языках можно сделать некоторые выводы о структуре микрополей периферийных способов выражения причинных отношений в данных языках.

Общей характеристикой причинных конструкций является логическая причинная связь между двумя событиями или состояниями, подкрепленная семантикой оборотов и некоторыми формальными характеристиками конструкций.

Среди формальных особенностей полупредикативных конструкций в русском языке можно отметить обособление оборотов, наличие отношений предшествования, а иногда — одновременности второстепенной ситуации по отношению к основной, частотный план прошедшего времени, препозицию или постпозицию некоторых оборотов.

Приведем схему расположения проанализированных оборотов в русском языке на периферии поля.

Схема 4. Расположение полупредикативных конструкций на периферии ФСП причины в русском языке

Итак, ближе всего к ядру поля располагаются ДО как максимально сохраняющие связь с глаголом. Они же являются наиболее частотными из рассматриваемых конструкций.

ДО находятся на большем удалении от центра поля, чем БСП и СПП, только потому, что они не могут описывать любые типы ситуаций, поскольку в предложениях с ДО должен совпадать субъект основной части и оборота.

Причастные обороты также отличаются высокой степенью полупредикативности и пересекаются с ДО, так как часть ПО может заменяться деепричастиями без существенного изменения смысла конструкции.

Чуть далее от ядра поля располагаются обособленные приложения. Обороты с *будучи* могут рассматриваться как вариант приложений или, во всяком случае, очень близки к ним. Кроме имени существительного, *будучи* в оборотах с причинным значением может сочетаться с причастием или прилагательным, что объясняет соприкосновение этих оборотов с ПО на схеме.

Некоторые виды оборотов со сравнительными союзами *как бы, словно, как будто* мы склонны рассматривать как модификацию ДО или ПО при условии, что они выражают не отношения уподобления, а оттенок неуверенности. В таком случае данные союзы выступают в виде модальной рамки высказывания и сходны с модальными частицами или вводными словами. Подобные обороты следует либо включать в микрополе ДО и ПО, либо, учитывая их формальную принадлежность к сравнительным оборотам, располагать их на значительном удалении от центра ФСП причины.

В качестве дополнительной информации к приведенной схеме укажем самые типичные конструкции каждого из видов.

Так, наиболее типичной причинной конструкцией с ДО является предложение с основным глаголом в форме прошедшего времени, к которому относится оборот с деепричастием от глагола мыслительной деятельности. Напр.: *Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых певиц.* ДО со значением причины чаще встречались нам в препозиции, хотя и в постпозиции они регулярно выражают причинные отношения.

Причастные обороты с причинным значением преобладают в постпозиции к определяемому слову. Можно выделить две типичные конструкции с ПО. Первой является оборот со страдательным причастием прошедшего времени, указывающий на предшествование или одновременность второстепенной ситуации по отношению к ситуации-следствию в главной части предложения.

Зависимое от причастия слово часто указывает на источник причины. Напр.: *Врачи, обеспокоенные высоким давлением девушки, направили ее на ультразвуковое обследование в кейптаунскую больницу Сомерсет*. Здесь высокое давление стало причиной направления на обследование.

Второй типичной конструкцией являются предложения с действительным причастием прошедшего времени, напр.: *Рассказывают, что некоторые коммерсанты, уставшие от российских поп-звезд, иногда «выписывают» себе из-за рубежа тамошних певцов и танцоров*.

Среди конструкций с обособленными приложениями наиболее частотными являются два типа оборотов. Оба они относятся обычно к местоимению или имени собственному и обозначают род занятий, социальную принадлежность или нравственное качество. В первом присутствует связка *как*, и он обычно обособлен, хотя этот критерий не является обязательным. Ср.: *Однако как страстный, фанатичный христианин, Гоголь не мог сознательно стремиться к суициду, и потому в «Энциклопедии литературицида» биографической справки о нем вы не найдете; Она как настоящая цыганка привыкла лгать и манипулировать, но для нее это лишь оружие, а не сущность характера*.

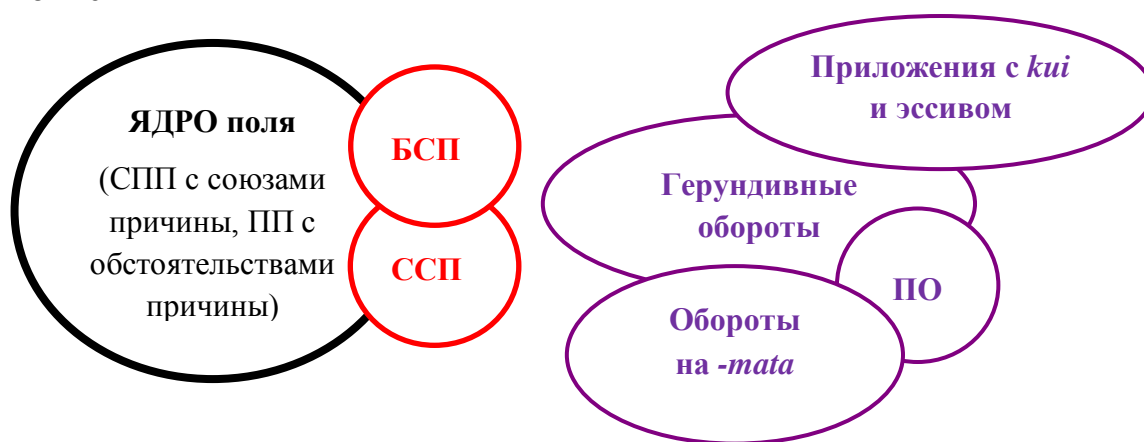
Другой типичной конструкцией является оборот с *будучи*: *Держать язык за зубами фрейлейн умеет, денег за свою услугу, будучи девицей благородной, конечно, не возьмет, но очень любит старинные драгоценности*.

Первоначальный анализ периферийных конструкций с причинным значением в эстонском языке позволяет отразить их на общей схеме ФСП причины. Периферия поля причины в эстонском языке в целом сопоставима с полем причины в русском. Кроме сходных герундивных, причастных конструкций и определений, в эстонском языке причинное значение могут выражать форма супина на *-mata*, а также формы эссива имен существительных и причастий (формы на *-na* и *-tuna*).

Ближе всего к центру поля располагаются герундивные обороты. Они могут выражать более широкий спектр ситуаций, чем в русском языке, поскольку совпадение субъекта в основной части предложения и в обороте не является обязательным. Если субъект оборота отличается от субъекта, выраженного подлежащим, он может обозначаться в обороте с помощью формы генитива.

Герундивные обороты призваны описывать ситуацию, которая происходит одновременно с основной ситуацией в предложении. Также конструкциям с герундивным оборотом свойственен план прошедшего времени, а ЛСГ глаголов, к которым относится герундий, совпадают с группами деепричастий в русском языке. Это формы от глаголов мыслительной деятельности, эмоционального восприятия и др. Напр.: *Lea aeglustab sammu, teades, et kui tema seda ei tee, paneb Mart endise valuga edasi.*

Схема 5. Периферийные конструкции со значением причины в эстонском языке

Пересекаются с микрополем герундивных оборотов, ввиду возможности взаимозамены некоторых видов этих оборотов, конструкции с причастиями. Наиболее частотными и типичными среди них являются причастия прошедшего времени на *-nud* и *-tud*. При этом зависимые слова в них могут указывать на источник причины: *Puhata tahavad inimesed, väsinud oma tööst; Kurja isa ähvardusest hirmutatud, hakkas tüdruk nutma.*

Способом выражения причины, свойственным именно эстонскому языку, является оборот абессивной формы супина на *-mata* с негативным значением. При отсутствии отрицания ему обычно соответствуют герундивный или причастный оборот, а при переводе с русского или на русский язык — ДО или ПО. Напр.: *Kuid türklased ehmusid Adrianoopoli langemisest nii ära, et tahtmata minutitki kaotsi lasta, lihtsalt haakisid staabivaguni tavalise rongi külge.* — Но турки так испугались падения Адрианополя, что, не желая терять ни минуты, просто прицепили штабной вагон к обычному поезду.

В микрополе приложений доминируют формы эссива на *-na*, также частотны бессоюзные обороты-приложения: *Praktilise inimesena taipas Chanel musta värvi universaalsust ja ühendas selle lihtsama kleidisiluetiga; Varja aga, nutikas tüdruk, oskas seda ette näha ja võttis abinõud tarvitusele.*

Обороты с *olles* также присутствуют на периферии поля выражения причинных отношений, вступая в сочетания с именами существительными, причастиями и прилагательными. При этом они не отличаются частотностью и поэтому не выделяются в отдельное микрополе.

Подытожим общие особенности, свойственные периферийным причинным конструкциям в обоих языках.

1. Наличие причинно-следственных отношений, которые можно проверить путем восстановления полной логической конструкции с большей, меньшей посылкой и заключением, или с помощью трансформации в прототипический способ выражения причины — придаточное с союзом причины.

2. Полипредикативность конструкции, которая, как правило, подразумевает наличие двух субъектов и двух предикатов. Особенность периферийных причинных конструкций в русском языке заключается в том, что субъекты двух ситуаций обычно совпадают (например, в ДО). Однако в эстонском языке у герундивного оборота может быть свой отдельный субъект действия.

3. Решающую роль при установлении типа отношений между частями предложения часто играет принадлежность лексем к той или иной лексико-семантической группе. Так, в деепричастных и герундивных оборотах деепричастие и герундий в значительном числе случаев относятся к одной из следующих групп: группе ментальных глаголов (*зная, понимая, полагая; teades, mõeldes*), глаголов эмоционального восприятия (*чувствуя, ощущая, боясь; tundes, kartes*), глаголов зрительного восприятия (*видя, замечая; nähes*) или модальных глаголов, указывающих на желание или намерение (*желая, стараясь, стремясь; tahtes, püüdes*).

Все указанные глагольные группы описывают действия лица, и в данной характеристике проявляется антропоцентричность категории причинности, отмечаемая, например, М. В. Всеволодовой [Всеволодова 2005: 61]. Она говорит о том, что конструкции, выражающие причинные отношения, часто описывают действия, состояния и признаки лица. Именно признак лица по его роду занятий,

социальной принадлежности или нравственному качеству указывается обычно в приложениях и обособленных определениях, выраженных прилагательным.

4. Одной из существенных особенностей периферийных конструкций причины является отнесенность основного предиката к плану прошедшего времени. Это отличает отношения причины и следствия от отношений условия, при которых основное действие как гипотетическое часто относится к будущему. Конструкции со сказуемым в форме настоящего времени свойственны научному стилю речи.

5. Другой особенностью рассматриваемых конструкций в русском языке следует назвать обособление, которое играет важную роль, сигнализируя наличие полупредикативных отношений. Однако в синтаксисе эстонского языка этот фактор не является решающим, поскольку обособление оборотов со значением причины часто является свободным.

6. Дополнительной характеристикой рассмотренных конструкций является возможность замены одних периферийных способов выражения причинных отношений другими без изменения смысла конструкции. Так, в русском языке часто возможна трансформация обособленных приложений в конструкции с *как* или *будучи*, а также замена деепричастий действительными причастиями. В эстонском языке обороты с *olles* могут заменять причастные конструкции прошедшего времени на *-nud* и *-tud*. Замена герундия действительными причастиями также возможна.

Различные периферийные способы выражения причинных отношений могут фигурировать в одном предложении, вступая в ряды однородных причин. Это свойство подтверждает их близость друг другу в структуре поля полупредикативных периферийных конструкций и усиливает связи между различными оборотами в пределах этого поля.

Развертывание полупредикативных конструкций в полные предикаты возможно при трансформациях, а также оно наблюдается при переводах причинных оборотов на эстонский язык. В таких случаях полупредикативный оборот нередко заменяется сказуемым в простом и сложном предложении.

Выбор авторами высказывания именно полупредикативных конструкций в составе ПП в исходных примерах нашей картотеки объясняется компактностью этого способа по сравнению со сложными предложениями. Деепричастные,

герундивные, причастные обороты и приложения помогают концентрировать и свертывать текст.

Для точного определения всех показателей полупредикативных оборотов, позволяющих им выражать причинное значение, необходимо провести другое исследование: обзор каждого вида конструкций (например, приложений, причастных оборотов и т. д.) со всеми возможными значениями и выделение среди них оборотов с причинным значением. При этом можно было бы получить статистические данные о частотности конструкций со значением причины среди общего числа конструкций, а также уточнить характеристики, способствующие появлению основного или дополнительного причинного значения.

Выводы проведенного нами исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки поля причины в русском и эстонском языках, а также быть полезными для преподавателей и переводчиков эстонского и русского языков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова, Козинцева 1987 — Т. Г. Акимова, Н. А. Козинцева. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Л. С. 257–274.
2. Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. *Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы)*. М.
3. Бабалова 1974 — Л. Л. Бабалова. *Семантические разновидности причинных и условных конструкций в современном русском языке*. АКД. М.
4. Бабенко, Купина 1982 — Л. Г. Бабенко, Н. А. Купина. Особенности глагольного словоупотребления в рассказах А. П. Чехова 900-х годов // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск. С. 104–118.
5. Бакулев 2009 — А. В. Бакулев. Лексические средства выражения причины и следствия в современном русском языке // *Филологические науки*. № 1. С. 6–12.
6. Беличова-Кржижкова 1985 — Х. Беличова-Кржижкова. Система причинных отношений между предложениями в русском и чешском языках // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М.
7. Белоусов 1979-1 — В. Н. Белоусов. Деепричастие // *Русский язык: Энциклопедия*. М. С. 68–69.
8. Белоусов 1979-2 — В. Н. Белоусов. Причастие // *Русский язык: Энциклопедия*. М. С. 234–236.
9. Бондарко 1983 — А. В. Бондарко. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Л.
10. Бондарко 1984 — А. В. Бондарко. *Функциональная грамматика*. Л.
11. Бондарко 1987 — А. В. Бондарко. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Л. С. 234–243.

12. Бондарко 1999 — А. В. Бондарко. *Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени*. СПб.
13. Валгина 1978 — Н. С. Валгина. *Синтаксис современного русского языка*. М.
14. Валгина 1979 — Н. С. Валгина. *Русская пунктуация: принципы и назначение*. М.
15. Валгина 2000 — Н. С. Валгина. *Синтаксис современного русского языка*. М. Веб-ресурс: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/index.html> (Дата последнего просмотра: 10.08.2010).
16. Валгина и др. 1986 — Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. *Сборник упражнений по русскому языку для корректоров*. М.
17. Валгина и др. 1987 — Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. *Современный русский язык: Учеб. для филологических специальных вузов*. М.
18. Васильев 1982 — Л. М. Васильев. Принципы семантической идентификации глагольной лексики // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск. С. 11–14.
19. Ваулина 1993 — С. С. Ваулина. *Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект)*. Калининград.
20. Виноградов 1972 — В. В. Виноградов. *Русский язык*. М.
21. Всеволодова 2005 — М. В. Всеволодова. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. №3, 2005. С. 51–78.
22. Всеволодова, Яценко 1988 — М. В. Всеволодова, Т. А. Яценко. *Причинно-следственные отношения в современном русском языке*. М.
23. Гвоздев 1973 — А. Н. Гвоздев. *Современный русский литературный язык*. Ч. II: Синтаксис. М.
24. Грамматика 1960 — *Грамматика русского языка*. Т. II. Синтаксис, ч. I. М.
25. Грамматика 1970 — *Грамматика современного русского литературного языка*. М.
26. Грамматика 1982 — *Русская грамматика*. Т. 2: Синтаксис. М.

27. Евтюхин 1996 — В. Б. Евтюхин. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность*. СПб. С. 138–174.
28. Евтюхин 1997 — В. Б. Евтюхин. *Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий*. СПб.
29. Ильина, Попова 2007 — С. А. Ильина, Т. В. Попова. *Выражение обстоятельственных отношений в письменной книжной речи*. Тамбов.
30. Ицкович 1979 — В. А. Ицкович. Деепричастный оборот // *Русский язык: Энциклопедия*. М. С. 69.
31. Казакова 2002 — Л. Ф. Казакова. Сравнительный оборот. Семантика и пунктуация // *Русская словесность*. М. С. 60–65. Веб-ресурс: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1206015279&archive=1206184559> (Дата последнего просмотра: 10.08.2010).
32. Карышева 2004 — А. В. Карышева. *Периферийные синтаксические средства выражения причинных отношений в современном немецком языке и их дискурсивно-прагматический потенциал*. АКД. Самара.
33. Клобуков 1984 — Е. В. Клобуков. К основаниям семантической типологии каузальных конструкций (аспекты соотношений диктума и модуса) // *Синтаксические структуры. Межвузовский сборник*. Красноярск. С. 38–47.
34. Козинцева 1990 — Н. А. Козинцева. Деепричастие // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М. С. 128.
35. Кондаков 1975 — Н. И. Кондаков. *Логический словарь-справочник*. М., 1975.
36. Кручинина 1990 — И. Н. Кручинина Приложение // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М. С. 398.
37. Кюльмоя и др. 2003 — И. Кюльмоя, Э. Вайгла, М. Солль. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту.

38. Лагута 2000 — О. Н. Лагута. *Логика и лингвистика*. Новосибирск. Веб-ресурс: <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm> (Дата последнего просмотра: 10.08.2010).
39. Лекант 1986 — П. А. Лекант. *Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учебное пособие для филологических специальностей педагогических институтов*. М.
40. Ляпон 1989 — М. В. Ляпон. *Смысловая структура сложного предложения и текст*. М.
41. Навалихин 1988 — Н. А. Навалихин. Системные отношения в категории полупредикативности // *Синтаксические структуры русского языка. Структура, содержание и функции: Сб. науч. тр.* Иркутск. С. 67–78.
42. Ожегов 1961 — С. И. Ожегов. *Словарь русского языка*. М.
43. Онипенко 1984 — Н. К. Онипенко. Образуют ли именные каузативные синтаксемы систему? // *Синтаксические структуры. Межвузовский сборник*. Красноярск. С. 30–38.
44. Платонов, Сангинов 1990 — А. В. Платонов, С. С. Сангинов. *Причинность и обусловленность в познании и практике*. Ташкент.
45. Почтенная 1977 — Т. Г. Почтенная. *Русский язык (синтаксис)*. М.
46. Прокопович 1974 — Н. Н. Прокопович. *Вопросы синтаксиса русского языка*. М.
47. Пялль и др. 1962 — Э. Пялль, Э. Тотсель, Г. Тукумцев. *Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка*. Таллинн.
48. Рагозина 1997 — И. Ф. Рагозина. Категория каузальности и функционирование некоторых союзов в русском и французских языках // *Филологические науки*. №3. С. 75–79.
49. Розенталь 1984 — Д. Э. Розенталь. *Справочник по пунктуации*. М.
50. Розенталь 1989 — Д. Э. Розенталь. *Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати*. М.
51. Розенталь и др. 1991 — Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. *Современный русский язык: Учеб. пособие для студентов-филологов заочного обучения*. М.

52. Ронина 1996 — Е. А. Ронина. Косвенно-предикативные конструкции с неличными формами глагола в латинском и в испанском языках // *Вестник Омского университета*. Вып. 1. Омск. С. 67–70.
53. Русская грамматика 1989 — *Русская грамматика*: В 2 т. Т.2: Синтаксис. М. Веб-ресурс: <http://rusgram.narod.ru/index2.html> (Дата последнего просмотра: 10.08.2010).
54. Рябова 1984 — Рябова А. И. Перифрастические деепричастные конструкции // *Синтаксические структуры*. Межвузовский сборник. Красноярск. С. 56–63.
55. Словарь служебных слов 2001 — Словарь служебных слов русского языка. Владивосток.
56. Современный русский язык: Синтаксис 1958 — *Современный русский язык: Синтаксис* / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М.
57. Суханова 1979 — М. С. Суханова. Приложение // *Русский язык: Энциклопедия*. М. С. 232–233.
58. Тарасова 1998 — Л. Д. Тарасова. Языковой статус причинной связи // *Филологические науки*. №1. С. 93–96.
59. Теремова 1985 — И. М. Теремова. *Опыт функционального описания причинных конструкций*. Л.
60. Фокина 1988 — Н. А. Фокина. Синонимика необособленных причастных определений с двусторонними семантическими отношениями и деепричастных обстоятельств образа действия // *Синтаксические структуры русского языка. Строение, содержание и функции*: Сб. науч. тр. Иркутск. С. 78–87.
61. Хааг 1998 — Э.-О. Хааг. *Функции причинных союзов современного русского языка*. Дис. ... МА по русскому языку. Тарту.
62. Хааг 2001 — Э.-О. Хааг. Лингвистическая интерпретация причинных отношений // *Русский язык: Исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. М. С. 121.
63. Хааг 2004 — Э.-О. Хааг. *Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке*. Дис. ... PhD по славянской филологии. Тарту.

64. Шанский и др. 1971 — Н. М. Шанский, Т. В. Шанская, В. В. Иванов. *Краткий этимологический словарь русского языка*. М.
65. Шапилова 1982 — Н. И. Шапилова. О типологии лексико-семантических парадигм // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск. С. 22–27.
66. Шелякин 1993 — М. А. Шелякин. *Справочник по русской грамматике*. М.
67. Шмелева 1984 — Т. В. Шмелева. Деепричастия на службе у модуса // *Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвузовский сборник*. Красноярск. С. 64–70.
68. Юм 1996 — Д. Юм. *Сочинения в 2 т.* Т. 1. М.
69. Ярыгина 2001 — Е. С. Ярыгина. К вопросу об особенностях конструкции вывода-обоснования // *Русский язык: Исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. М. С. 230.
70. EKG 1993 — *Eesti keele grammatika*. II: Süntaks. Tallinn.
71. ЕКК 2007 — М. Erelt, Т. Erelt, К. Ross. *Eesti keele käsiraamat*. Tallinn.
72. Kerge 2000 — К. Kerge. *Eesti süntaks võõrkeeleõppe praktikule: Käsiraamat*. Tallinn.
73. Metslang и др. 2003 — Н. Metslang, I. Krall, R. Pajusalu, К. Saarso, E. Sõrmus, S. Vare. *Keelehärm: Eesti keele probleemseid piirkondi*. Tallinn.
74. Mihkla и др. 1974 — К. Mihkla, L. Rannut, E. Riikoja, A. Admann. *Eesti keele lauseõpetuse põhijooned*. I: Lihtlause. Tallinn.
75. Mölder 1967 — А. Mölder. *Eesti ja vene kõrvutav grammatika*. Tallinn.
76. Tauli 1980 — V. Tauli *Eesti grammatika*. II: Lauseõpetus. Uppsala.
77. Valgma, Rimmel 1970 — J. Valgma, N. Rimmel. *Eesti keele grammatika*. Tallinn.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Кнут В. О некоторых периферийных средствах выражения причинных отношений в русском языке // *Русская филология. Вып. 14.* Тарту, 2003. С. 211–217.
2. Кнут В. О периферийных средствах выражения причинных отношений (простые предложения с деепричастными оборотами) // *Studia Slavica: Сборник научных трудов молодых филологов. Вып. IV.* Таллинн, 2004. С. 243–252.
3. Кнут В. Деепричастие *будучи* в конструкциях, выражающих причинные отношения // *Русская филология. Вып. 15.* Тарту, 2004. С. 243–249.
4. Кнут В. Выражение причинных отношений в предложениях с обособлением (на материале романов Б. Акунина) // *Studia Slavica: Сборник научных трудов молодых филологов. Вып. V.* Таллинн, 2005. С. 197–203.
5. Кнут В. Полупредикативные конструкции с причинным значением в эстонском языке (на сопоставительном материале с русским языком) // *Русская филология. Вып. 16.* Тарту, 2005. С. 213–218.

ИСТОЧНИКИ

1. Акунин Б. *«Левиафан»*. М., 2001.
2. Акунин Б. *Любовница смерти*. М., 2002.
3. Акунин Б. *Пиковый валет*. М., 2001. Веб-ресурс: http://www.akunin.ru/knigi/fandorin/erast/pikovy_i_valet (Дата последнего просмотра: 10.08.2010).
4. Акунин Б. *Турецкий гамбит*. М., 2002.
5. *Аргументы и факты*. №53. 1997.
6. *Аргументы и факты: Международное издание*. №№40, 43, 47, 49, 51. 2003.
7. *Аргументы и факты: Международное издание*. №№9, 20, 25–30. 2004.
8. *Аргументы и факты: Международное издание*. №33. 2005.
9. Арапов М. В. Сленг // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. М., 1998. С. 461.
10. Ахматова А. *Примите этот дар...: Стихотворения*. М., 1997.
11. Бабенко, Купина 1982 — Л. Г. Бабенко, Н. А. Купина. Особенности глагольного словоупотребления в рассказах А. П. Чехова 900-х годов // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск. С. 104–118.
12. Белобровцева И., Кульюс С. *Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Краткий комментарий*. Таллинн, 2001.
13. Белоусов В. Н. Деепричастие // *Русский язык: Энциклопедия*. М., 1979. С. 68–69.
14. Бондарко А. В. *Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени*. СПб., 1999.
15. Будагов Р. А. *Как мы говорим и пишем*. М., 1988.
16. Булгаков М. А. *Ханский огонь: Повести и рассказы*. М., 1988.
17. Валгина Н. С. *Русская пунктуация: принципы и назначение*. М., 1979.
18. Валгина Н. С. Уточнение понятия авторской пунктуации // *Филологические науки*. №1, 1995. С. 76–86.
19. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. *Сборник упражнений по русскому языку для корректоров*. М., 1986.

20. Валгина Н. С. и др. *Синтаксис русского языка*. М., 1987.
21. Васильева А. С. *Сборник упражнений и текстов: Пособие для изучающих русский язык*. М., 1974.
22. Ватман Л., Гурьева Е. *Сборник упражнений по современному русскому языку*, I. Тарту, 1964.
23. Вепрева И. Т. Об отношении семантики возвратных глаголов к ЛСГ мотивирующих глаголов // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 97–103.
24. Гайсина Р. М. К семантической типологии глаголов русского языка // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 15–21.
25. Галенко И. Г. Мотивация глаголов поведения в русском языке // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 83–89.
26. Гилилов И. М. *Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса*. М., 2000.
27. Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. *Сборник упражнений по русской орфографии и пунктуации*. М., 1990.
28. Гончаров И. А. *Собр. соч.*: В 6 т. М., 1972. Т. 6.
29. *Грамматика русского языка*. Т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1960.
30. *Дайджест эстонской и российской прессы*. №19, 2003.
31. Домбровский Ю. О. *Собр. соч.*: В 6 т. Т. 6. М., 1993.
32. Евтюхин В. Б. *Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий*. СПб., 1997.
33. Еремина В. И. Книга В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» и ее значение для современного исследования сказки // Пропп В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1986. С. 5–15.
34. Жданова О. П. Семантическая структура глаголов поведения // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 66–70.
35. Жуковская Е. Е. Семантический анализ ряда глаголов эмоционального воздействия // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 33–40.
36. *Журнал MINI*. №9. М., 2003.
37. Зарубина Н. Д., Ожегова Н. С. *Сборник упражнений по грамматике русского языка*. М., 1980.

38. Звегинцев В. А. *Предложение и его отношение к языку и речи*. М., 1976.
39. Зощенко М. *Избранное: в 2 т.* Т. 1. М., 1978.
40. Исаков С. Г. *Русские в Эстонии (1918–1940)*. Тарту, 1996.
41. *Карманная астрологическая газета*. Телец, второй квартал 2002. М., 2002.
42. Кару К. Условие в языке рекламы (на материале русского и эстонского языков) // *Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте*. Таллинн, 2000. С. 47–56.
43. Копанев П. И. *Вопросы истории и теории художественного перевода*. Минск, 1972.
44. Костанди Е. Прагматические функции связки // *Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте*. Таллинн, 2000. С. 57–67.
45. Кудрявцев Ю. Наблюдения над функционированием местоимения мы в русском научном тексте // *Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте*. Таллинн, 2000. С. 86–94.
46. Куприн А. И. Осенние цветы // *Собр. соч.: В 9 т.* Т. 2. М., 1964.
47. Курганов Е. *Сравнительные жизнеописания*. Т. I. Таллинн, 1999.
48. Лаптева О. А. Нормативность некодифицированной литературной речи // *Синтаксис и норма*. М., 1974. С. 5–42.
49. Лебедев Ю. В. *Художественный мир романа И. А. Гончарова «Обрыв»*: Вступ. ст. М., 1987. С. 7–38.
50. Лотман Ю. М. *Культура и взрыв*. М., 1992.
51. Лукьянова Н. А. *Некоторые вопросы диалектной лексикологии*. Новосибирск, 1979.
52. Мамардашвили М. *Как я понимаю философию*. М., 1990.
53. Матвеева Т. В. Экспрессивная глагольная лексика в свете теории лексико-семантических групп // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 28–32.
54. Мень А. *История религии: В 4 т.* Т. 4. М., 1992.
55. *Мир новостей: Inter*. № 7, 2003.
56. Михайловский Н. К. Десница и шуйца Льва Толстого // Кулешов В. И. *Русская критика XVIII–XIX вв.* Хрестоматия. М., 1978. С. 431–445.
57. *Молодежь Эстонии — Суббота*. №140, 2006.

58. *Московский комсомолец*. №32, 1997.
59. Мулдашев Э. Р. *От кого мы произошли?* М., 2000.
60. Набоков В. В. *Другие берега: Романы*. М., 2001.
61. Набоков В. В. *Лолита: Романы*. М., 1998.
62. Набоков В. В. *Приглашение на казнь: Романы*. М., 1998.
63. Нигматуллин Р. Т. Вступительная статья // Мулдашев Э. Р. *От кого мы произошли?* М., 2000. С. 5–11.
64. Нуждова В. М. Средства выражения «комплексных действий» в русском языке // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 133–139.
65. Обнорский С. П. *Очерки по морфологии русского глагола*. М., 1953.
66. Почтенная Т. Г. *Русский язык (синтаксис)*. М., 1977.
67. Прокопович Н. Н. *Вопросы синтаксиса русского языка*. М., 1974.
68. Прокопович Е. Н. От составителя // Прокопович Н. Н. *Вопросы синтаксиса русского языка*. М., 1974. С. 9–10.
69. Пропп В. Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1986.
70. Рихтер Е. *Кто и как жил на земле Эстонии*. Таллинн, 1996.
71. Робски О. *Про любoff/оп*. М., 2005.
72. Розенталь Д. Э. *Русский язык*. М., 1983.
73. Розенталь Д. Э. *Сборник упражнений по русскому языку для подготовительных отделений вузов*. М., 1982.
74. Розенталь Д. Э. *Справочник по правописанию и литературной правке*. М., 1989.
75. Розенталь Д. Э. *Справочник по пунктуации*. М., 1984.
76. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. *Современный русский язык: учеб. пособие для студентов-филологов заочного обучения*. М., 1991.
77. *Русская мысль*. №3, 2008.
78. Савуренок А. Предисловие // Ликок С. *Юмористические рассказы*. М.-Л., 1967. С. 8–11.
79. Сахаров В. Сатира молодого Булгакова // Булгаков М. А. *Ханский огонь: Повести и рассказы*. М., 1988. С. 7–14.

80. *Сборник упражнений по морфологии современного русского языка*. М., 1988.
81. *Семь*. №12, 2003.
82. Серафимов Б. *Кресты, формы, награды, символы*. СПб., 2003.
83. Сиротинина О. Б. *Русская разговорная речь*. М., 1983.
84. Талицкая Е. Е. От словаря сочетаемости к словарю выбора слов // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 119–124.
85. *Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность*. СПб., 1996
86. Титова Р. Ф. *Сборник упражнений по морфологии современного русского языка*. М., 1976.
87. Тихоплав В. Ю., Тихоплав Т. С. *Физика веры*. СПб., 2002.
88. Токарь Г. С. *Глагольно-именные словосочетания, выражающие причинные отношения в восточнославянских языках*. АКД. Киев, 1965.
89. Федоров А.В. *Основы общей теории перевода*. М., 1983.
90. Фокина Н. А. Синонимика небособленных причастных определений с двусторонними семантическими отношениями и деепричастных обстоятельств образа действия. // *Синтаксические структуры русского языка; Строение, содержание и функции*: Сб. науч. тр. Иркутск, 1988. С. 79.
91. Хааг Э.-О. *Функции причинных союзов современного русского языка*. Дис. ... МА по русскому языку. Тарту, 1998.
92. Хохлов Н. А. *Метод «малых групп»*. Новосибирск, 1995.
93. Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций // *Типология условных конструкций*. СПб., 1998. С. 7–96.
94. Чудинов А. П. О семантике и классификации каузативных глаголов // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 55–65.
95. Чупашева О. М. О характере семантики безличных предложений с обособленными деепричастными оборотами. // *Филологические науки*. №1, 2002. С. 76–82.
96. Чхартишвили Г. *Писатель и самоубийство*. М., 1999.
97. Шапилова Н. И. О типологии лексико-семантических парадигм // *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982. С. 22–27.

98. Шелякин М. А. *Справочник по русской грамматике*. М., 1993.
99. Шмелева Т. В. Деепричастия на службе у модуса // *Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры*: Межвуз. сб. Красноярск, 1984. С. 64–70.
100. Щаднева В. Проявление имплицитности в морфолого-семантических вариантах глагола «быть» // *Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте*. Таллинн, 2000. С. 68–77.
101. Akunin V. *Türgi gambiit*. Tallinn, 2003.
102. *Cosmopolitan* (издание на русском языке). №5, 1997.
103. *Cosmopolitan* (издание на русском языке). №2, 2001.
104. *Eesti kirjandus tekstides*. 1. osa. Tallinn, 1996.
105. *Eesti kirjandus tekstides*. 2. osa. Tallinn, 1998.
106. *Eesti loodus*. №11, №12, 2009. Веб-ресурс: http://www.loodusajakiri.ee/eesti_loodus (Дата последнего просмотра: 10.08.2010).
107. *Eesti loodus*. №5, 2010. Веб-ресурс: http://www.loodusajakiri.ee/eesti_loodus (Дата последнего просмотра: 10.08.2010).
108. *Eesti uuem novell*. Tallinn, 1986.
109. *Haridus*. №6–7, 2004.
110. *Haridus*. №3–4, 2009.
111. *Inseneeria*. №1, №6. 2010.
112. Lotman J. *Kultuur ja plahvatus*. Tallinn, 2001.
113. Mihkla K., Rannut L., Riikoja E., Admann A. *Eesti keele lauseõpetuse põhijooned*. I: Lihtlause. Tallinn, 1974.
114. Metslang H., Krall I., Pajusalu R., Saarso K., Sõrmus E., Vare S. *Keelehärm: Eesti keele probleemseid piirkondi*. Tallinn, 2003.
115. *Naiste maailm*. Vastuoluline moelegend Coco Chanel. Lisatud 07 jaanuar 2010. Веб-ресурс: <http://naistemaailm.ee> (Дата последнего просмотра: 10.08.2010).

KOKKUVÕTE

PÕHJUST VÄLJENDAVID SEKUNDAARTARINDID VENE KEELES JA NENDE EESTIKEELSE VASTED

Väitekirja eesmärgiks on kirjeldada põhjuse funktsionaal-semantilise välja perifeeriat, nimelt põhjust väljendavaid sekundaartarindeid vene ja eesti keeles. Üsna hästi on uuritud nimetatud välja tuuma, st põhjussuhete spetsialiseeritud väljendusviise, mille hulka kuuluvad näiteks kausaallused ja kaassõnaga substantiivi käändelise vormi abil väljendatud kausaaladverbiaalid. Põhjuse perifeersetele väljendusviisidele (nagu gerundiivtarindid, partitsiibitarindid ja nn eraldatud lisandid) pühendatud uuringuid on aga väga vähe.

Erilist huvi pakub venekeelsete põhjuse perifeersete väljendusviiside võrdlemine vastavate konstruktsioonidega eesti keeles. Eestikeelsete sekundaartarindite uurimine on raske terminoloogiliste erinevuste tõttu, samuti sellepärast, et lähenemisviis selliste tarindite kirjeldusele on mõlemas keeles erinev. Eestikeelse materjali analüüs on sellise uuringu esimene katse ning see võib olla lähtepunktiks põhjalikumale ja detailsemale põhjuslike perifeersete konstruktsioonide kirjeldusele tulevikus.

Meie ülesandeks on teha kindlaks, millised näitajad (süntaktilised, leksikaalsed jt) mõjutavad põhjusseose väljendamist sekundaartarinditega. Tarinditega laused kuuluvad põhjusseoste spetsialiseerimata väljendusviiside hulka, sest neil puudub sihipärane semantiline spetsialiseerumine. See võimaldab neil väljendada erinevaid suhteid, kaasa arvatud põhjussuhteid.

Uurimismaterjalina on kasutatud eri stiilidesse kuuluvaid venekeelseid tekste: nii ilukirjanduslikke kui ka teaduslikke ja publitsistlikke. Sekundaartarindeid ei kasutata eriti sageli, seepärast tuli materjali koguda üsna paljudest allikatest. Kartoteek sisaldab 1084 põhjust väljendavate perifeersete konstruktsioonidega näidet.

Kontrastiivanalüüsiks on võetud B. Akunini romaan «Türgi Gambiit» ja J. Lotmani raamat «Kultuur ja plahvatus» ning nende tõlked eesti keelde. Venekeelsetele põhjust väljendavatele perifeersetele konstruktsioonidele on leitud kõik vasted eestikeelsetes tekstides.

Lisaks on kasutatud näiteid eestikeelsetest originaaltekstidest, sh ilukirjandusteostest, teaduslikust kirjandusest ja ajakirjandusest. Neist on välja kirjutatud kõik põhjust väljendavate perifeersete väljendusviiside näited lihtlauses. Kokku on kartoteegis 310 eestikeelset näidet.

Väitekiri koosneb sissejuhatausest, kolmest peatükist, kokkuvõttest, kasutatud kirjanduse, väitekirja teemal avaldatud publikatsioonide ja allikate loeteludest. Lisatud on ka näidete kartoteek. Väitekirja alguses on toodud kasutatavate lühendite loetelu.

Esimeses peatükis käsitletakse uurimuse põhimõisteid: põhjuse mõistet ja selle käsitlust lingvistikas, funktsionaal-semantilise välja ja sekundaartarindi mõisteid. On toodud ka põhjuse välja tuuma ja perifeeria lühikirjeldus vene keeles ning sekundaartarindite ülevaade vene ja eesti keeles.

Teine ja kolmas peatükk on analüütilised. Teises peatükis analüüsitakse sekundaartarindite tüüpe, mis võivad väljendada põhjussuhteid vene keeles. Arvesse on võetud selliseid parameetreid nagu gerundiivtarindite aspektuaalsed ja temporaalsed tunnused, partitsiibitarindite tegumoodi ja aega, sidendite kasutamise võimalikkust eraldatud lisandis, sageli esinevaid leksikaal-semantilisi grupe, tarindite positsiooni lauses jne.

Kolmas peatükk on pühendatud eestikeelsetest tekstidest kogutud näidete analüüsile ja kontrastiivanalüüsile. Eestikeelsete perifeersete põhjussuhteid väljendavate konstruktsioonide hulgas saab nimetada gerundiiv- ja partitsiibitarindeid, tegusõnadega tarindeid ja lisandeid.

Eesti ja vene keele vahel esineb olulisi morfoloogilisi ja süntaktilisi erinevusi, kuna need pole sugulaskeeled ning on tüpoloogiliselt erinevad. See tähendab, et ühe funktsionaal-semantilise mikrovälja raames väljendusviiside kontrastiivse võrdlemise käigus võib olla vajalik kaasata sellesse ka laiemat keelelist kihti. Näiteks analüüsides venekeelsete lisandite vasteid eesti keeles, tuleb vaadelda ka selle tähenduse morfoloogilisi väljendusvahendeid, nimelt essiivi käändevormi.

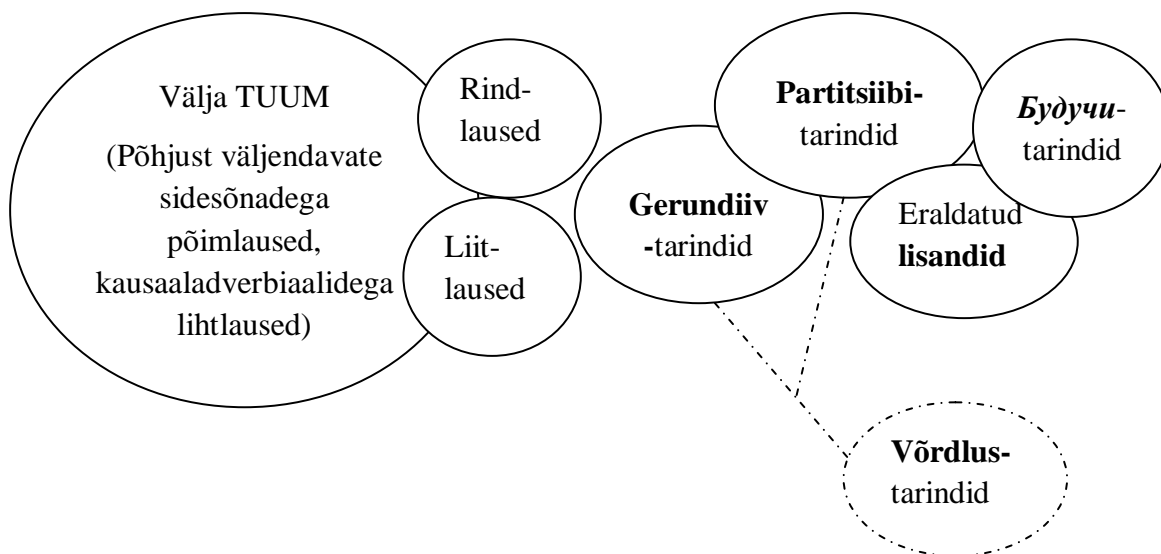
Läbiviidud uuring lubab teha mõningaid järeldusi põhjussuhete perifeersete väljendusviiside mikroväljade struktuuri kohta mõlemas keeles.

Põhjust väljendavate konstruktsioonide ühiseks omaduseks on loogiline põhjusseos kahe sündmuse või olukorra vahel, mida toetavad tarindite semantika ja konstruktsioonide mõned formaalsed omadused.

Venekeelsete sekundaartarindite formaalseks eripäraks on sekundaarsituatsiooni eelnemine või ka samaaegsus põhisituatsiooniga, samuti mineviku ajavormi sagedane kasutamine, mõnede tarindite pre- või postpositioon.

Allpool on analüüsitud venekeelsete tarindite välja perifeeria skeem.

Sekundaartarindite asukoht põhjuse funktsionaal-semantilise välja perifeerias **vene keeles**

Niisiis on tuumale kõige lähedamal gerundiivtarindid, kuna nad säilitavad maksimaalse seose verbiga. Lisaks on nad ka kõige sagedamini esinevad konstruktsioonid meie uuritud konstruktsioonide hulgas.

Partitsiibitarindeid eristab samuti tugev seos tegusõnaga. Mõneti kattuvad nad gerundiivtarinditega, kuna osa partitsiibitarindeid võib asendada gerundiividega, ilma et lause tähendus oluliselt muutuks.

Tuumast kaugemal asuvad lisandid. Nende kasutamine on piiratum partitsiibitarinditega võrreldes, kuna lisandid ei saa seostuda obliikvakäändes esinevate lauseliikmetega.

Будучи-tarindeid võib käsitada lisandite variandina või vähemasti on need lisanditele väga lähedad. Põhjusliku tähendusega tarindites võib *будучи* seostuda peale nimisõna ka kesksõna või omadussõnaga, mis selgitab skeemil nende tarindite kokkupuudet partitsiibitarinditega.

Mõnesid võrdlevate sidesõnadega tarindeid nagu *как бы, словно* ja *как будто* kaldume me käsitama gerundiiv- või partitsiibitarindite modifikatsioonina tingimusel, et

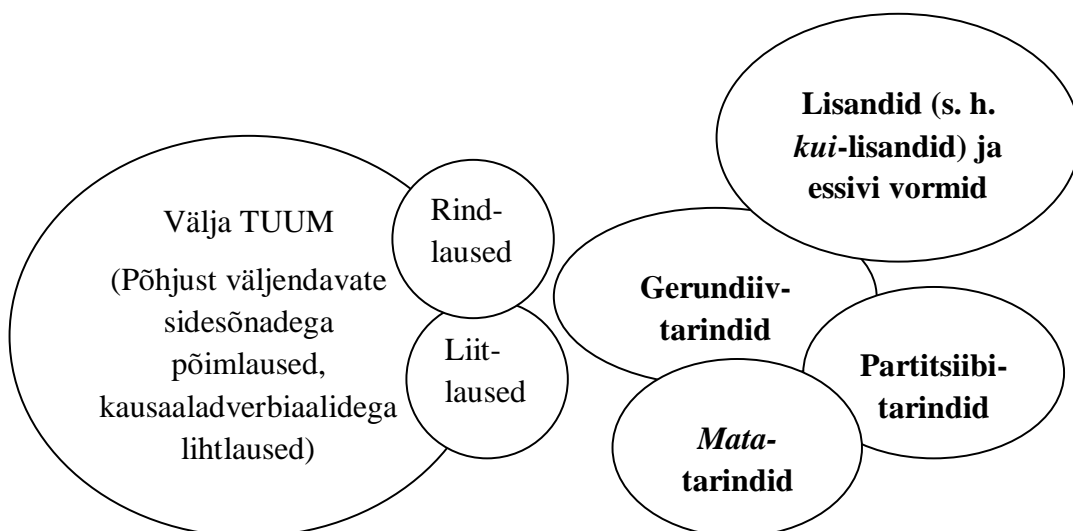
nad ei väljenda mitte sarnastamist, vaid omavad ebakindluse varjundit. Sellisel juhul on need sidesõnad lausungi modaalseks raamiks ja sarnanevad modaalseste partiklite või kiilsõnadega. Sellised tarindid tuleb kas lisada gerundiiv- või partitsiibitarindite mikroväljadesse või, arvestades nende formaalset kuuluvust võrdlutarindite hulka, asetada põhjuse funktsionaal-semantilise välja keskosast märkimisväärselt kaugemale.

Põhjuse välja perifeeria eesti keeles on üldiselt võrreldav põhjuse väljaga vene keeles. Peale sarnaste gerundiivtarindite, partitsiibitarindite ja lisandite võib põhjusseost eesti keeles väljendada ka supiini *mata*-vorm ning nimisõnade ja kesksõnade essiivi vormid (*na*- ja *tuna*-vormid).

Seega on välja tuumale kõige lähemal gerundiivtarindid. Nad võivad väljendada tunduvalt suuremat hulka olukordi kui vene keeles, sest subjekti ühtimine lause põhiosas ja tarindis ei ole kohustuslik. Kui tarindi subjekt on alusest erinev, võib ta tarindis ilmnedagi genitiivi vormis.

Gerundiivtarindid kirjeldavad tavaliselt situatsiooni, mis toimub üheaegselt lause põhisisuajaga. Gerundiivtarinditega lausete omapäraks on ka mineviku ajavorm; samuti kattuvad tegusõnade leksikaal-semantilised rühmad, mille juurde kuuluvad gerundiivid, gerundiivide rühmadega vene keeles. Need on vaimse tegevuse, emotsionaalse tajuga jms. seotud verbide vormid. Näiteks: *Lea aeglustab sammu, teades, et kui tema seda ei tee, paneb Mart endise valuga edasi.*

Põhjust väljendavad perifeersed konstruktsioonid eesti keeles

Partitsiibitarinditega laused kattuvad gerundiivtarindite mikroväljaga, kuna mõned nendest konstruktsioonidest on teineteisega asendatavad. Nende hulgas kõige

sagedasemad ja tüüpilisemad on partitsiibitarindid, mis sisaldavad mineviku *nud-* ja *tud-* kesksõna. Seega partitsiipidest sõltuvad sõnad nendes konstruktsioonides võivad viidata põhjuse allikale: *Puhata tahavad inimesed, väsinud oma tööst; Kurja isa ähvardusest hirmutatud, hakkas tüdruk nutma.*

Põhjuse väljendusviisiks, mis on eriti omane just eesti keelele, on negatiivse tähendusega supiini *mata-*vorm. Juhul kui eitus puudub, vastavad sellele tarindile tavaliselt gerundiiv- või partitsiibitarindid, mis kehtib ka vene keelest või vene keelde tõlkimisel. Näiteks: *Kuid türkklased ehmusid Adrianoopoli langemisest nii ära, et tahtmata minutiiki kaotsi lasta, lihtsalt haakisid staabivaguni tavalise rongi külge. — Но турки так испугались падения Адрианополя, что, не желая терять ни минуты, просто прицепили штабной вагон к обычному поезду.*

Lisandite mikroväljas domineerivad essiivi *na-*vormid ja lisanditarindid ilma sidesõnadeta. *Praktilise inimesena* taipas Chanel musta värvi universaalsust ja ühendas selle lihtsama kleidisiluetiga; *Varja aga, nutikas tüdruk, oskas seda ette näha ja võttis abinõud tarvitusele.*

*Olles-*tarindid paiknevad samuti põhjusseoseid väljendava välja perifeerias ühinedes nimisõnade, kesksõnade ja omadussõnadega. Kuid nad ei ole eriti sagedased ning seetõttu ei ole neid esitatud skeemis eraldi mikroväljana.

Võtame kokku eripärasused, mis on omased põhjuskonstruktsioonidele mõlemas keeles .

1. Põhjusseoste olemasolu, mida saab kontrollida näiteks transformatsiooni abil prototüüplauseks, milleks on põhjust väljendava sidesõnaga põimlause.

2. Lauselühendi sekundaarne seos verbiga, mis tavaliselt tähendab, et lauses on kaks subjekti ja kaks predikaati. Põhjust väljendavate perifeersete sekundaartarindite tunnuseks on vene keeles see, et kahe situatsiooni subjektid tavaliselt langevad kokku. Kuid eesti keeles võib partisiibitarindil olla eraldi tegevuse subjekt.

3. Lause osade vahelise suhete tüübi kindlaksmääramisel mängib sageli otsustavat rolli lekseemide kuuluvus teatud leksikaal-semantilisse rühma. Näiteks gerundiivtarindites nii vene kui ka eesti keeles kuulub gerundiiv paljudel juhtudel ühte järgmistest rühmadest: kas mentaalse tähendusega tegusõnade (*teades, mõeldes; зная, понимая, полагая*), emotsionaalset taju väljendavate tegusõnade (*tundes, kartes; чувствуя, ощущая, боясь*), visuaalset taju väljendavate tegusõnade (*nähes; видя,*

замечая) või modaalsete tegusõnade rühma, mis viitavad soovile või tahtele (*tahtes, püüdes; желая, стараясь, стремясь*).

4. Üheks oluliseks põhjust väljendavate perifeersete konstruktsioonide tunnuseks on see, et peapredikaat on mineviku vormis. See eristab põhjussuhteid tingimussuhetest, sest tingimuslausetes on peategevus tihti seotud tulevikuga. Olevikuvormis predikaadiga konstruktsioonid on omased teadusstiilile.

5. Vaadeldavate konstruktsioonide üheks iseärasuseks vene keeles on nn. eraldamine, mis mängib olulist rolli, näidates verbiga sekundaarsuhete olemasolu ja kinnitades, et tegu on lauselühendiga. Ent eesti keele süntaksis ei ole see tegur otsustav, kuna põhjust väljendavate tarindite eraldamine ei ole sageli kohustuslik.

6. Lisaks võib analüüsitud konstruktsioonide omadusena välja tuua võimalust asendada mõnda perifeerset põhjussuhte väljendusviisi teisega, ilma et konstruktsiooni tähendus muutuks. Näiteks on vene keeles sageli võimalik eraldatud lisandeid transformeerida *как-* või *будучи-*konstruktsioonideks ning gerundiive asendada aktiivsete kesksõnadega. *Olles-*tarindite asemel võib eesti keeles kasutada *nud-* ja *tud-*kesksõnadega tarindeid. Samuti on võimalik gerundiivi asendus aktiivsete kesksõnadega.

Sekundaartarindite asendamine täispredikaatidega on võimalik transformeerimisel, samuti esineb seda põhjust väljendavate tarindite tõlkimisel eesti keelde. Sellistel juhtudel on sekundaartarind sageli liht- või liitlause raames asendatud öeldisega.

Autorite poolt just sekundaartarindite eelistamist meie kartoteegi originaalnäidetes võib põhjendada selle viisi kompaktsusega võrreldes liitlausetega. Gerundiiv- ja partitsiibitarindid ning lisandid aitavad kontsentreerida ja lühendada teksti.

Läbiviidud uurimuse järeldusi võib kasutada põhjuse välja edasisel uurimisel vene ja eesti keeles, samuti võivad need olla kasulikud eesti ja vene keele õpetajatele ning tõlkijatele.

ПРИЛОЖЕНИЕ. КАРТОТЕКА ПРИМЕРОВ

Примеры в данной картотеке распределены по категориям, соответствующим параграфам аналитических глав диссертации. Примеры на русском языке приведены выборочно ввиду их многочисленности и большого объема.

Примеры из источников на эстонском языке, а также примеры для контрастивной части работы (из источников на русском языке и их переводов на эстонский язык) приводятся здесь полностью.

Примеры из источников на русском языке

Деепричастные обороты с деепричастием НСВ

А умная выбирает себе подружку по красивее да по умнее. На такую, как на мед, слетаются самые симпатичные мужчины и, **желая понравиться**, обязательно преподносят какие-нибудь сюрпризы [Мир новостей: Inter. № 7, 2003. С. 29].

...В жизни мы часто проходим мимо такого колодца, **видя на его месте просто точку** [Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 18].

Вот и бегемот, **подчиняясь зову желудка**, начинает искать пищу сразу после захода солнца [Мир новостей: Inter. № 7, 2003. С. 25].

Занимая промежуточное положение между словом и предложением, словосочетание (синтагма) обнаруживает известную к ним близость, почему и должно сопоставляться с ними... [Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 14].

Здесь вспоминается, как сестра, **желая в угоду любовнику известить брата**, посылает его за волчьим молоком [Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 305].

Имея способность дематериализоваться и материализоваться, лемурийцы Шамбалы периодически появляются в разных подземных хранилищах Генофонда человечества, контролируя состояние людей в сомате [Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 346].

История науки полна примеров того, как научное сообщество, **требуя использования только «реальных» положений**, в течение нескольких десятилетий отвергало по идейным соображениям многие фундаментальные понятия математики, физики, биологии, как понятия, приводящие к теологии и к ненаблюдаемым формам реальности [Тихоплав В. Ю., Тихоплав Т. С. Физика веры. СПб., 2002. С. 23].

Ища, чем бы себя занять, и как оживить вялое время, Цинциннат решил освежить свою внешность ради завтрашней Марфиньки [Набоков В. Приглашение на казнь. М., 1998. С. 292–293].

Находя во мне живое сочувствие, отец и Евсеич с увлечением предавались удовольствию рассказывать мне о весне... [Аксаков С. Т. // Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Сборник упражнений по русскому языку для корректоров. М., 1986. С. 184].

Не зная принципиальных отличий порядка слов разговорной речи от норм письменной речи, они [школьники] пишут так, как сказали бы. [Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь. М., 1983. С. 49].

Некоторые исследователи, **ориентируясь на традиции английской лингвистики**, отождествляют сленг с просторечием, включают в сленг слой модных словечек-«однодневок», другие (И. Р. Гальперин), ссылаясь на неопределенность категории сленга, вообще отрицают ее существование [Арапов М. В. Сленг // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 461].

Но вместе с тем, если его (автора) убедят в том встречные аргументы, он готов, **следуя добрым заветам науки**, отнестись к излагаемым им идеям и суждениям с известной долей здорового скептицизма [Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. С. 5].

Но Марта, **теперь еще пуще прежнего ненавидя прихотливую легкость мужа** (хоть ей-то он и был обязан своим случайным богатством), нестерпимо боялась, что он догарцует до катастрофы раньше, чем она навсегда его отстранит и сама остановит кружение [Набоков В. В. Король, дама, валет // Другие берега. М., 2001. С. 136].

Он явно недооценил наших читательниц, **полагая**, что Cosmopolitan читают девушки, которым просто наскучило играть с куклой Барби. [Cosmopolitan. №5, 1997. С. 88]

Она молча кивнула, **боясь**, что дрогнет голос [Акунин Б. Любовница смерти. М., 2002. С. 54].

Осознавшие это вступают на путь борьбы с лишним весом, однако зачастую, **кидаясь то к одной диете, то к другой**, получают больше вреда, чем пользы [Аргументы и факты: Международное издание. №33, 2005. С. 13].

После завтрака мы остались в салоне, **ожидая результатов облавы** [Акунин Б. «Левиафан». М., 2001. С. 124].

Потом Эраст Петрович повернулся к Анисию, и тот закоченел, **остро ощущая всю свою непрезентабельность**: молод, тощ, уши торчат, да еще прыщи [Акунин Б. Пиковый валет].

Предполагая, что функциональные особенности союзов могут быть связаны с их так называемой этимологической памятью, мы рассматривали причинные союзы в историческом аспекте [Хааг Э.-О. Функции причинных союзов современного русского языка. Дисс. ... МА по русскому языку. Тарту, 1998. С. 59].

Приступая к работе, не пытайся анализировать, почему тебя привлекла та или иная деталь или картинка, и, **повинуясь безотчетному побуждению**, смело вырезай все, что притягивает твой взгляд, включая заголовки или цитаты из статей [Cosmopolitan. №2, 2001. С. 62].

Располагая списком глаголов, составляющих семантический класс, русский может интуитивно отобрать подходящее для ситуации слово. В том же случае, когда интуиция отсутствует, как например, у иностранцев, изучающий русский язык, списка, словника, недостаточно [Галицкая Е. Е. От словаря сочетаемости к словарю выбора слов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 119].

Растения, птицы и животные не знали раздора и вражды и были в полном подчинении у человека, **доверчиво признавая в нем своего хозяина** [Лебедев Ю. В. Художественный мир романа И. А. Гончарова «Обрыв»: Вступ. ст. М., 1996. С. 16].

Со временем римские папы, **расширяя свои владения и укрепляясь во власти**, стали стремиться к тому, чтобы подчинить себе всех патриархов и чтобы папа стал главою христианской церкви [Серафимов Б. Кресты. Формы, награды, символы. СПб., 2003. С. 36].

Студенты, выполняя практические задания реальных компаний, разрабатывают проекты, подкидывают новые идеи и нестандартные решения в различных ситуациях, **резонно рассчитывая со временем получить работу там**, где уже смогли себя зарекомендовать [Cosmopolitan. №2, 2001. С. 163].

Так что во время съемок я ему полностью доверялась, **зная**, что он человек деликатный, тонкий [Русская мысль. №3, 2008. С. 17].

Так что зрители в партере на подиум почти не смотрят, **предпочитая обсуждать последние столичные сплетни** [Аргументы и факты: Международное издание. №49, 2003. С. 13].

Таким образом, составное сказуемое, в частности связка, **требуя наличия более широкого контекста**, выполняет тем самым текстовую функцию, предполагает развертывание данного текста или наличие некоторые других текстов [Костанди Е. Прагматические функции связки // Функции взаимодействие языковых единиц. Таллинн, 2000. С. 58].

Тогда, **стараясь изменить характер разговора**, я применил метод самого учителя [Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 114].

Учительница французского языка местной школы, Лидия Михайловна, оказалась человеком большой души: она стремилась «подкармливать» мальчугана, но он упорно отказывался, **считая**, что брать чужое стыдно [Будагов Р. А. Как мы говорим и пишем. М., 1988. С. 69].

Экран учит многому и, **позволяя актеру взглянуть на свое творчество со стороны**, безошибочно выявляет все его недостатки [Черкасов Н. К. // Почтенная Т. Г. Русский язык (синтаксис). М., 1977. С. 78].

Я сама взволновалась в эту минуту не меньше вас, **представляя себе**, как вы стоите там, за дверью, всего в двух шагах от меня, бледный, крепко притиснув руку к сердцу, глубоко и трудно переводя дыхание... [Куприн А. И. Осенние цветы // Собр. соч. в 9 т. Т. 2. М., 1964. С. 344].

Анисий вылез следом за Эрастом Петровичем, вошел в мраморный чертог, но тут поотстал — заробел, **увидев важного швейцара с золоченой булавой** [Акунин Б. Пиковый валет].

Анисий, **не утерпев**, тихонько спросил: — А какая вторая ошибка, шеф? [Акунин Б. Пиковый валет].

Возможно, Сесил, **оценив ситуацию**, решил ускорить события, спровоцировать Эссекса на неподготовленное выступление, но возможно, что все произошло спонтанно [Гилюлов И. М. Игра об Уильяме Шекспире. М., 2000. С. 305].

Воспользовавшись ослаблением Руси, находившейся в то время под игом татаро-монголов, тевтонцы захотели подчинить ее себе [Серафимов Б. Кресты. Формы, награды, символы. СПб., 2003. С. 41].

Все тело мое изгибалось, **почувствовав смертную дрожь**... [Ахматова А. Примите этот дар... (Сборник). М., 1997. С. 44].

Елена, **отозвавшись на желание своего сына [императора Константина] найти Крест**, на котором был распят Спаситель, отправляется в 326 году в Иерусалим [Серафимов Б. Кресты. Формы, награды, символы. СПб., 2003. С. 33].

И Франца потянуло тоже к зевоте. В ту минуту, как он, **не справившись с силой**, распиравшей нёбо, судорожно открыл рот, Марта на него взглянула и поняла по его зевоте, что он только что на нее смотрел [Набоков В. В. Король, дама, валет // Другие берега. М., 2001. С. 14].

Из центральноамериканской расы по системе последовательной изменчивость глаз выделилась полинезийская раса. Последняя, **построив плавательные средства**, смогла переплыть через Тихий океан и добраться до далекой Новой Зеландии [Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 33].

Коломбина громко заплодировала и тут же сбилась, **поняв**, что совершила faux pas [Акунин Б. Любовьница смерти. М., 2002. С. 44].

Матвей Кузьмин от угощения отказался, **посетовав на нездоровье** [Полевой Б. Н. // Розенталь Д. Э. Сборник упражнений по русскому языку для подготовительных отделений вузов. М., 1982. С. 83].

— Ничего особенно красивого не замечаю, — тотчас же отозвался Вольдемар, **как бы почувствовав во мне соперника** [Катаев В. // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 265].

Она наклонялась все дальше и вдруг, **потеряв равновесие**, с коротким изумленным вскриком упала в широкий и глубокий колодец [Тэсс Т. // Розенталь Д. Э. Русский язык. М., 1983. С. 169].

Почуяв чужих людей, собаки подняли неистовый лай и бросились к нам навстречу [Арсеньев В. // Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Сборник упражнений по русской орфографии и пунктуации. М., 1990. С. 138].

Пройдя через искушение страстными помыслами, Райский начинает освобождаться от губительного для его души самодовлеющего эстетизма [Лебедев Ю. В. Художественный мир романа И. А. Гончарова «Обрыв»: Вступ. ст. М., 1996. С. 36].

Публика, кажется, склонна считать, что в убийце запоздало пробудилась совесть, и он, **ужаснувшись содеянного**, бросил золотого истукана в реку [Акунин Б. «Левиафан». М., 2001. С. 13–14].

С ранних лет, **чудом смекнув опасность**, Цинциннат бдительно изощрялся в том, чтобы скрыть некоторую свою особость [Набоков В. Приглашение на казнь. М., 1998. С. 266].

С самого начала поняв необходимость постоянного прогресса, поскольку дух человека заложен как саморазвивающееся начало в борьбе добра и зла, лемурийцы отгородились от зла как от стимулирующего прогресс духовного элемента [Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 434].

Своеобразно пытается выйти из этого же затруднения Л. Теньер. Видимо, **убедившись в невозможности отнесения однословных предложений к синтагмам**, он приходит к выводу о том, что «слова-фразы» не поддаются структуральному анализу [Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 13].

Утратив согласование с подлежащим, бывшие причастия превратились в неизменяемую глагольную форму [Белоусов В. Н. Деепричастие // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 69].

Уходящий 1997 год оставил память о себе, **дважды побив прежние рекорды холода** [Аргументы и факты. №53, 1997. С. 22].

Я вбежал в каюту мадам Клебер, **услыхав ее испуганный крик**, и вдруг увидел невесть откуда взявшегося негра, на шее которого был повязан мой исчезнувший платок [Акунин Б. «Левиафан». М., 2001. С. 264].

Причастные обороты с действительным причастием прошедшего времени

— А можно мне один мустах, без бороды? — спросил Анисий, **давно мечтавший об усах**, которые у него росли как-то неубедительно, пучками [Акунин Б. Пиковый валет].

Англичане, **ведшие непримиримую борьбу против этого «варварского» обычая**, пытались вести статистику сати [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 74].

Высоцкий, **относившийся к фронтовикам с огромным уважением**, был ошеломлен тем, что его приняли за настоящего Гитлера [Русская мысль. №3, 2008. С. 15].

Дочь, **всецело разделявшая взгляды отца**, тоже поспешила на родину [Аргументы и факты: Международное издание. №25, 2004. С. 22].

За границей от истощения погибли две женщины, **радикально увлекшиеся «дыханинизмом»** [Аргументы и факты: Международное издание. №27, 2004. С. 25].

Забавно бывает слышать, как студенты, **не усвоившие все детали этикета**, выражаются следующим образом: «Нет, мы не читали эту книгу»; «К сожалению, охватить все источники нам не удалось» и под.; следует говорить: «Нет, я не читал эту книгу»; «Охватить все источники (мне) не удалось» (в этом примере допустим двучленный пассив) [Кудрявцев Ю. Наблюдения над функционированием местоимения мы в русском научном тексте // Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте. Таллинн, 2000. С. 89].

Зная все это, нельзя не оценить подвига ученого, исследователя и писателя, **сумевшего собрать и построить из пестрых обрывков и крупиц двухтомное здание эпопеи** [Домбровский Ю.О. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1993. С. 212].

Не раз путешественников выручало письмо швейцарского посольства, **объяснявшее цель их приезда** [Аргументы и факты: Международное издание. №25, 2004. С. 25].

Но Грозный, **во всем видевший только боярские заговоры**, решает, что ее [жену Анастасию] отравили [Аргументы и факты: Международное издание. №49, 2003. С. 12].

Слава творцам этих полотен, большим и великим художникам! Вечная слава им, **увидевшим и запечатлевшим динамическую или даже демоническую силу искусства** [Домбровский Ю.О. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1993. С. 48].

— Таким состав шайки мне представлялся еще вчера. Однако анализируя рассказ своего ассистента о вчерашнем ... п-происшествии, я переменял свое мнение. И все благодаря господину Тюльпанову, **оказавшему следствию поистине неоценимую помощь** [Акунин Б. Пиковый валет].

У вестготов была так называемая «Скала предков», с которой бросались старики, **не желавшие обременять собой сородичей** [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 21].

Это знаменитая книга. Ей, **положившей начало современной астрономии**, посвящены толстейшие монографии на всех языках мира [Домбровский Ю.О. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1993. С. 175].

Причастные обороты со страдательным причастием прошедшего времени

Анисий, **доселе не избалованный вниманием прекрасного пола**, совсем одеревенел — такой вокруг него собрался цветник [Аргументы и факты: Международное издание. №47, 2003. С.19].

В редакцию приходит большое количество писем от наших читателей, **обеспокоенных состоянием здоровья всенародно любимых актеров — Семена Фарады, Нонны Мордюковой, Натальи Гундаревой...** [Аргументы и факты: Международное издание. №26, 2004. С. 29].

Впечатленный тем, как дружно сосуществовали люди с таким, казалось бы, безнадежным заболеванием, как ладно у них все получалось в быту, он назвал это место «Баканай». «Бака» по-японски значит «дурак», а «най» — «нет» [Аргументы и факты: Международное издание. №27, 2004. С. 13].

Есть такой разряд людей, которые любят говорить гадости и обижать, чтобы человек потерял веру в себя и никуда не ушел, **уверенный в том**, что он никому не нужен [Аргументы и факты: Международное издание. №47, 2003. С.19].

Изгнанные в 1291 году, они [орден госпитальеров] перенесли свою штаб-квартиру на остров Родос (1310 год), а позднее, в 1529 году, на остров Мальту, отсюда пошло название Креста, используемого рыцарями [Серафимов Б. Кресты. Формы, награды, символы. СПб., 2003. С. 39].

Исторический ислам вообще гораздо терпимее и снисходительней к человеку, чем историческое христианство, **слишком озабоченное идеей власти и экспансии** [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 65].

Когда сёгунат, **испуганный активностью миссионеров**, запретил «веру южных варваров» под страхом смертной казни, христианские проповедники устремились в Японию, на самый край света, с упорством мотыльков, летящих на огонь [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 60–61].

Кстати, на этой церемонии были и каскадеры из России, **номинированные за свое высочайшее мастерство** [Аргументы и факты: Международное издание. №27, 2004. С. 22].

Лишенная с детства материнской ласки (мать Цветаевой не скрывала, что мечтала о сыне), Марина нуждалась именно в материнской любви [Аргументы и факты: Международное издание. №25, 2004. С. 22].

Местное население, **не обрадованное подобным соседством**, устроило манифестацию протеста [Аргументы и факты: Международное издание. №25, 2004. С. 13].

Он, конечно, не был типичной дворцовой постройкой — **выстроенный в стиле ложной готики**, дворец скорее похож на парковый павильон, нежели на дом для жилья [Аргументы и факты: Международное издание. №27, 2004. С. 11].

Оторванная от населения, она [демократическая элита] изначально была обречена на кулуарный стиль взаимодействия с властью [Аргументы и факты: Международное издание. №51, 2003. С.4].

Тронутый этой простой аналогией, священник взобрался на кафедру и произнес эмоциональную и длинную проповедь [Молодежь Эстонии — Суббота. №140, 2006. С. 33].

Христоня, **удовлетворенный**, замолкал [Шолохов М. // Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 274].

Причастные обороты с причастиями настоящего времени

В нашем сознании изображение свастики связано с фашизмом, и любой нормальный человек, **знающий об ужасах Второй мировой войны**, относится к ней негативно.. [Серафимов Б. Кресты. Формы, награды, символы. СПб., 2003. С. 17].

Движимый любопытством, я подошел поближе [Аргументы и факты: Международное издание. №30, 2004. С. 21].

Если бы не было усилий со стороны Востока, то консервативные настроения ученых Запада, **плохо понимающих интуитивно-логический путь в науке и считающих себя чуть ли не богами на земле**, привели бы к деградации всего духовного на нашей планете, нанеся непоправимый вред развитию науки [Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 167].

Зинаида Григорьевна — действительно человек будущего, **показывающий путь дальнейшей эволюции человека через одухотворение плоти** [Аргументы и факты: Международное издание. №27, 2004. С. 25].

И, как всегда у Булгакова, поразительна сама точка зрения автора, **спокойно вглядывающегося в разлом истории и видящего все достоинства и недостатки обоих миров**, то есть глубинную логику великих событий [Сахаров В. Сатира молодого Булгакова // Булгаков М. А. Ханский огонь. М., 1988. С. 13].

Как забыть, что бериевская компания, терроризируя одних, развязала самые темные, антисоциальные и даже античеловеческие инстинкты у других, что масса людей, **не имеющих гражданского мужества и моральной стойкости** (в особенности т. н. «запятнанные» и «бывшие»), пали жертвами этой компании [Домбровский Ю.О. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1993. С. 316].

Настало важное время, **позволяющее раскрыть себя в профессиональном плане** [Молодежь Эстонии — Суббота. №140, 2006. С. 33].

Не секрет, что многих мам, **находящихся долгое время дома с ребенком**, часто посещает чувство одиночества и бессилия [Аргументы и факты: Международное издание. Приложение. №30, 2004. С. 8].

Очевидно, что реклама достаточно сложное явление, **соприкасающееся и с экономикой, и с психологией, и с культурой** [Кару К. Условие в языке рекламы (на материале русского и эстонского языков) // Функции и взаимодействие языковых единиц в тексте. Таллинн, 2000. С. 47].

Оно почти не отражалось в воде, **рассекаемой ударами весел** [Горький М. // Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 229].

Пламя перебежало на хвою и, **раздуваемое ветром**, разгорелось со стонами и свистом [Полевой Б. Н. // Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Сборник упражнений по русскому языку для корректоров. М., 1986. С. 132].

Эти конструкции с различными предлогами представляют синонимические ряды, отличающиеся, однако, в оттенках значения, **выступающих в одних случаях более, а в других — менее четко** [Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 263].

Приложения с *как*

Друг наш (Виланд), который и здесь искал средние пути, старался сочетать оба принципа, но с сомнительных случаях, **как человек чувства и вкуса**, отдавал предпочтение первому из них [Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 33].

Как истинно русская женщина, ставящая знак равенства между словами «жалость» и «любовь», я принялась утешать Алешу [Cosmopolitan. Июль/август, 1998. С. 108].

Как поэт нового времени, Батюшков не мог, в свою очередь, не заплатить дани романтизму [Белинский В. Г. // Розенталь Д. Э. Сборник упражнений по русскому языку для подготовительных отделений вузов. М., 1982. С. 126].

Как религиозная девушка, Вера убеждена, что всякая любовная связь мужчины и женщины, не освященная таинством брака, греховна и безнравственна [Лебедев Ю. В. Художественный мир романа И. А. Гончарова «Обрыв»: Вступ. ст. М., 1996. С. 26–27].

Как язык мирового значения он [русский язык] также развивается в ряду общих языков мировой культуры — английского, французского и других [Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972. С. 28].

Крест как символ православия венчает каждый храм, часовню [Серафимов Б. Кресты. Формы, награды, символы. СПб., 2003. С. 77].

Мне, **как женщине**, понятно, что в жизни нужна опора, «каменная стена», нужен мужчина, что только очень сильная и очень любящая женщина может хранить верность умершему мужу [Аргументы и факты: Международное издание. №9, 2004. С. 7].

Мне **как маме** важно, чтобы сказка воспитывала. [Аргументы и факты: Международное издание. №49, 2003. С. 30]

Однако **как страстный, фанатичный христианин**, Гоголь не мог сознательно стремиться к суициду, и потому в «Энциклопедии литературицида» биографической справки о нем вы не найдете [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 20].

Особенную настойчивость проявляет Гэндзи. **Как человек умный**, он понимает, что я не фантазирую, и очень обеспокоен — уж не знаю, из-за меня ли или же из-за того, что его материалистические воззрения оказались под угрозой [Акунин Б. Любовница смерти. М., 2002. С. 222].

Причем, я думаю, на островах Тихого океана, **как изолятах**, можно встретить ранних арийцев, одичавших в незапамятные времена первых тысячелетий после всемирного потопа [Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 380].

Я, **как офицер и дворянин**, ни в какую службу к Пугачеву вступать не мог [Пушкин А. С. // Розенталь Д. Э. Сборник упражнений по русскому языку для подготовительных отделений вузов. М., 1982. С. 126].

Обороты с *будучи*

Будучи без роду и племени, круглый сирота, он безвыходно жил в училище [Помяловский Н. Г. В кн.: Навалихин Н. А. Системные отношения в категории полупредикативности // Синтаксические структуры русского языка... Иркутск, 1988. С. 75].

Будучи многозначным, глагол «быть» представлен в словарях целым рядом специфических лексикографических вариантов, базирующихся на инвариантном значении бытия [Щаднева В. Проявление имплицитности в морфолого-семантических вариантах глагола «быть» // Функции и взаимодействие языковых единиц. Таллинн, 2000. С. 68].

Будучи от природы незлопамятен, я искренне простил ему и нашу ссору и рану... [Пушкин А. С. // Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1960. С. 642].

Будучи уроженцем коммунистической страны, я всю свою жизнь был отделен от религии [Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 436].

Будучи человеком необычайно честным, он ограждал то, что любил, от тени сомнений [Эренбург И. В кн.: Навалихин Н. А. Системные отношения в категории полупредикативности // Синтаксические структуры русского языка... Иркутск, 1988. С. 72].

Будучи человеком очень скромным, Левен неохотно говорит о себе, зато с удовольствием рассказывает о местах, где были сделаны фотографии, о закате, который удалось «поймать», об удивительной коряге на берегу Байкала и т. д. [Московский комсомолец. №32, 1997. С. 17].

Глаголы поведения, **будучи оценочными словами**, представляют интересный материал для решения вопроса о соотношении денотативного и коннотативного в лексическом значении слова, о характере взаимообусловленности этих аспектов [Жданова О. П. Семантическая структура глаголов поведения // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 56].

Держать язык за зубами фрейлейн умеет, денег за свою услугу, **будучи девицей благородной**, конечно, не возьмет, но очень любит старинные драгоценности... [Акунин Б. «Левиафан». М., 2001. С. 152–153].

Интерес ученого к проблеме происхождения человечества не случаен. **Будучи ученым с широким кругозором**, Э. Р. Мулдашев начал осмысливать медицинскую проблему человеческой энергетики в философском и общечеловеческом плане, что, в конечном итоге, и вылилось в научное исследование таинственной проблемы происхождения человечества [Нигматуллин Р. Т. Вступ. Стат. // Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 5].

Мир кино манил к себе, но Игорь, **не будучи уверенным в своем призвании**, не сразу решился связать свою судьбу с искусством [Молодежь Эстонии — Суббота. №140, 2006. С. 19].

На первом круге молодому человеку достался червовый туз, символ любви, а на втором — череп. **Будучи человеком слова**, он застрелился [Акунин Б. Любовница смерти. М., 2002. С. 14].

По своим потенциям причастные и деепричастные конструкции приближаются к предложению. **Будучи глагольными узлами предложения**, они в отчетливой форме передают ситуативную информацию [Евтюхин В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке. СПб., 1997. С. 38].

Правда, сторонники Маяковского утверждали, что результаты выборов были фальсифицированы северянинским импрессарио, который, **будучи организатором вечера**, якобы опустил в урну двести фальшивых избирательных бюллетеней [Исаков С. Г. Русские в Эстонии (1918–1940). Тарту, 1996. С. 179].

Принцип буквального перевода долгое время какого-либо теоретического выражения не получал, **будучи привычным, само собой разумеющимся** [Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 25].

Причастие, **будучи *verbum infinitum***, двойственно по своим связям: оно связано и с глаголом, и с существительным [Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 157].

Причем Интернет, **будучи поначалу маргинальным сообществом**, нашел контакт прежде всего с такими же маргинальными структурами [Аргументы и факты: Международное издание. №29, 2004. С. 28].

...Степень облигаторности устно-литературной нормы выше, чем кодифицированной общелитературной, поскольку последняя, **не будучи продуктом автоматического возникновения речевого отрезка**, разрешает произвольное маневрирование с набором допустимых речевых средств и в этом смысле принципиально не чужда синонимии [Лаптева О. А. Нормативность некодифицированной литературной речи // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 6].

Сын Ивана Грозного, царь Федор, **сам будучи богобоязненным человеком**, кабак своего батюшки сломал, но облегчение было кратким — Борис Годунов вновь его открыл и назвал «Большим Царевым Кабаком» [Аргументы и факты: Международное издание. №33, 2005. С. 24].

Тельцы — преданные, стабильные в своих привязанностях люди. **Будучи довольно любвеобильными**, очень непросто расстаются со старыми партнерами [Карманная астрологическая газета: Твой гороскоп на каждый день. Телец, второй квартал 2002 года. М., 2002. С. 10].

Обороты с *являясь*

Именно любовь является гарантом сохранения и получения знаний в закрученных полях тонкого мира, **являясь одной из основ волновой формы жизни** [Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли? М., 2000. С. 424].

Интеллектуальная оценка, **являясь по своему содержанию отражением обобщенного разумного мнения о предмете или явлении**, располагает вследствие этого очень бледной шкалой, где выделяется всего лишь два основных деления: <...> [Жданова О. П. Семантическая структура глаголов поведения // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 56].

Ни один посвященный (лама, свами, гуру и т. д.), **не являясь физиком**, не сумел полученные свыше при медитации уникальные знания перевести на язык науки [Тихоплав В. Ю., Тихоплав Т. С. Физика веры. СПб., 2002. С. 59–60].

Произведения русских классиков дают для этого богатейший материал. Прекрасный язык их, **являясь результатом огромной работы писателя не только над подбором того или иного слова, но и над выбором той или иной формы, той или иной синтаксической конструкции**, наиболее точно и ярко передающей авторский замысел, служит образцом для работы учащихся над развитием их собственной речи [Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 296–297].

Религия, **являясь глубоко укорененным компонентом духовной и бытовой культуры общества**, косвенно влияет даже на поступки человека нерелигиозного [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 53].

Являясь представителем унисекс-поколения, как ты относишься к «половым» праздникам — 23 февраля и 8 марта? [Аргументы и факты: Международное издание. №9, 2004. С. 21].

Обороты с приложениями без связки

Для него, **опытного администратора, отличного знатока шариата и адата**, понятно, что помочь беднякам невозможно [Домбровский Ю. О. Творческий подвиг // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1993. С. 225].

Женщина выдающегося ума и энергии, она успевала руководить небольшим стекольным заводиком, приносившим более чем скромные средства к существованию, и заботиться о детях [Аргументы и факты: Международное издание. №9, 2004. С. 13].

Журе стал ее духовным пастырем, а Димаambo, **опытный предприниматель с сомнительным прошлым** (ему случалось отбывать срок за мошенничество), с успехом возглавил финансовую деятельность коммуны [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 91].

Мама, **преподаватель французского**, сама учила нас языкам и страшно возмущалась нашей «тупости» [Аргументы и факты: Международное издание. №43, 2003. С. 13].

«Не был, был, никогда больше не будет», — как выбито на плите на каком-то древнем римском кладбище. Во время одной из наших прогулок (или посиделок, не помню точно) я прочел эти слова, и Шухов — **страшнейший жизнелюб** — не омрачился, даже не задумался, а засмеялся: «Вот это уж никак не укладывается у меня в голове — никогда больше не будет» [Акунин Б. «Левиафан». М., 2001. С. 10–11].

Человек мнительный и подозрительный, лорд Литтлби очень боялся грабителей, и в хранилище денно и ночью дежурили двое вооруженных охранников [Акунин Б. «Левиафан». М., 2001. С. 10–11].

Эраст Петрович, **деликатный человек**, про детали расспрашивать не стал [Акунин Б. Пиковый валет].

Обособленные определения других типов

Архитектурная общественность запротестовала против здания, **похожего на несколько огромных «мешков с мусором»** [Аргументы и факты: Международное издание. №25, 2004. С. 10].

Всклокоченный, в мятом замызганном «белом» костюме с оттянутыми карманами и оборванными пуговицами, он, честное слово, сильно напоминал легендарную ворону, где-то добывшую кусочек сыра [Новиков В. Юрий Домбровский. Земной путь и лагерные мифы // Домбровский Ю.О. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1993. С. 347].

Другой сэр, из номера напротив, **гордый своей многоколенной родословной**, презрительно взглянул на беспородное двуногое и принялся чесать задней лапой за ухом [Аргументы и факты: Международное издание. №26, 2004. С. 10].

Начальство, **строгое к разному странствующему люду**, арестовало бы нас [Горький М. // Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 257].

Не по возрасту маленький и худой, он приобрел привычку сильно запрокидывать голову, стараясь скорее дорасти до товарищей [Семь, №12, 2003. С. 15].

Но в конце концов именно журналист, **бескомпромиссный и дотошный**, разрушил сусальную легенду и вывел махинатора на чистую воду. [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 83]

Оставаться ей в крепости, **подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным**, было невозможно [Пушкин А. С. // Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 270].

Поначалу я отвечал нахохлившись, **готовый к отпору**, но отец проявил столько просвещенного интереса по разным вопросам, что я, вдруг утратив чувство отчужденности, стал сверкать смелыми парадоксами, предвосхищая открытия в науке, создавая новую живописную школу [Форш О. // Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М., 1991. С. 455–456].

Собака, **уже никому не нужная**, одиноко поскуливала под столом [Робски О. Про любовь/он. М., 2005. С. 265].

Чересчур подвижный, груботелый, <...> он вызывал какое-то беспокойство... [Шолохов М. // Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 246].

Обособленные обстоятельства других типов

А вот школа действительно стала проблемой — **по причине моего несогласия с постоянными похвалами учителей**, нисколько не связанными с действительными успехами ученика [Аргументы и факты: Международное издание. Приложение. №9, 2004. С. 6].

Благодаря многим надписям, изображениям, оставленным на память и в назидание нам, можно с большой долей уверенности говорить о том, что первоначально применялись лишь два графических начертания креста: крест «прямой» и крест «косой» [Серафимов Б. Кресты. Формы, награды, символы. СПб., 2003. С. 13].

Благодаря трудной победе над сборной Тринидада и Тобаго, сборная Англии вышла в 1/8 финала чемпионата мира по футболу в Германии [Молодежь Эстонии — Суббота. 17 июня 2006, №140. С. 35].

В таких случаях, **за неимением другого материала,** может привлекаться и героический эпос [Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 34].

Ведаю, что такие стихи иными стихами, **за недостатком рифмы,** не покажутся, но ежели они изволят прилежно примечать, найдут в них некое мерное согласие и некий приятный звон, который, надеюсь, докажет, что в сочинении стихов наших можно и без рифмы обойтись [Кантемир А. Д. // Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972. С. 167].

Застонав, **словно от зубной боли,** Эраст Петрович метнулся обратно к вестибюлю [Акунин Б. Пиковый валет].

Как правило, он останавливается в небольших отелях, **подальше от назойливых журналистов** [Аргументы и факты: Международное издание. Приложение. №9, 2004. С. 2].

Кстати, в Европе семья Бахтиновых побывала, **по старой советской армейской традиции,** «на танке» — в составе роты охраны советских представительств за рубежом [Аргументы и факты: Международное издание. №9, 2004. С. 31].

Почтенные прелатологи Библии, **по набожному образу мыслей,** переводили слово в слово, не опасаясь оскорблять язык, еще не имевший словесности, и не думая, хорош ли такой-то оборот или нет [Гнедич Н. И. // Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск, 1972. С. 76].

Слуга, **из чувства приличия,** а может быть и не желая остаться под барским глазом, зашел под ворота и закурил трубку [Тургенев И. С. // Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1960. С. 593].

Цитированные отзывы Белинского показывают, как много значили — **именно в силу общей художественной убедительности и языкового мастерства** (несмотря даже на многочисленные отдельные отступления от смысла и тона подлинника) — переводы Жуковского в глазах самого прогрессивного критика середины века, выразившего интересы передового читателя [Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983. С. 49].

Через один поворот (на набережную Москвы-реки), **согласно инструкции,** «номер первый» отстал, и вперед, по сигналу Фандорина, вышел «номер второй», а «первый» пристроился в самый хвост. Застонав, словно от зубной боли, Эраст Петрович метнулся обратно к вестибюлю [Акунин Б. Пиковый валет].

Эта часть <...> включена в книгу вынужденно, **вследствие уже упомянутого отсутствия отечественной литературы по теме** [Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 1999. С. 13].

Примеры из источников на эстонском языке

Герундивные обороты

1947. aastal raputas moemaailma uus revolutsioon — Diori new look. Chanel jälestas uut stiili ning ahastas **nähes**, et kõik tema saavutatud niimoodi üleöö vastu taevast lendas [Naiste maailm (<http://naistemaailm.ee>). Vastuoluline moelegend Coco Chanel. Lisatud 07 jaanuar 2010].

Aadu tõusis süngilt, **nagu aimates midagi** [Viirlaid A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 213].

Aga **nähes verevate laugudega nutetud silmi, valust moondunud ja soolastest pisaratest laigulist nägu ning kokkusurutud huuli**, vaiksivad nad, peatusid ja vaatasid pead vangutades minejale tagant järele [Metsanurk M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 6].

Ahju uks oli lahti unustatud, ahi naksus **jahtudes** ja ahju suust paistsid kapsapott ning lihapann [Luik V. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 403].

«Ega minagi papist poiss ole!» seletas ta **otsenagu vabandades...** [Traat M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 300].

Ehkki kõik tuumaga rakud on vähesel määral võimelised tootma IFNI, on peamised IFNI allikad viirusnakkuste korral plasmatsütoidsed dendriittrakud, **tootes seda umbes tuhat korda teistest rakkudest rohkem** [Eesti loodus. Artikkel: Organismi immuunvastus gripiviirusele. №12, 2009].

ELi Nõukogu kehtestab nelja peamise tööstusliigi — räime, kilu, tursa ja lõhe lubatud püügimahud Läänemeres, **lähtudes teadlaste, eeskätt rahvusvahelise mereuurimise nõukogu (ICES) ja Euroopa Komisjoni soovist** [Eesti loodus. Artikkel: Läänemere kalanduse olukord pole kiit. №11, 2009].

Emad ja isad suhtuvad poistesse ja tüdrukutesse erinevalt, mille tagajärg on poiste ja tüdrukute erineva identiteedi kujunemine, **lähtudes täiskasvanuea ülesannetest** [Haridus. №6–7, 2004. C. 19].

Endised kooskondlikud struktuurid (näiteks kutse- ja rahvusühendid) muudavad oma ilmet, **asendudes huvirühmadega**, mis keskenduvad teatud probleemidele [Haridus. №6–7, 2004. C. 10].

Ent patt oleks jahimeestele maksta rebaste ja kährikkoerte sabade ettenäitamise eest, **teades**, et loomad ise on jäänud koos nahaga metsa mädanema [Eesti loodus. Artikkel: Karusnahk: kas lõplikult unustatud asi? №11, 2009].

Esimese maailmasõja saabudes olid ka seni rantjee-elu nautinud ilunaised üha sagedamini sunnitud tööle asuma ning vajasid seetõttu muidugi ka mugavamat riietust [Naiste maailm (<http://naistemaailm.ee>). Vastuoluline moelegend Coco Chanel. Lisatud 07 jaanuar 2010].

Hando Runnel on olnud ka viljakas lastekirjanik. Ta räägib lastega tõsiselt, **seades eesmärgiks nende silmaringi ja mõttemaailma arendamise** [Hennoste M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 328].

Haukusid nõutult üksi jäänud koerad, kriiskas **meelt heites** mõni neitsi, kelle kallal tarvitati vägivalda, halises mõni mahajäänud laps... [Metsanurk M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 15].

Horisontaalteljel on õpetajaskond jaotatud 12 grupiks, **lähtudes sellest**, milline on kellegi lisatöö maht (tundides) ühe klassitunni kohta [Haridus. №6–7, 2004. C. 27].

Hõõrdepaari määrimisel tekib liugelaagri välimisele osale võlli ümber määrdeainest «krae», millel on tihendav omadus, **takistades tolmu ja mustuse sattumist liugelaagri sisemusse** [Inseneeria. №1 (19), 2010. C. 41].

...Härrad priimast, **harrastades hiilgavat eraldumist**, omaette seistes näppisid udemeid ülahuulel ja kõnelesid summutatud häälega asjust, millest lapsed midagi ei teadnud [Ristikivi K. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 126].

Igasuguseid ressursse tarbides kiputakse ikka saagima oksa, millel ise istutakse! [Eesti loodus. Artikkel: Kalade ja kalavarude kaitse ajaloost Eestis. №5, 2010].

Inimene ei suuda end elus hoida, **omastades toitaineid õhust ja veest** [Eesti loodus. Artikkel: Karusnahk: kas lõplikult unustatud asi? №11, 2009].

Inimesed jäid **uudistades** seisma [Sikimäe I. // Eesti uuem novell. Tallinn, 1986. C. 106].

Inimkonna arvukuse kasvades suurenes ka nõudlus loodusvarade, sealhulgas kala järele [Eesti loodus. Artikkel: Kalade ja kalavarude kaitse ajaloost Eestis. №5, 2010].

Isabel tõusis poolistukile, tõmmates jalad enda alla, kattes seejuures põlved resolootse liigitusega, **nagu tahtes oma ennistist naiselikku provokatsiooni olematuks teha** [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 137].

Ja Minna võpatas vihast, **mõeldes oma lähedasele minevikule** [Vallak P. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 41].

Ja nagu mõistes teise mõtteid, ütles mõtlik major: «Nii ta juba on elus... Koos saime vaenlastest võitu, aga üksi ja igauks omaette... ei saanud mõnigi mees iseendast võitu» [Maasik E. // Eesti uuem novell. Tallinn, 1986. C. 37].

Ja nii vaatasid nad teineteisele põiki üle usside näritud kapsapeade ja lihavate punaste peedilehtede, kuni Isabella nurgale lähenedes Martin Justus pea tagasi tõmbas, **meenutades**, et alt tänavalt või kapsaaias töötajaist keegi võib tema kaelaõiendamise peale tähelepanelikuks saada [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 133].

Ja ta vaatas **kinnitust otsides** peainseneri poole [Traat M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 300].

Keegi ei kõnelnud temaga enam samal kombel nagu kevadel. Pigem löid pilgu maha ja hiilisid mööda, **nagu kartes**, et haige nende mõtteid võiks lugeda [Uibopuu V. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 153].

Kiirustades hakkas ta riideid vahetama. Tõmbas riidepuud põrandale **pillates helesinise triiksärgi kapist välja**. Heitis pilgu kaelusele — see polnud just kõige puhtam, tegi kõvera grimassi, vedas särgi siiski selga, sidus kähku lipsu ette, kahmas käigu pealt pintsaku õlgadele ja kadus — teadagi kuhu [Traat M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 304].

Kui Tuunas vedas teda **naljatades** oma asemele, siis laskis ta seda puiklemata sündida [Vallak P. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 42].

Kui varasemate põlvkondade integreerumist tööturule võis käsitada suhteliselt lühiajalise ja probleemivaba sündmusena, siis tänapäeva noorte jaoks on see märksa komplitseerium, **tuues kaasa palju muutusi ja põhjustades segadust ning ebakindlust** [Haridus. №6–7, 2004. C. 16].

Kuid nüüd **sügise saabudes** tuli tal lõplikult kambrisse asuda: väljas oli juba külm [Vallak P. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 42].

Kuid samas paisus sumin jälle **oma korrapäratut seadust järgides** ning mehe hääl mattus üldisesse lärmi [Valton A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 284].

«Kuidas õukond sulle meeldib?» küsis ta, **lootes narri vastusega karistada oma alamate jultumust** [Promet L. // Eesti uuem novell. Tallinn, 1986. C. 18].

Kummatigi teevad väga valesti need, kes kalduvad antiikse Kreeka kirjanduslike traditsioonide tähtsust alahindama või isegi eirama, **märkides nende kaugust imetlust pälvivaist «alglätteist»** [Kaalep A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 267].

Kõrgeim punkt jääb Piiri küla aladele, **ulatudes Eesti põhikaardi andmetel 35,1 meetrit üle merepinna** [Eesti loodus. Artikkel: Kas Piirissaar ikkagi kahaneb? №11, 2009].

Käsitlus on sünkrooniline, **arvestades tänapäeva eesti keele kasutust ja kasutajat** [Metslang и др. 2003: 13].

Küll on aga teada, et ligikaudu 20–40% (olenevalt erialast) õpetajakoolituse läbinutest ei lähegi kooli tööle, **kartes õpetajaameti raskusi** [Haridus. №6–7, 2004. C. 29].

Lea aeglustab sammu, **teades**, et kui tema seda ei tee, paneb Mart endise valuga edasi [Traat M. // Eesti uuem novell. Tallinn, 1986. C. 4].

Ma võtsin viimse jõu kokku ja tegin suure hulga kõige hullemaid tempe, **lootes**, et sellega Ludmilla tähelepanemist uuesti enese peale juhiksin, aga ta ei tahtnud minu hullustustest enam hoolida [Bornhöhe E. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 117].

Meie poeg tuli tagasi, **meeles pidades oma lapsekohuseid**, mis ka alavääriliste vanemate vastu mitte ei kustu [Vilde E. // Mihkla и др. 1974: 444].

Meie õnnis Faehlmann, kes väsimata agarusega saagasid korjas, on kahjuks Kalevipojast ainult väikese osa põgusalt paberile pannud, kuna ta — **oma suurepärast mälu usaldades** — kuni oma hauani end väära lootusega hellitas, et tal õnneks läheb kord täielikku tervikut anda [Kreutzwald F. R. // Eesti kirjandus tekstides. 1. osa. Tallinn, 1996. C. 40].

«Misjaoks me seda siis üldse teeme?» sosistas Juulius, **unustades**, et see oil juba jälle koolikorra ja põhimõtete vastu [Ristikivi K. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 128].

Mu ema, **tahtes selle ebamäärase prantsuse veretilga tõttu pääseda juutluse märgist**, mida ta mõneti oli omal nahal tunda saanud Peterburis, vahetas Eestisse asudes juudi usu vene õigeusu vastu [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 139].

Mustas riides rändurit nähes peatusid nad ehmunult, seisatasid hetke, vahetasid mõne argliku sõna ja pöördusid joostes ning kisades küla poole [Metsanurk M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 13].

Nii Euroopa Kontrollikoda kui ka Euroopa Komisjon on praegusele kalanduse järelevalvesüsteemile andnud väga kriitilise hinnangu, **leides**, et järelevalvesüsteem ei suuda tõhusalt tõkestada illegaalset kalapüüki [Eesti loodus. Artikkel: Läänemere kalanduse olukord pole kiit. №11, 2009].

Ning kui ta siis temaga kõneles, siis oli see enam haukumine, **pildudes sõnu ühekaupa, vastumeelselt** [Vallak P. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 41].

«Noh, tema nüüd küll kuuma supi ees ei istu,» ütles major, **justkui tänades Karli kaasatunsmise eest** [Maasik E. // Eesti uuem novell. Tallinn, 1986. C. 36].

Nähes aga seniste ususüsteemi dogmade kokkuvarisemist, tunnevad nad vajadust sellest tulu saada... [Maasik E. // Eesti uuem novell. Tallinn, 1986. C. 50].

Nähes, et revolutsioonilise sotsiaaldemokraatia mõju kõikjal tööraha hulgas kiirest kasvas, võtsid föderalistid oma partei eelprogrammi üle selle osa VSDTP programmist [Mihkla и др. 1974: 440].

Oli loomulik, et **mõistes halvasti nii riigikeelt**, mis tuli, **kui ka kohalikku kultuurikeelt**, mis minema pidi, nad tegid oma kommentaarid hoopis kohatus ja igapidi keelatud keeles, millel polnud ei elavat võimu ega surnud kultuuri [Ristikivi K. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 125].

Olin ma tsensoritöö teinud, jäin vait ja vaatasin **kiitust oodates** isale pinevalt näkku [Luik V. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 407].

Otseselt neiu küsimust vältides küsis Martin Justus omakorda: «Kas teis on siis prantsuse päritolu?» [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 135].

Pealegi said teised varsti nende saladuse jälile ja tegid kuningatütre jaoks kõrge tuleriida, et teda nõiduse pärast ära hukata. Kuningapoeg kaotas **sesta kuuldes** lootuse ja uputas enda järve [Kangro B. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 107].

Romantismi taandudes kirjutas Bornhöhe satiirilisi jutustusi ning realistlikke jutte Tallinna elust ja olust [Hennoste M. // Eesti kirjandus tekstides. 1. osa. Tallinn, 1996. C. 108].

Rootsis eraldus ta kodu-Eesti luule traditsioonidest, **hakates järgima sürrealismi esteetilisi tõekspidamisi** [Hennoste M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 197].

Samuti peab sihtrühm oskama info-ookeanis orienteeruda, **seistes küsimuse ees**: «Kust ja mil moel saab vajalikku infot leida kõige kiiremini?» [Eesti loodus. Artikkel: Jätkusuutlikkuse näidikulaud: tarkvara, mis ergutab huvilist statistikat analüüsima. №12, 2009].

Seda tehti **ootajate heaolu silmas pidades** — et keegi oma rongi maha ei magaks [Valton A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 289].

Seisab paigal ja vahib arupidavalt maha, **nagu püüdes endas selgusele jõuda** [Krusten P. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 52].

Seni oli globaliseerumine olnud põhiliselt inimeseväline, **puudutades eelkõige väljapoole suunatud soove ja himusid rahuldavaid tarbeasju**, kuid globaliseerimine oli moderniseerinud suhteid inimeste vahel [Haridus. №3–4, 2004. C. 11].

Siis tundis ta jalas valu, kargas maast, haaras kepi ja jooksis metsalistele järele, **tahtes neid hirmsas vihas viimseni tappa** [Metsanurk M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 9].

Suitsu otsa tuld võttes viivitas ta vastusega [Angervaks H. // Mihkla и др. 1974: 440].

Suve süda saab läbi, paras age natuke ringi kaeda, arutas Karl **just nagu ennast lohutades** [Maasik E. // Eesti uuem novell. Tallinn, 1986. C. 22].

Sõja saabudes sulges ta oma moemaja, kuid jäi elama Saksa okupatsiooni alla langenud Pariisi... [Naiste maailm (<http://naistemaailm.ee>). Vastuoluline moelegend Coco Chanel. Lisatud 07 jaanuar 2010].

Ta kasutas juhust, kui härra Semmelin häält tõstis, et oma vaese naabri aadressil veel üks «lollpea!» ütelda, ja jäi siis rahule, **teades**, et oli oma parima teinud [Ristikivi K. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 125].

Talve lähenedes on suvised regulaarsed lõunamaareisid asendunud kohalike kalastusretkedega Väinameres ja Liivi lahel Muhu ranniku läheduses [Eesti loodus. Artikkel: Kalade ja kalavarude kaitse ajaloost Eestis. №5, 2010].

Talve vastu valmistudes ta võttis üles külmakartlikke juurikaid ja asetas maha varajaste kevadlillede sibulaid [Uibopuu V. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 15].

Tegin nendest ümmarguste nikkeloielededega lilleõisi ning hindasin neile pahinal peale **nagu lootes**, et neile hing sisse tuleb [Luik V. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 402].

«Torditeadus», pomises noormees omaette, **püüdes säilitada üleolekut targa jutu suhtes** [Valton A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 280].

Tundes hambaid rõivastes, ajas ta enese ometi veel püsti ja rohmas huupi kepiga [Metsanurk M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 8].

Tänavu 2. aprillil allkirjastati Venemaa ja Prantsusmaa leping, mille järgi omandab Prantsuse firma GDF Suez 9%-lise osaluse Nord Streami ehitusel, **saades 4,5% aktsiaid nii E.ON-ilt kui BASF-ilt** [Eesti loodus. Artikkel: Nord Stream, ajapomm Läänemeres. №5, 2010].

Töötajad vahetavad kergesti töökohti, **pidades silmas oma individuaalsete eesmärkide saavutamist**... [Haridus. №6–7, 2004. C. 7].

Viirusvastane esmane kaitse (interferoonid, NK-rakud, komplement) hoiab infektsiooni kontrolli all, **andes adaptiivse immuunsüsteemi viiruse spetsiifilistele B- ja T-rakkude kloonidele aega tekkida ja paljuneda** [Eesti loodus. Artikkel: Organismi immuunvastus gripiviirusele. №12, 2009].

Võib-olla jäi mõni **nende olematute kangelaste saatust jälgides** koguni rongist maha [Valton A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 284].

Võimalikka äpardusi ette nähes laseksime vast kuuenda veel pealekauba tulla, igaks juhtumiseks [Raudsepp H. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 35].

Причастные обороты

Elanud päevast päeva, aastast aastasse ühetoonilist elu, olid talle küllakutsed kolleegide poolt alati teretunud vahelduseks [Semper J. // Mihkla и др. 1974: 445].

«Hoia me vastu... Küll see äkiline tuul pöördub! Või jääb öö poole maha...» seletas **merd näinud** ja tunde vanamees [Mälk A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 73].

«Hoia me vastu... Küll see äkiline tuul pöördub! Või jääb öö poole maha...» seletas **merd näinud ja tunde** vanamees [Mälk A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 73].

Isa Brunberg, **juba maalgi nii korduvalt tööala vahetanud**, proovis ka linnas esialgu seda ja teist [Nirk E. // Mihkla и др. 1974: 449].

Karmi korruga orbudekodus kasvanud Chanelile imponeerisid praktilisemad meesterõivad ning rustikaalsemad materjalid [Naiste maailm (<http://naistemaailm.ee>). Vastuoluline moelegend Coco Chanel. Lisatud 07 jaanuar 2010].

Kurja isa ähvardusest hirmutatud, hakkas tüdruk nutma [Mihkla и др. 1974: 445].

Mari tõrjus **kambriuksele piiluma kippuva** pisikese tüdruku pehmel käel ja suusosinaga tagasi [Rebane H. // Mihkla и др. 1974: 445].

Minna riietus kähku, **jubedustundest vallutatud** [Vallak P. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 46].

Minu isa oli suur jutumess, **noores eas palju käinud ning raamatuid ja ajalehti lugenud** [Vahtra J. // Mihkla и др. 1974: 450].

Need maailmakuulsused olid arusaadavalt väsinud, **tülpunud neist noortest**, kes vist igas linnas püüdsid nendega ühendust saada, ette mängida, veendunud oma erakordses andes [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 140].

Need maailmakuulsused olid arusaadavalt väsinud, tülpunud neist noortest, kes vist igas linnas püüdsid nendega ühendust saada, ette mängida, **veendunud oma erakordses andes** [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 140].

Noorhärрад sekundast aga — kõiketeadjad ja **läbini õpetatud** — olid igasugustest lapsikustest üle, vähemalt enamasti ja eriti nooremate juuresolekul... [Ristikivi K. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 126].

«Preili hakkas mind armastama», kordas poiss, **nagu kästud** [Vilde E. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 123].

Puhata tahavad inimesed, **väsinud oma tööst** [Mihkla и др. 1974: 445].

Põhjataul, **tõmmanud lõõtsa täis Kamtšatka külmust**, hingab näkku, kaarab kõrvadest ja nihutab kaldalähedasi, madalaid ja teravaid laineid aina lõunasse [Smuul J. // Mihkla и др. 1974: 445].

Seesama töö, **sotsiaalselt piiritletud ja töötasuga kinni makstud**, on esmane sotsialiseerimisfaktor, sotsiaalselt üheti mõistetav ja isiksuse identiteeti kujundav [Haridus. №6–7, 2004. C. 19].

Töötanud mõnda aega, eriti tolmustes tingimustes, hakkab hõõrdepaar aga kuluma perioodilisest määrimisest hoolimata [Inseneeria. №1 (19), 2010. C. 40].

Vihasemalt kui kiskjaile kargasid neile õuedest koerad vastu, aga pagesid ulgudes laiali, **haavatud või hirmutatud visatud odast** [Metsanurk M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 14].

Väsinud ootusest, istusid nad õues, mingi töö näppude vahel, aga huuled liikusid neil ja nad kordasid hääletult lühikesi palveid, mis paater mullu lombakule õpetanud [Metsanurk M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 11].

Обороты с *olles*

Isa oli neid ka ise vaatamas käinud, **kord siin kandis ehitustöödel olles** [Kruus O. // Mihkla и др. 1974: 439].

Joosep läks näost punaseks, **olles näiliselt suures kitsikuses**, ja hakkas kogeleva [Vilde E. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 127].

Karl kergitas enast natuke, **ikka veel kahevahel olles** [Maasik E. // Eesti uuem novell. Tallinn, 1986. C. 30].

Kõver adnikunuga ta taskus kipub pihku, **valmis kohe lõikama** [Krusten P. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 51].

Nii oli esimene kaitseala, kus suur pindala metsa üsna segamatult vananeda sai, Lahemaa rahvuspark: järgmisel aastal tähistab see oma neljakümne aasta juubelit, **olles esimene rahvuspark Nõukogude Liidus** [Eesti loodus. Artikkel: Sada aastat kaitsealasid Eestis. №5, 2010].

Pikkamisi mindi tagasi, **olles valmis vastuhakule** [Metsanurk M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 16].

Samas tähendab asjaolu, et töö, **olles üks olulisemaid institutsioone**, on muutumas üha dünaamilisemaks, et töötajad peavad olema valmis töösfääri uuteks väljakutseteks [Haridus, №6–7, 2004. C. 9].

Tõdemus, et igaüks peab ise ennast aitama, on individualiseerimise üks tumedamaid külgi, sest inimene, **olles alati mingi sotsiaalse koosluse esindaja**, on üldiselt harjunud toetuma teistele [Haridus, №6–7, 2004. C. 8].

Конструкции с приложением

1949 eksmatrikuleeriti [A. Kalep] **süüdistatuna «dekadentliku» luule kirjutamises** [Hennoste M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 259].

Aluseks on kindlasti rahvuslikud väärtused, kaasa arvatud protestantlik tööeetika, millele me **eestlastena** õigusega uhked oleme [Haridus, №6–7, 2004. C. 15].

Esseistina on kirjanikku huvitanud inimese-looja suhted ühiskonna ja kõiksusega [Hennoste M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 328].

Jalgpalli fännina tean, et kõik oleneb meeskonnast, kuid tähtsates situatsioonides ka kaptenist [Inseneria. №6 (24), 2010. C. 40].

Kaplinski loomingu teine oluline osa on esseistika, mida on rohkesti tõlgitud võõrkeeltesse. **Esseistina** huvitavad teda keele-, kirjandus- ja ökoloogiaküsimused ning nende filosoofiline tõlgendus [Hennoste M. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 340].

...Kui meil konkreetselt teada on, et VI saj. esimesel poolel Lesbose poet Alkaios **poliitilise emigrandina** mõnda aega viibis nii Babüloonias kui Egiptuses, võime arvata, et tal sealsete sõnakunstnikegagi mingeid suhteid oli [Kaalep A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 266].

Kui õige rahva laps ei raatsi ma ise raamatuid osta; ma olen töötanud alles siis oma esimese raamatu osta, kui viin ja tubakas muidu saada on [Bornhöhe E. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 109].

Kust ma, **lesknaine**, seda täismehed jõudu... [Mälk A. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 73].

Kärsituna võttis Mart rohelise kannu ja hakkas kastma [Krusten P. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 56].

Mis mina, **rumal vanainimene**, siin ikka mõistan arvata [Luik V. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 399].

Nii ongi jätkusuutlikkuse näidikulauas lähtunud valgusfoorivärvide loogikast **kui liiklusest tuntud märgisüsteemist** [Eesti loodus. Artikkel: Jätkusuutlikkuse näidikulaud: tarkvara, mis ergutab huvilist statistikat analüüsima. №12, 2009].

Niiske ülikond oli **heintele visatuna** kortsud sisse võtnud [Gross V. // Mihkla и др. 1974: 454].

Noorhärрад sekundast aga — **kõiketeadjad** ja läbini õpetatud — olid igasugustest lapsikustest üle, vähemalt enamasti ja eriti nooremate juuresolekul... [Ristikivi K. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 126].

Osa omadusnimedest kuulub **püsikeelenditena** eesti keele sõnavarasse [Metslang H., Krall I., Pajusalu R., Saarso K., Sõrmus E., Vare S.. Keelehärm: Eesti keele probleemseid piirkondi. Tallinn 2003: 22].

Palju mulle, **vanale inimesele**, vaja on [Liiv J. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 166].

Paul oli tähelepanelikult jälginud igat lauset, **kaasahaaratuna kõne loogilisest arengust** [Semper J. // Mihkla и др. 1974: 454].

Praktilise inimesena taipas Chanel musta värvi universaalsust ja ühendas selle lihtsama kleidisiluetiga [Naiste maailm (<http://naistemaailm.ee>). Vastuoluline moelegend Coco Chanel. Lisatud 07 jaanuar 2010].

Sakslasena, kelle riik on minu kurvastuseks eksinud stabiilsuskriteeriumide vastu korduvalt, ei ole mul õigust soovitusi anda [Inseneeria. №6 (24), 2010. C. 39].

Tallinna külastavad ju nii paljud maailmakuulsad juudi kunstnikud, kes **maailmakodanikena** muidugi ei olnud enam huvitatud sinu usust [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 138].

Teadmiste ja kultuuri edastajana püüab kool oma ülesandeid küll täita, kuid jääb sageli neile alla just seepärast, et faktiteadmisest on saanud iidol, mis varjutab aruka isetegemise teadmiste rakendamisel [Haridus, №6–7, 2004. C. 11].

Teisel hommikul ärkas Martin Justus mingi heli peale, mis talle meenutas merd ning purjede plaginat, ja veel **unesegasena** kujutles end olevat mingil purjekal, kuni plagina edasikestmine tõi ta täielikult teadvusele [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 132].

Tema isa **suure muusikaarmastajana** oli oma poja ristinud Sebastianiks... [Ristikivi K. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 126].

Tootlikkust üritati suurendada ka kalastikku ümber kujundades, tuues sisse uusi kalaliike (võõrliike). Edu saavutati vaid hõbekogre **kui vähenõudliku liigiga**, mõningal määral ka peledi ja tõirriga [Eesti loodus. Artikkel: Kalade ja kalavarude kaitse ajaloost Eestis. №5, 2010].

Vanematel on **nõuandjatena** oluline roll [Haridus. №6–7, 2004. C. 20].

Veel 19. sajandi lõpus arvati, et **taastuva loodusvarana** on kalavarud sisuliselt ammendamatud (eelkõige maailmameres) ning sellest võiks inimkonnale jaguda määramata ajaks [Eesti loodus. Artikkel: Kalade ja kalavarude kaitse ajaloost Eestis. №5, 2010].

Võib-olla oleksin ma ise kaotajana Tallinna ema juurde tagasi pöördunud, **lööduna**, aga siiski inimesena rikkamana [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 142].

Ütlesin talle, et mu ema ootab all, kas ta ei tahaks temaga tutvuda. «Meeleldi», — ütles ta **vilunud seltskonnainimesena** [Helbemäe G. // Eesti kirjandus tekstides. 2. osa. Tallinn, 1998. C. 141].

Конструкции с формой супина на *-mata*

Ning **ootamata minult vastust**, astus ta pikki ning vihadeid samme võttes oma pinki... [Jakobson C. // Mihkla и др. 1974: 441].

...Ometi aga oli ta ikka ühteviisi rahulik ning kõva nagu kivi, **laskmata kõrvalistel inimestel hetkeski märgata**, kui raske tal vahetevahel tõepoolest oli [Kruus O. // Mihkla и др. 1974: 440].

Ootamata vastust, lahkus ta uhkena, õelana vallamajast [Jakobson C. // Mihkla и др. 1974: 444].

Примеры для контрастивного анализа

Приведенные ниже параллельные примеры взяты из романа Б. Акунина «Турецкий гамбит» и книги Ю. Лотмана «Культура и взрыв» и переводов этих книг на эстонский язык. Полные выходные данные изданий указаны в списке «Источники», а в приложении после каждого примера на русском языке уточняется, о котором из изданий идет речь («ТГ» означает «Турецкий гамбит», «КВ» — «Культура и взрыв») и приводится номер страницы для данного примера. Параллельный пример на эстонском языке тоже содержит указание на номер страницы в эстонском издании.

Деепричастные обороты с деепричастием НСВ

А Александр шел, как ему казалось, к реализации своей утопии — военно-поселенной России, **веря**, что тогда он сбросит все эти позорные узы и снова предстанет в облике спасителя России и Европы, примирившего свободу с волей Господа [КВ: 154].

Варя назвалась и коротко рассказала о своих приключениях, **чувствуя безошибочным инстинктом**, что Соболев ее не выдаст и в Букарешт под конвоем не отправит [ТГ: 35].

Варя ударила осла каблуками в раздутые бока и затрусилась следом, **боясь верить**, что опасность миновала [ТГ: 26].

— Ваше высокопревосходительство? — нахмурился Соболев, **видя**, что за спинами вошедших синеют жандармские мундиры [ТГ: 234].

Всё-всё, об этом больше ни слова! — вскинул он ладонь, **предупреждая вопрос**, уже готовый сорваться с Вариных губ [ТГ: 183].

Генерал Соболев, **действуя по собственной инициативе**, прорвал турецкую оборону и вышел на южную окраину Плевны [ТГ: 202].

Aleksandrile näis, et ta ligineb oma utopia — sõjaväeasunduste Venemaa — teostumisele, **ja uskus**, et siis heidab ta endalt häbiväärsed köidikud ning ilmub taas välja Venemaa ja Euroopa päästjana, kes lepitab vabaduse Jumala tahtega [114].

Varja tutvustas end ja rääkis lühidalt oma seiklustest, **aimates eksimatu vaistuga**, et Sobolev teda ei reeda ega kupata konvoi saatel Bukaresti [27].

Varja togis kotsadega eesli prinke külgi ning sörkis järele, **julgemata uskuda**, et oht on möödas [21].

«Teie kõrgeausus?» kortsutas Sobolev kulmu, **nähes sisseastunute selja taga sandarmimundreid sinetmas** [169].

«Kõik, kõik, rihkem sellest mitte sõnagi!» **peatas ta käetõstmisega küsimuse**, mis oli juba valmis Varja huulilt lendu tõusma [133].

Kindral Sobolev, **tegutsedes omaenda algatusel**, murdis läbi Türki kaitsest ja tungis Plevna lõunapoolsesse eeslinna [147].

Дальнейшее поведение Фотия было вызывающе экстравагантным. Возможно, что он действительно переживал мистические видения, доводя себя аскетическим поведением, веригами и постом до высочайшего нервного напряжения [КВ: 149–150].

Для нас эта точка зрения интересна не сама по себе, а поскольку она оказывала сильное давление, особенно на Руси, на собственно рыцарские тексты, создавая такие креолизованные, внутренне противоречивые произведения, как «Житие Александра Невского», и сильно влияя на концепцию чести и славы летописца-монаха [КВ: 84].

Единоборство самцов-олений ведется ради главенства над стадом, и стадо идет за победителем, коллективно вычеркивая побежденного из своей памяти. Нельзя себе представить такую картину: одна из самок оленьего стада, не разделяя общих чувств, остается с побежденным [КВ: 53].

Животные, охотясь или защищаясь, могут применять тактику обмана [КВ: 200].

Заинтересовавшая нас проблема, как мы видели, осуществляется на грани физиологии и семиотики, постоянно меняя центр тяжести то в одну, то в другую сферу. Как семиотическая, она не может быть искусственно отделена от других социокультурных языков, в частности, от конфликта физиологического и культурного аспектов [КВ: 173].

— Здесь не может быть никакого взаимоуважения, — горячо говорил Маклафлин, очевидно, отвечая на реплику д'Эвре [ТГ: 72].

Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых певцов [КВ: 159–160].

Photiuse edasine käitumine oli väljakutsuvalt ekstravagantne. On võimalik, et viinud oma närvid askeetluse, lihasuretamise ja paastuga äärmuslikku pingeseisundisse, koges ta tõepoolest müstilisi nägemusi [110].

See seisukoht ei ole meile huvitav iseenesest, vaid seetõttu, et avaldas tugevat survet, eriti Venemaal, tõelistele rüütlitekstidele, kutsudes esile niisuguseid kreoliseeritud, sisemiselt vastuolulisi teoseid nagu Püha Aleksander Nevski «elu», ning mõjutas oluliselt mungast kroonikakirjutaja au- ja kuulsusekontseptsiooni [65].

Isaste põtrade kahevõitlused toimuvad ülemvõidu pärast karjas ning kari järgneb võitjale, kustutades võidetu kollektiivselt oma mälust. Võimatu on endale ette kujutada olukorda, kus üks põdrakarja emasloomadest jääks võidetuga ega jagaks üldisi tundeid [43].

Loomad võivad jahti pidades või end kaitstes kasutada pettetaktikat [147].

Nagu näeme, asub meid huvitav probleem füsioloogia ja semiootika piirimal ning selle raskuskese nihkub pidevalt kord ühte, kord teise valdkonna. Semiootilisena ei saa teda kunstlikult eraldada teistest sotsiokultuurilistest koodidest, sealhulgas ka füsioloogilise ja kultuurilise aspekti konfliktist [129].

«Siin ei saa olla mitte mingisugust vastastikust lugupidamist», rääkis MacLaughlin tuliselt, nähtavasti d'Hevrais' repliigile vastates [54].

Teades mu kiindumust muusikasse, kutsus ta kohale kõik sel ajal Moskvas viibinud Itaalia muusikud ja mõned andekad lauljannad [118].

— **Зная**, что вы к нему привязаны, я всего лишь продырявил ему ляжку, ничего страшного [ТГ: 255].

<...> известный эпизод из «Войны и мира», описывающий разговор французского и русского солдата, причем последний, **желая говорить на «иностранном» языке**, прибегает к глоссолалии [КВ: 110].

Или, возможно, башибузуки, **следуя своей милой привычке**, изрубили его на куски [ТГ: 246].

— К сожалению, Варвара Андреевна, государство — это не д-дом, а скорее дерево. Его не строят, оно растет само, **подчиняясь закону природы**, и дело это долгое [ТГ: 68].

— Как вы к себе несправедливы! Ужасно несправедливы! — горячо заговорила Варя, **боясь**, что выступят слезы [ТГ: 269].

Князь Мышкин, собеседник Иволгина, **понимая**, что это ложь, и **мучаясь в душе от стыда за своего собеседника и от сочувствия к нему**, вместе с тем усматривает в его рассказе какую-то особую нереальную реальность [КВ: 201].

Конечно, в практике Нерона это приобретало извращенный характер, **как бы воспроизводя его разрушающее любые границы сластолюбие и отмену всех естественных ограничений**, которые накладывает пол [КВ: 74].

Лев Толстой отказывался рассматривать корректурные листы как законченные тексты, **видя в них лишь этап непрерывного процесса** [КВ: 180].

Милосердные сестры на такие слова только прыскали в ладошку, а Фандорин рассеянно кивал, **думая о чем-то другом** [ТГ: 150].

«**Teades teie kiindumust temasse**, lasin ma tal vaid kintsu läbi, ei midagi hullu» [185].

<...> või tuntud episoodi «Sõjast ja rahust», mis kirjeldab prantsuse ja vene sõduri vestlust, kusjuures viimane, **soovides rääkida «võõrkeeles»**, võtab appi glossolaalia [84].

Või raiusid bašibusukid **oma armsa kombe kohaselt** ta tükkideks [179].

«Paraku, Varvara Andrejevna, pole riik mitte m-maja, vaid pigem puu. Seda ei ehitata, ta kasvab ise, **alludes looduse seasusele**, ja see on väga aeganõudev lugu» [51].

«Küll te olete enda suhtes ülekohtune! Kohutavalt ülekohtune!» ruttas Varja tuliselt kinnitama, **vältimaks pisarate voolamahakkamist** [196].

Mõistes, et see on vale, ja **tundes piinlikkust oma vestluskaaslase pärast ning ka kaastunnet tema vastu**, näeb vürst Mõškin samal ajal tema jutustuses mingit iseäralikku ebareaalset reaalsust [148].

Nero puhul oli selle mõistagi loomuvastasuse pitsitser, **see tõi meelde tema kõiki piire purustava himuruse ning lahtiütlemise kõikidest sookuuluvusest tulenevatest loomulikest piirangutest** [58].

Lev Tolstoi keeldus käsitamast korrektuuripoognaid lõpetatud tekstina, **nähes neis vaid katkematu protsessi üht järku** [133].

Selliseid sõnu kuuldes oskasid halastajaõed vaid pihku itsitada, Fandorin aga noogutas hajameelselt, **ise millestki muust mõeldes** [110].

Московские старожилы сохранили в своей памяти эту скандальную историю в следующем виде: однажды в монастырскую больницу явилась «...молодая девушка, Фотина, служившая фигуранткой в петербургском балете; **не предвидя себе хорошей будущности в театре**, она вздумала играть видную роль в другом месте. Придя в больницу, она объявила себя одержимой нечистым духом, Фотий принялся отчитывать ее» [КВ: 152].

— Не весь г-гарем, а только *кучук-ханум*, — пробурчал титулярный советник, **явно не желая углубляться в подробности** [ТГ: 91].

Наконец, **чувствуя**, что вот-вот задохнется, Варя оттолкнула кавалериста и схватила за сердце [ТГ: 116].

Но турки так испугались падения Адрианополя, что, **не желая терять ни минуты**, просто прицепили штабной вагон к обычному поезду [ТГ: 221].

Облегчение тут же сменилось стыдом: тянула время, **страшась возвращения в лагерь**, нюни распускала из-за своего драгоценного реноме, а о деле и думать забыла, эгоистка [ТГ: 140].

Однако если Онегин выстрелил первый и на более далеком расстоянии, потому что, очевидно, не испытывал стремления к кровавому исходу, то тактика Дантеса была иной: опытный бретер, он угадал тактику Пушкина и стрелял первым для того, чтобы предупредить выстрел противника, **надеясь убить его пулей с ходу** [КВ: 192–193].

...Он окончательно перешел на французский, **все более распаляясь** [ТГ: 222].

Toonased moskvalased mäletavad seda skandaalset lugu nii: «...Noor neiu Fotina, Peterburi balleti rühmatantsija, **ei näinud endal teatris tulevikku ja ta otsustas mängida väljapaistvat rolli teises kohas. Ta läks haiglasse, öeldes end olevat kurjast vaimust vaevatud. Photius asus teda sellest vabastama**» [112].

«Mitte kogu haarem, aid ainult *kutšukhanum*», porises titulaarnõunik, **selgelt soovimata üksikasjadesse laskuda** [68].

Lõpuks, **tundes**, et ta kohe-kohe lämbub, lükkas Varja ratsaväelase eemale ja surus käe südamele [85].

Kuid türklased ehmusid Adrianoopoli langemisest nii ära, et **tahtmata minutitki kaotsi lasta**, lihtsalt haakisid staabivaguni tavalise rongi külge [160].

Kergendustunne asendus kohe häbiga: oli ta ju aega venitanud, **kartes laagrisse tagasi tulla**, vesistanud taga nutta oma kallihinnalist renomeed, ürituse oli aga sootuks unustanud, egoist sihuke [102–103].

Kuid kui Onegin tulistas esimesena ja palju kaugema vahemaa tagant sellepärast, et nähtavasti ei ihanud ta verist lõpplahendust, siis D'Anthèsi taktika oli teine: kogenud kahevõitlejana aimas ta Puškini kavatsust ja tulistas esimesena **selleks, et hoida ära vastase lasku ja tappa ta käigult** [142].

Üha enam hoogu sattudes läks ta lõplikult prantsuse keelele üle [161].

Она погружена в пучки синхронных с ней процессов, и эти боковые влияния, **постоянно вмешиваясь**, могут нарушать четкую картину чередований взрывов и постепенностей [КВ: 100].

Она подошла к журналисту ближе, **пытливо всматриваясь в его лицо и пытаясь обнаружить в знакомых чертах что-то чужое, страшное** [ТГ: 247].

...Отважный юноша, **помня отеческое напутствие горячо любимого командира**, воскликнул: «Умру, Михал Дмитрич, но донесение доставлю!» [ТГ: 160].

Отрывок, который был *не-текстом*, **включаясь в текст «Гамлета»**, становится частью этого текста (превращается в текст), но одновременно он трансформирует весь текст, в который он включается, **переводя его на другой уровень организации** [КВ: 113].

Полагаю, что Анвар-эфенди приглядывался к подполковнику, **не исключая возможности в будущем прибегнуть к шантажу** [ТГ: 243].

Постепенные и взрывные процессы, **представляя собой антитезу**, существуют только в отношении друг к другу [КВ: 17].

Потом еще два месяца изнывала от скуки, **дожидаясь**, пока отрастут волосы — не ехать же стриженной под татарина [ТГ: 179].

Презирая своего противника (уродливый муж красивой женщины фигура традиционно комическая), легкомысленный и светски развратный Дантес видел в дуэли еще одно развлекательное событие и, вероятно, не предполагал, что ему придется бросить столь приятную, веселую и связанную с быстрым продвижением по службе жизнь в Петербурге [КВ: 192].

[Ta] on hõlmatud temaga sünkroonsete protsesside kimpudesse **ning need alatasa sekkuvad** välismõjud võivad häirida selget pilti plahvatuste ja järkjärguliste arengute vaheldumisest [76].

Neiu astus ajakirjanikule lähemale, **vaadates uurivalt talle silma ja püüdes tuttavates näojoones midagi võõrast, kohutavat märgata** [179].

«...Vapper noormees, **pidades meeles palavalt armastatud komandöri isalikud õpetussõnad**, hüüdis: «Kas või suren, Mihhail Dmitritš, kuid viin teate kohale!» [117].

Katkend, mis oli *mitte-tekst*, muutub «**Hamleti**» **teksti lülituses** selle teksti osaks (muutub *tekstiks*), kuid transformeerib samal ajal kogu teksti, millesse ta lülitub, **ja viib selle üle teisele korraldustasandile** [86].

Oletan, et Anvar-efendi pidas alampolkovnikut silmas, **välisdamata tulevikus šantažeerimise võimalust** [177].

Pidevad ja plahvatuslikud protsessid **kujutavad antiteesi** ainult teineteise suhtes [17].

Siis piinles veel kaks kuud igavuse käes, **oodates juuste pikemaks kasvamist** — ei kõlvanud ju inimeste silme ette ilmuda kiilaksagetud peaga nagu mingi tatarlane [130–131].

Põlates oma vastast (kaunitari inetu mees on traditsiooniliselt koomiline kuju), nägi kergemeelne ja liiderlik D'Anthès duellis üksnes järjekordset meelelahutust ega arvanud tõenäoliselt, et peab seetõttu hülgama nii meeldiva, lõbusa ja kiirelt edeneva karjääriga Peterburi-elu [142].

— Рад, — коротко произнес Фандорин и посторонился, **давая пройти** [ТГ: 185]. Разбойничий конь сразу же вырвался вперед, и Варя втянула голову в плечи, **боясь**, что не удержится [ТГ: 28].

Разделение на исполнителя и зрителя, поющего и слушающего создало совершенно новую, внутренне противоречивую ситуацию: исполнитель для меня «он», но я передаю все его речи и чувства моему «я». <...> Я передаю сцене функции третьего лица: все, что можно увидеть, я передаю другому лицу (ему), а все, что остается в сфере внутренних переживаний, я присваиваю себе, **выступая как воплощение первого лица** [КВ: 62–63].

Различие «своих» или «чужих» слов делит мир ребенка на *свой* и *чужой*, **закладывая ту границу сознания**, которая сохраняется как важнейшая доминанта культуры [КВ: 56].

Революция сменилась застоем, и идея индивидуальности исчезает, **заменяясь идеалом «одинаковости»** [КВ: 102].

Ретроспективный взгляд позволяет историку рассматривать прошедшее как бы с двух точек зрения: **находясь в будущем по отношению к описываемому событию**, он видит перед собой всю цепь реально совершившихся действий, **переносясь в прошлое умственным взглядом и глядя из прошлого в будущее**, он уже знает результаты процесса [КВ: 195].

Риторическое соединение «вещей» и «знаков вещей» (коллаж) в едином текстовом целом порождает двойной эффект, **подчеркивая одновременно и условность условного, и его безусловную подлинность** [КВ: 117].

Сначала волна самоназваний, а затем вторая волна — исследовательской терминологии — искусственно унифицируют картину процесса, **сглаживая противоречия структур** [КВ: 26].

«Tore», kostis Fandorin lühidalt ja tegi ruumi, **et neiu mööda lasta** [135].

Röövli ratsu sööstis kohe ette ja Varja tõmbas pea õlgade vahele, **kartes iga hetk maha lennata** [22].

Jaotus esitajaks ja vaatajaks, lauljaks ja kuulajaks lõi täiesti uue, sisuliselt vastuolulise olukorra: esitaja on minu jaoks «tema», kuid kõik tema ütled ja tunded kannan ma üle oma «minale». <...> Ma annan lavale kolmanda isiku funktsioonid: kõik, mida on võimalik näha, kannan ma üle teisele isikule (temale), kuid kõik, mis jääb siseelamuste valdkonda, võtan endale, **esinedes esimese isiku kehastusena** [50].

«Omade» ja «võõraste» sõnade eristamine jagab lapse maailma *omaks* ja *võõraks*, **tõmmates teadvuses piiri**, mis jääb üheks tähtsaimaks kultuuridominandiks [45].

Revolutsioon asendub seisakuga ning individuaalsuse-idee kaob, **selle vahetab välja «ühetaolisuse»-ideaal** [77].

Retrospektiivne pilk võimaldab ajaloolasel vaadelda möödanikku otsekui kahest vaatepunktist: **asudes kirjeldatud sündmuse suhtes tulevikus**, näeb ta enda ees kogu reaalselt toimunud sündmuste ahelat ning, **kandudes mõttes minevikku ja vaadates sealt tulevikku**, teab juba protsessi tagajärgi [144].

«Asjade» ja «asjade märkide» retooriline ühendus (kollaaž) ühes tekstitervikus tekitab topeltefekti, **rõhutades samaaegselt nii tingliku tinglikkust kui ka selle vaieldamatut ehtsust** [88].

Kõigepealt enesenimetamiste laine, seejärel aga teine — uurijaterminoloogia laine ühtlustavad kunstlikult protsessipilti, **tasandades struktuuridevahelisi vastuolusid** [23–24].

Таким образом, подарок превращается в знак, которым обмениваются, **закрепляя тем самым определенные социальные договоры** [КВ: 87].

Такой человек-волк, **соединяя поведение хищного зверя и грабителя-насильника**, может становиться с позиции его противников непобедимым [КВ: 68].

То ли запутавшись в вопросах собственного пола, то ли желая воплотить в себе обе крайности, он, **превосходно владея шпагой**, в Лондоне, **лишившись всех возможных авантюристических источников дохода**, сделался учителем фехтования, проводя, однако, эти воинственные уроки в женской одежде [КВ: 138–139].

Фактически такую же роль играло зеркало в интерьере барокко, **раздвигая собственно архитектурное пространство ради создания иллюзорной бесконечности (отражение зеркала в зеркале), удвоения художественного пространства путем отражения картин в зеркалах или взламывания границы «внутреннее/внешнее» путем отражения в зеркалах окон** [КВ: 115].

Характерно, что Крылов, **преодолевая жанровый рационализм басни**, создал значительно более сложную систему отношений между «текстом» и «моралью» [КВ: 229–230].

Циклический мир Платона, **уничтожая неожиданность в поведении человека и вводя непререкаемые правила**, тем самым уничтожает искусство [КВ: 236].

— Что вы обнаружили в бумагах Лукана? — сердито перебила его Варя, **чувствуя**, что если разговор не свернет в деловое русло, она непременно разрешится [ТГ: 140].

Sel moel muutub kink märgiks, mida vahetatakse, **kinnitades sellega teatud sootsiaalseid leppeid** [67].

Ühendades endas kiskja ja röövli vägivaldse käitumise, võib niisugune inimhunt osutada oma vastaste silmis võimatuks [55].

Kas sattunud segadusse omaenda soo küsimuses või siis soovides kehastada mõlemaid äärmusi, hakkas ta — **kuna oskas suurepäraselt mõõka käsitseda ning oli ilma jäänud kõikvõimalikest avantüristlikest sissetulekuallikatest** — vehklemisõpetajaks, kuid andis neid sõjakaid õppetunde naiseriietuses [103].

Õigupoolest samasugust rolli mängis peegel barokkinterjööris, **avardades tegelikku arhitektuurilist ruumi — luues lxpmatuseilluiooni (peegli peegeldumine peeglis), topeldades kunstilist ruumi (pildi peegeldumine peeglis) või lähkudes piire «sisemise» ja «välise» vahel (akna peegeldumine peeglis)** [87].

On iseloomulik, et **ületades valmi žanrilist ratsionalismi**, lõi Krõlov märksa keerulisema suhetesüsteemi «teksti» ja «moraali» vahel [168].

Platoni tsükliline maailm, **mis kõrvaldab inimese käitumisest ootamatused ja kehtestab vastuvaidlematud reeglid**, hävitab ühtlasi kunsti [173].

«Mida te Lucani paberitest leidsite?» katkestas Varja teda pahaselt, **tundes**, et kui vestlus ei pöördu asjalikule rajale, puhkeb ta kindlasti nutma [103].

Шеф жандармов заволновался, **готовясь оправдываться**, но Александр махнул рукой: — Потом. Продолжай, Суворова [ТГ: 199].

Это можно считать одним из вариантов эмансипации: если мужская одежда лишь подчеркивала пикантные черты внешности молодой и стройной красавицы (с этим, например, связана любовь Елизаветы к переодеванию в мужское платье), **придавая им некоторый оттенок двусмысленности**, то переодевание мужчины в женскую неизменно понижало его в ранге, превращая в комического героя [КВ: 143].

Это можно считать одним из вариантов эмансипации: если мужская одежда лишь подчеркивала пикантные черты внешности молодой и стройной красавицы (с этим, например, связана любовь Елизаветы к переодеванию в мужское платье), **придавая им некоторый оттенок двусмысленности**, то переодевание мужчины в женскую неизменно понижало его в ранге, **превращая в комического героя** [КВ: 143].

Это, разбившись поротно, лежала на траве пехота, **дожидаясь приказа об атаке** [ТГ: 154–155].

— Я подумаю, — туманно пообещала она, **соображая**, как бы повернуть разговор в нужное русло [ТГ: 131].

Sandarmite šeff hakkas närvitsema, **valmistudes enda õigustamiseks**, kuid Aleksander rehmas käega: «Pärast. Jätka, Suvorova» [145].

Seda võib pidada üheks emantsipatsiooni variandiks: noore ja sihvaka kaunitari seljas tõid meesteriided üksnes paremini esile ta välimuse pikantseid jooni (sellega on näiteks seletatav Jelizaveta kiindumus meesteriietesse), **andes neile teatava kahemõttelise varjundi**, meeste riietamine naisteks aga alandas alati nende staatust ning muutis nad koomiliseks [106].

Seda võib pidada üheks emantsipatsiooni variandiks: noore ja sihvaka kaunitari seljas tõid meesteriided üksnes paremini esile ta välimuse pikantseid jooni (sellega on näiteks seletatav Jelizaveta kiindumus meesteriietesse), **andes neile teatava kahemõttelise varjundi**, meeste riietamine naisteks aga alandas alati nende staatust **ning muutis nad koomiliseks** [106].

See oli roodukaupa jagunenud jalavägi, kes murul lebades **ootas rünnakukäsku** [113].

«Ma mõtlen», lubas neiu ebamääraselt, **nuputades**, kuidas pöörata jutuvoog soovitud sāngi [96].

Деепричастные обороты с деепричастием СВ

— Ravissante comme l'Aurore! [Обворожительная, как утренняя заря! (фр.)] — кинулся было к ручке полковник, но отпрянул, **вспомнив о современных женщинах** [ТГ: 117].

«*Ravissante comme l'Aurore!*» [Hurmov nagu koit! (pr.)] sööstis polkovnik juba kätt suudlema, kuid põrkus **nüüdisaja naisi meenutades** tagasi [86].

— Не угодно ли прокатиться по ночному Букарешту, мадемуазель Варвара? — прошептал на ухо Лукан, **воспользовавшись паузой** [ТГ: 130].

— Но вы ни словом не возразили, когда его величество... — Варя осеклась, **чуть не выболтав государственный секрет** [ТГ: 236].

— Охраняете государственные интересы, господин полицейский? — спросила Варя, **решив**, что уместнее всего будет разговаривать с агентом в тоне насмешливо-небрежном [ТГ: 68].

А наш Анвар, **предав своего благодетеля**, стал «серым кардиналом» уже не при главе правительства, а при самом султани [ТГ: 60].

В общем, Варя чувствовала себя примерно так же, как в ресторане гостиницы «Руайяль», когда мужчины, **унюхав запах крови**, словно с цепи сорвались и начисто забыли о ее существовании [ТГ: 150].

Варя вздрогнула, **вспомнив**, как д'Эвре говорил о горячо любимом отце, живущем во Франции [ТГ: 249].

Варя забеспокоилась, **сообразив**, что доверилась человеку, которого совсем не знает [ТГ: 20].

Варя поежилась, **представив себя на месте несчастных защитников Плевны** [ТГ: 151].

Варя прыснула, **припомнив**, как лихо ротмистр провел предварительную рекогносцировку [ТГ: 113].

Вечером турки провели передислокацию, обрушились на Соболева всей мощью, и перед полуночью, **потеряв большинство людей**, он отступил на исходные позиции [ТГ: 166].

Варя содрогнулась, **вспомнив**, как круглолицый корреспондент уплетал пирожки с вареньем во время их последней встречи [ТГ: 246].

«Soovite ehk teha sõidu öises Bukarestis, *mademoiselle* Varvара?» sosistas Lucan **pausi ära kasutades** neiuale kõrva [96].

«Kuid te ei vaielnud poole sõnagagi vastu, kui Tema Majesteet...» Varja vakatas **enne, kui oleks riikliku saladuse välja lobisenud** [172].

«Valvate riigi huve, härra politseinik?» küsis Varja, **leides**, et kõige paslikum oleks rääkida selle agendiga pilkav-ükskõiksel toonil [51].

Meie Anvar aga **reetis oma heategija** ja hakkas «halliks kardinaliks» mitte enam valitsusjuhi, vaid sultani enese juures [44].

Ühesõnaga, Varja tundis end peaaegu samamoodi nagu Royal hotelli restoranis, kui mehed **vere lõhna haistes** justkui ketist pääsesid ning unustasid tema olemasolu täielikult [110].

Varja võpatas, **meenutades**, kuidas d'Hevrais rääkis palavalt armastatud isast, kes Prantsusmaale jäi [180].

Varja muutus rahutuks, **taibates**, et ta usaldas end täiesti tundmatu inimese hoolde [17].

Varja võdistas õlgu, **kujutades ennast Plevna õnnetute kaitsjate asemele** [111].

Varja turtsatas, **kui talle meenus**, kui uljalt viis rittmeister läbi eelrekognitsiooni [83].

Õhtul paigutasid türklased jõud ümber, paikusid kogu võimsusega Sobolevi peale ning kesköök oli ta lähtepositsioonodele taandunud, **kaotades enamiku oma meestest** [121].

Varja võpatas õudusest, **meenutades**, kuidas ümaranöoline iirilane nende viimase kohtumise ajal moosipikukaid vitsutas [179].

Вопрос этот с достаточной подробностью и точностью культуролога затронул Пушкин в третьей главе «Евгения Онегина», **столкнувшись с тем**, на каком языке ему следует передать письмо Татьяны [КВ: 106].

Вспомнив эти замечательные слова, Варя улыбнулась, повернулась на бок и стала думать про д'Эвре [ТГ: 109].

Герой Девгений, **узнав о существовании недоступной красавицы**, многочисленные претенденты на брак с которой были убиты ее кровожадными отцом и братьями, тотчас же влюбляется в девушку [КВ: 77].

Д'Эвре опрометчиво заметил вслух, что «мадемуазель Барбара» теперь похожа на Анну Иоанновну с арапчонком, после чего прапорщик, **не устранившись грозной репутации корреспондента**, потребовал от него немедленной сатисфакции [ТГ: 216].

Днем ходила по лагерю, смотрела в оба — не обнаружится ли что-нибудь подозрительное. Подозрительное не обнаруживалось, и, **устав**, Варя шла в палатку к Эрасту Петровичу, чтобы расшевелить его и побудить к действию [ТГ: 82].

За все последние дни единственным отрадным событием было возвращение Д'Эвре, который, оказывается, пересидел бурю в Кишиневе, а **узнав о своей полной реабилитации**, поспешил к театру военных действий [ТГ: 149–150].

Забыв об уместном тоне, Варя горячо воскликнула: — Мы живем в такое тяжелое, сложное время! [ТГ: 68].

Puškin on seda küsimust küllaltki üksikasjaliselt ning kulturooloogilise täpsusega käsitletud «Jevgeni Onegeni» kolmandas peatükis, **arutledes selle üle**, mis keeles peaks ta edasi andma Tatjana kirja [81].

Meenutades neid suurepäraseid sõnu, Varja naeratas, keeras külili ja hakkas d'Hevrais'st mõtteid heietama [80].

Kuulnud kättesaamatust kaunitarist, kelle verejanulised vennad ja isa on tapnud juba hulga ta kosilasi, armub kangelane Devgeni silmapilkselt neidu [60–61].

D'Hevraid täheldas kõigi kuuldes mõtlematult, et «*mademoiselle Barbara*» sarnaneb nüüd Ann Ioanovnale koos tema moorlasest paažiga, mispeale lipnik nõudis temalt viivitamatult satsifaktsiooni, **laskmata end korrespondendi hirmuäratavast reputatsioonist põrmugi heidutada** [157].

Päeval kõndis laagris ringi, vaatas pingsalt — ega kusagil midagi kahtlast ei paista. Kahtlast ei paistnud ning **väsides** sammus Varja Erast Petrovitši telki, et teda üles raputada ja tegutsema panna [61].

Kõigi viimaste päevade ainus helge sündmus oli d'Hevrais' tagasitulek. Ta oli oodanud Kišinjovis tormi vaibumist ning, **saanud teada enda täielikust rehabiliteerimisest**, ruttas taas sõjatandrile [109].

Unustades pasliku tooni, hüüdis Varja tormakalt: «Me elame nii raskel, keerulisel ajal!» [51].

Зато назавтра пресс-клуб было не узнать: русские сидели мрачные и подавленные, корреспонденты же были взвинчены, переговаривались вполголоса, и время от времени то один, то другой, **узнав новые подробности**, бежал на телеграфный пункт — произошла большущая сенсация [ТГ: 99].

Когда журналисты, **узнав об успешном наступлении южного фланга**, наперегонки бросились к телеграфным аппаратам, Анвар пустился в погоню за Зуровым и Казанзакки [ТГ: 242].

Корреспондент тут же покаялся, **признав**, что сравнение неудачно и monsieur sous-lieutenant [господин младший лейтенант] скорее напоминает Геркулеса, захватившего керинейскую лань [ТГ: 216].

Мизинов сокрушенно потупился, однако, **не дождавшись от его величества очередного упрека**, двинулся дальше: <...> [ТГ: 203].

Назревала рубка. Варя вертела головой то туда, то сюда, **забыв об опасности**, — зрелище было страшным и красивым [ТГ: 30].

Не выдержав истошных воплей роженицы и ужасного вида сплюснутой младенческой головки, что лезла из истерзанной, окровавленной плоти, Варя позорно бухнулась в обморок, и после этого оставалось только уйти на телеграфные курсы [ТГ: 10].

Не сумев извлечь застрявший в лопаточной кости клинок, убийца понял, что ему не удастся снять с себя подозрение, и застрелился [ТГ: 171].

Однако Казанзакки сразу же сменил тон, **очевидно, вспомнив**, что сегодня выступает в ином амплуа [ТГ: 146].

Seevastu järgmisel päeval ei tundnud pressiklubi äragi: venelased istusid süngete ja rusututena, ajakirjanikud olid aga ärritunud, rääkisid omavahel poolihääli ning iga natukese aja tagant lippas kord üks, kord teine **uusi üksikasju kuuldes** telegrafipunkti — toimunud oli röögatu sensatsioon [73].

Kui lõunatiiva edukast pealetungist teada saanud ajakirjanikud üksteise võidu telegrafiaparaatide poole tormasid, sööstis Anvar Zurovile ja Kaznzakile järele [176].

Korrespondent avaldas kohemaid kahetsust, **tunnistades**, et võrdlus oli kohatu ning monsieur sous-lieutenant meenutab pigem Kürenee hirve kätte saanud Heraklest [157].

Mizinov langetas masendunult pea, kuid **jõudmata Tema Majesteedit jätjekordset etteheidet ära oodata**, liikus edasi: <...> [147].

Kiskus madinaks. Varja käänas pead kord siia, kord sinna, **unustades ohu** — vaatepild oli kohutav ja kaunis [24].

Suutmata sünnitaja läbilõikavaid röökeid taluda ja lõhkkärisenud veritsevast ihust väljuva imiku kokkulitsunud pead nähes prantsatas Varja häbiväärselt minestusse ning siis ei jäänud üle muud, kui minna telegrafikursustele [10].

Suutmata abaluusse kinnijäänud tera välja sikutada, sai mõrtsukas aru, et tal ei õnnestu kahtlust endalt eemale juhtida, ning lasi endale kuuli pähe [125].

Siiski muutis Kazanzakki kohe tooni, **ilmselt meenus talle**, et täna esines ta teises ampluaas [107].

Однажды Варя, **не заметив**, села на тарелку с холодным пловом, которая почему-то оказалась на стуле, страшно рассердилась и потом никак не могла застирать жирное пятно на своем единственном приличном платье [ТГ: 82].

Она почтительно взглянула на седые виски и, **не удержавшись**, спросила, да еще пальцем неделикатно показала: — Это вас там мучили, да? [ТГ: 17].

Подполковник многозначительно помолчал, **выждав**, чтобы в клубе стало тихо [ТГ: 101].

Полог шатра колыхнулся, Варя увидела приземистую фигуру в синем жандармском мундире и поспешно отвернулась, **сделав вид**, что любитесь осточертевшим видом деревеньки Богот, приютившей штаб главнокомандующего [ТГ: 144].

После первой атаки Варя смалодушничала, **поняв**, что второй раз подобного зрелища не вынесет [ТГ: 161].

Проследив за направлением ее взгляда, полковник недовольно пробормотал: — Однако «Руайяль» положительно превращается в проходной двор [ТГ: 131].

Самодержец испытующе посмотрел на него, **уловив недосказанность**, но Фандорин больше ничего не присовокупил [ТГ: 211].

Там, где участники дуэли намерены не обменяться парой выстрелов, для того чтобы после этого помириться, **выполнив ритуал чести**, а твердо решили довести дуэль до гибели противника, естественная тактика опытного бретера заключалась в том, чтобы не торопиться с первым выстрелом, особенно на ходу [КВ: 191–192].

Kord istus Varja **kogemata** jahtunud pilaffi täis taldrikusse, mis miskipärast toolil vedeles, sai väga pahaseks ja nägi pärast kurja vaeva, et oma ainsalt viisakalt kleidilt rasvast plekki välja saada [61].

Neiu vaatas aupaklikult hallinevaid meeekohti ning **suutmata end tagasi hoida**, osutas ebadelikaatselt näpuga: «Teid piinati, eks ju?» [15].

Alampolkovnik oli tähendusrikkalt vait, **oodates**, et klubis võtaks maad vaikus [74].

Telgi eesriie õõtsus, Varja nägi tüüakat kuju sinises sandarmimundris ning pöördus kähku ära, **tehes nägu**, et imetleb surmani äratüüdanud Bogoti küla, kus asus ülemjuhataja staap [106].

Pärast esimest rünnakut lõi Varja araks, **mõistes**, et teist korda ta sellist vaatepilti välja ei kannata [118].

Jälginud neiu pilku, pomises polkovnik pahaselt: «Ei-noh, Royal muutub juba mingiks läbisõiduhooviks» [96].

Isevalitseja piidles teda uurivalt, **haistes väljaütlemata jätmist**, kuid Fandorin ei lisanud enam sõnagi [153].

Juhul kui duellist osavõtjad ei kavatsenud piirduda paari lasuga ja **pärast aukohustuse täitmist** ära leppida, vaid olid otsustanud kindlalt jätkata kuni vastase hukkumiseni, seisnes kogenud bretööri taktika selles, et mitte kiirustada esimese lasuga, eriti kui see oleks tulnud sooritada käigult [142].

То ли запутавшись в вопросах собственного пола, то ли желая воплотить в себе обе крайности, он, превосходно владея шпагой, в Лондоне, лишившись всех возможных авантюристических источников дохода, сделался учителем фехтования, проводя, однако, эти воинственные уроки в женской одежде [КВ: 138–139].

Kas sattunud segadusse omaenda soo küsimuses või siis soovides kehastada mõlemaid äärmusi, hakkas ta — kuna oskas suurepäraselt mõõka käsitseda ning oli ilma jäänud kõikvõimalikest avantüristlikest sissetulekuallikatest — vehklemisõpetajaks, kuid andis neid sõjakaid õppetunde naiseriietuses [103].

Причастные обороты с действительным причастием прошедшего времени

— Вам неприятно это слышать, мадемуазель Барбара, но Россия таит в себе страшную угрозу для цивилизации. В ней бродят дикие, разрушительные силы, которые рано или поздно вырвутся наружу, и тогда миру не поздоровится. Это нестабильная, нелепая страна, **впитавшая все худшее от Запада и от Востока** [ТГ: 260–261].

«Teil on ebameeldiv seda kuulata, *medemoiselle* Barbara, kuid Venemaa kätkeb endas hirmsat ohtu tsivilisatsioonile. Temas hulguvad metsikud, hävituslikud jõud, kes varem või hiljem pääsevad välja, ja siis läheb maailmal täbarasti. See on ebastabiilne, totter maa, **kes on nii Idast kui Läänest kõik kõige halvema endasse imanud**» [189].

— Говорите же! — поторопила она Фандорина, **с интересом наблюдавшего за слезинкой**, что медленно катилась по Вариной щеке [ТГ: 140].

«Rääkige juba!» kiirustas ta Fandorinit, **kes jälgis huviga pisarat**, mis Varja põske mööda veeres [103].

— Да это Эраста Петровича надо благодарить! — не сдержавшись воскликнула Варя, **смертельно обидевшаяся за Фандорина**. Стоит, молчит, за себя постоять не может [ТГ: 204].

«Hoopis Erast Petrovitšit tuleb tänada!» ei pidanud Varja vastu, **olles Fandorini pärast südamepõhjani solvunud**. Seisab, vaikib, ei suuda enda eest seista [148].

— Наш посол, — рассеянно ответил титулярный советник, **думавший о чем-то своем и, кажется, не очень-то слушавший генерала** [ТГ: 211].

«Meie saadik,» vastas titulaarnõunik hajameelselt, **millestki muust mõeldes ja kindrali juttu suurt tähele panemata** [153].

А в Бухаресте д'Эвре ловко воспользовался госпожой Суворовой, чтобы избавиться от агента, **утратившего свою ценность и, наоборот, начавшего представлять опасность** [ТГ: 241].

Bukarestis kasutas aga d'Hevrais preili Suvirivat osavasti ära, et lahti saada agendist, **kes oli oma väärtuse minetanud ning hakanud vastupidi ohtlikuks muutuma** [175].

Дамы из гарема, **так горячо любившие своего Черкеса**, пришли посмотреть на его казнь, горько плакали и посылали ему воздушные поцелуи [ТГ: 56].

В начале XIX века знаменитым, **вошедшим в легенды своего времени** лжецом был князь М. Цицианов [КВ: 200].

В «походном дворце» было всего шесть комнат, поэтому функцию приемной выполняло крыльцо, где уже топтались с десятков генералов и старших офицеров, **дождавшихся приглашения предстать перед высочайшие очи** [ТГ: 192].

В брешь, **образовавшуюся после ретирады генерала**, устремился Зуров, убежденный сторонник кавалерийской атаки [ТГ: 113].

Матушка, **знавшая наизусть все его свычаи и обычаи**, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный Календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам [КВ: 243].

Мы сейчас остановимся лишь на одной, быть может, **менее привлекавшей до нас внимание** [КВ: 196].

Наш корреспондент, вот уже вторую неделю находящийся при русской Дунайской армии, сообщает, что вчерашним приказом от 1 июля (13 июля по европейскому стилю) император Александр благодарит свои победоносные войска, **успешно форсировавшие Дунай и вторгшиеся в пределы Османского государства** [ТГ: 3].

Оба министра, **оказавшиеся в меньшинстве**, подали ее величеству прошения об отставке [ТГ: 191].

На Варю, **ехавшую амазонкой**, смотрели удивленно и недоверчиво, словно на существо из иного, **ненастоящего мира** [ТГ: 155].

Daamid haaremist, **kes oma Tšerkessi nii palavalt asmastasid**, tulid tema hukkamist vaatama ja saatsid talle õhusuudlusi [42].

19. sajandi alguse tuntumaid, **oma ajastu legendiks saanud** valetajaid oli vürst D. Tsitsianov [148].

«Välipalees» oli kokku kuus tuba, seepärast täitis vastuvõturuumi funktsiooni trepp, kus tammus juba kümmekond kindralit ja vanemohvitseri, **oodates kutset majesteedi palge ette astumiseks** [140].

Kindrali retiraadi järel tekkinud tühimikku sööstis täitma Zurov, ratsaväerünnaku veendunud pooldaja [83].

Ema, **kes teadis peast kõiki ta pruuke ja kombeid**, püüdis õnnetut raamatut alati peita võimalikult kaugemale ja nõndaviisi ei puutunud «Õuekalender» vahel kuude kaupa isale silma [177].

Peatume neist siinjuures vaid ühel, arvatavasti **seni kõige vähem tähelepanu pälvinul** [144].

Meie juba teist nädalat Vene Doonau armee juures asuv korrespondent edastab, et eilse, 1. juuli (Euroopa kalendri järgi 13. juuli) kuupäeva kandva käsuga tänas keiser Aleksander oma võidukaid, **Doonaud edukalt forsseerinud ja Osmani riigi valdustesse tunginud** vägesid [5].

Jäänud vähemusse, esitasid mõlemad ministrid Tema Majesteedile tagasiastumispalve [139].

Möödaratsutavat Varjat vaadati imestunult ja umbusklikult justkui teisest, ebareaalsest maailmast pärit olevust [113].

Они же собрали все необходимое взамен багажа, **доставшегося предприимчивому Митко** — одежду, обувь, флакон кельнской воды (а были-то чудесные парижские духи), чулки, белье, гребешок <...> [ТГ: 67].

Победив тестя и шуринов, **пытавшихся отнять у него жену**, Девгений не разрешает трудной задачи, а оказывается в еще более безвыходном положении: без победы он рисковал потерять жену, но после победы его жена сделалась дочерью и сестрой пленников, обесчещенных поражением, и перестала быть социально равной своему мужу [КВ: 78].

Пять дней спустя, 3 декабря, государь, **отбывавший с театра военных действий**, устроил в Парадимах прощальный смотр для гвардии [ТГ: 187].

Сначала, еще в Казанлыке, один заезжий адъютант, **не вполне разобравшийся в Варином статусе**, неудачно пошутил: назвал ее «герцогиней Мальборо», явно намекая на то, что «герцог Мальборо» — Соболев [ТГ: 216].

Это был, бесспорно, талантливый человек, **обладавший разнообразными познаниями**, выделявшими его даже на фоне декабристов [КВ: 197].

Nad leidsid ka kõik vajaliku, **asendamaks ettevõtliku Mitko saagiks langenud pagasit**: riided, jalatsid, pudel kölni vett (ehkki kaduma läks imeline Pariisi lõhnaõli), sukad, pesu, kamm <...> [50].

Võitnud äia ja naisevennad, **kes üritasid talt naist ära võtta**, pole Devgeni oma rasket ülesannet lahendanud, vaid satub veel väljapääsmatumasse olukorda: jänuks ta võiduta, riskiuks ta kaotada naise, kuid pärast võitu on ta naisest saanud kaotuse läbi häbistatud vangide tütar ja õde, kes pole enam mehega sotsiaalselt võrdväärne [62].

Viis päeva hiljem, 3. detsembril korraldas **sõjatandrikt lahkuv** keiser Paradimas kaardiväele lahkumisülevaatus [136].

Algul, veel Kazanlakis, tegi üks sissepõiganud adjutantihakatis **Varja staatuses selget sotti saamata** ebaõnnestunult nalja: nimetas teda «hertsoginna Marlborough'ks», vihjates selgelt, et «hertsog Marlborough» on Soboлев [156–157].

Ta oli vaieldamatult andekas inimene, **kelle mitmekülgsed teadmised** torkasid silma isegi dekabristide taustal [145].

Причастные обороты со страдательным причастием прошедшего времени

— Есть и третья возможность, — парировала Варя, **уязвленная «лакейскими пересудами»** [ТГ: 68].

— Я даю честное слово! — сразу же воскликнула Варя, **ободренная неожиданным заступничеством** [ТГ: 62].

Варя обернулась и скорчила гримасу, **уверенная**, что за непривычной любезностью подполковника немедленно последует какой-нибудь змеиный укус [ТГ: 145].

«On ka kolmas võimalus», pareeris Varja, **puudutatuna «lakeilikust klatšist»** [51].

«Ma annan oma ausõna!» hüüdis Varja jalamaid, **innustatuna ootamatust eestkostest** [46].

Varja vaatas tagasi ja manas näole grimassi, **olles kindel**, et alampolkovniku harjumatu armastusväärsele järgneb kohe mingi maohammustus [106].

Далее идет «логичный», с точки зрения Дон Кихота, и абсурдный, если вообразить себе мнение Санчо Пансы, сюжет: удача, **столь легко полученная**, не радуется Девгеня, а, напротив, необъяснимым для современного читателя образом повергает его в отчаяние [КВ: 77].

Журналисты, **не извешенные о хитроумном плане артиллерийской подготовки**, выехали на позицию еще затемно [ТГ: 152].

Издатель, **ориентированный на читателей**, обязан идти на компромиссы, соединяя два разных этапа обработки [КВ: 180].

Крылья подрезаны, песни заучены. / Любите вы под окном постоять? / Песни вам нравятся. Я же, **измученный**, / Нового жду — и скучаю опять [КВ: 38].

Но она не слушала, **пораженная сообщением** [ТГ: 114].

Но особое благоразумие, доблесть, отвагу, выносливость, стойкость и силу чувства выказывал Амадис, когда, **отвергнутый сеньорой Орианой**, наложил он на себя покаяние и удалился на Бедную Стремнину, дав себе имя Мрачного Красавца, имя, разумеется, заключающее в себе глубокий смысл и соответствующее тому образу жизни, который он с превеликою охотой избрал [КВ: 70].

Однако, **ограниченные своими пределами**, они не только необходимы, но и полезны [КВ: 186].

Однако, **завороженная видом царскосельского лицеиста**, Варя совсем забыла про главное из присутствующих лиц [ТГ: 196].

Она силилась встать, но не могла, **скованная диковинным оцепенением** [ТГ: 176].

Süžee edasine areng on «loogiline» don Quijote vaatepunktist ning absurdne, kui kujutada endale ette Sancho Panza seisukohta: **nii hõpsalt saavutatud** edu ei rõõmusta Devgenit, vaid vastupidi, viib ta tänapäeva lugeja jaoks arusaamatusse meeleheitesse [61].

Nutikast suurtükiväljalüüsi valmistamise plaanist teavitamata ajakirjanikud sõitsid positsioonidele juba pimedas [111].

Lugejate huvidest lähtuv kirjastaja peab minema kompromissile ja ühendama käsikirja kaks viimilist varianti [133].

Tiivad kärbitud, laulud pähe õppitud. / Kas te armastate akna all seista? / Laulud meeldivad teile. Kuid mina **ärapiinatuna** / ootan uut ja igavlen jälle [33].

Kuid **teatest rabatud** neiu ei kuulnud [84].

Ja üheks teoks, milles see rüütel näitas oma tarkust, tublidust, vahvust, kannatlikkust, kindlameelsust ja armastust kõige enam, oli see, kui **ta oma käskijannast Oriannast ärapäolatuna** eemaldus Vaesele Kaljule kahetsustegusid tegema, olles muutnud oma nimi selle elu jaoks, mille ta endale vabal tahtel oli valinud [56].

Kuid **omaenese piirides** on nad niihästi vajalikud kui ka kasulikud [138].

Tsarskoje Selo lütseumi kasvandiku nägemisest lummatuna unustas Varja kohaolijaist tähtsaima isiku sootuks [143].

Ta püüdis üles tõusta, kuid ei suutnud, **kammitsetuna kummalisest tardumusest** [128].

Поколебленный легкостью, с которой было дано обещание, Маклафлин запыхтел, но отступить было поздно, да и, похоже, очень уж хотелось поделиться [ТГ: 182].

Рожденная в семье известного своим легкомыслием и литературным любительством князя Белосельского-Белозерского, получившая смолоду самое утонченное образование, говорившая и писавшая на 5 языках, богатая и беспечная княгиня Волконская соединяла стиль европейских салонов с легким оттенком богемности и нескрываемой политической независимостью [КВ: 158].

Салон в России 1820-х годов — явление своеобразное, **ориентированное на парижский салон предреволюционной эпохи и**, вместе с тем, **существенно от него отличающееся** [КВ: 155].

Убитых было много, корпус Ганецкого, **захваченный врасплох неожиданной атакой**, полег чуть не целиком [ТГ: 187].

Это и понятно — ведь **предупрежденный своим агентом о плане нашего наступления**, Осман стянул все силы в центр [ТГ: 202].

Я бы не придал значения подобным сплетням, **не подтвержденным доказательствами**, однако с учетом того, что, невзирая на зрелый возраст, подполковник Казанзак холост и в связях с женщинами не замечался, решил провести секретное внутреннее расследование [ТГ: 173].

Heidutatuna kergusest, millega lubadus anti, hakkas MacLaughlin puhkima, kuid oli juba hilja taganeda, pealegi paistis, et ta tahtis kangesti kellegagi oma suurt saladust jagada [133].

Sündinud oma kergemeelsuse ja kirjanduslembuse poolest tuntud krahv Beloselski-Belozerski perekonnas, saanud juba varases nooruses kõige rafineerituma hariduse, lisas viies keeles kõnelev ja kirjutav, rikas ja muretu krahvinna Volkonskaja Euroopa salongistiilile annuse boheemlust ja varjamatu poliitilise sõltumatuse [117].

1820. aastate Vene salong oli omapärane nähtus, **orienteeritud küll revolutsioonielse Pariisi salongile**, kuid siiski **oluliselt teistsugune** [115].

Tapetuid oli palju. Ganetski korpus, **keda rünnak ootamatult tabas**, langes pea tervenisti [137].

Igati arusaadav — **hoiatatuna oma agentide kaudu meie pealetungist**, koondas Osman kõik jõud keskusse [147].

Ma poleks sellistele **dokumentaalselt kinnistust mitteomavatele** kuuldustele tähendust omistanud, kuid kui võtta arvesse, et küpsest east hoolimata on Kazanzaki vallaline ning suhteid naistega pole tal täheldatud, otsustasin toimetada salajase sisejuurduse [126].

Все те взрывные динамические процессы, о которых мы упомянули в предыдущей главе, реализуются в сложном динамическом диалоге с механизмами стабилизации. Нас не должно вводить в заблуждение то, что в исторической реальности они выступают как враги, **стремящиеся к полному уничтожению другого полюса** [КВ: 18].

Гоголь, создав образ Хлестакова, сотворил целую поэму лжи как чистого искусства, лжи, **находящей удовольствие в себе самой и упивающейся своей собственной поэзией** [КВ: 200].

Как и в Париже, салон — своеобразная солнечная система, **вращающаяся вокруг избранной дамы** [КВ: 155].

Механизм ее по-прежнему обусловлен физиологическими импульсами, **лежащими вне осознанной воли говорящего**, но он уже достаточно самостоятелен [КВ: 220].

Но для нас это лишь усиливает ценность стихотворного текста, **превращающего исторический эпизод в миф** [КВ: 140–141].

Причины, **побуждающие культуру воссоздавать свое собственное прошлое**, сложны и многообразны [КВ: 196].

Сходный эффект может вызывать излишне замедленная подвижность, **не дающая выхода динамическим импульсам** [КВ: 129].

Эти жанры не аллегоричны (в этом смысле показательны «Салоны» Дидро, **настойчиво изгоняющие аллегоризм и утверждающие портретность образа человека в живописи**) [КВ: 230].

Kõik need eelmises peatükis kõne all olnud plahvatuslikud protsessid kulgevad keerulises dünaamilises dialoogis stabilisatsioonimehhanismiga. Meid ei tohiks eksitada, et ajaloolises tegelikkuses esinevad nad vaenlastena, **kellest kumbki püüab teist poolust täienisti hävitada** [17].

Hlestakovi kuju luues kirjutas Gogol terve poeemi valest kui puhtast kunstist, valest, **mis leiab rahuldust iseendast ja joobub omaenda luules**. [147].

Nagu Pariisiski, oli salong omalaadne **valitud daami ümber tiirlev** päikesesüsteem [115].

Tema mehhanism sõltub endiselt füsioloogilistest impulssidest, **mis asuvad väljaspool kõneleja teadvustatud tahet**, kuid on nüüd juba võrdlemisi iseseisev [161].

Kuid meie jaoks see ainult suurendab **ajalooepisoodi müüdistava luuleteksti** väärtust [105].

Põhjused, **mis ärgitavad kultuuri taaslooma omaenda minevikku**, on keerulised ja mitmetahulised [144].

Säärase efekti võib esile kutsuda liigselt vähenenud liikuvus, **mis ei võimalda väljundit dünaamilistele impulssidele** [97].

Need žanrid pole allegoorilised (selles mõttes on kõnekas Diderot' «Salongid», **kus järjekindlalt tõrjutakse allegooriat ja kiidetakse heaks inimese portreelist kujutamist maalikunstis**) [169].

Это «вечное движение» не может быть исчерпано — оно не поддается законам энтропии, поскольку постоянно воссоздает свое разнообразие, **питаемое незамкнутостью системы** [КВ: 178].

See «igavene liikumine» ei saa otsa lõppeda — ta ei allu entroopiaseadustele, kuna taastab kogu aeg oma mitmekesisuse, **mis saab toitu süsteemi avatusest** [132].

Обороты с приложением

— План, конечно, хорош. **Как личный представитель его высочества** ознакомлен и даже в некотором роде участвовал в составлении [ТГ: 119].

А я, **грешный человек**, в подчиненных преданность исключительно ценю [ТГ: 113].

Блок вынужден **как поэт, материалом которого является слово**, пытаться в пределах этого материала выразить то, что принципиально им не выражаемо [КВ: 39].

Будучи не столько полководцем, сколько инженером, Тотлебен отказался от тактики лобовых атак и подверг армию Османа-паши правильной блокаде [ТГ: 178].

В «нормальной» ситуации животные совсем не стремятся контактировать с человеком, хотя бы даже с целью его поедания: они устраниются от него, в то время как человек с самого начала **как охотник и зверолов** стремился к контактам с ними [КВ: 51].

Варю **как даму** посадили в бричку к Маклафлину, остальные поехали верхом, и на француза, восседавшего на тоскующем от медленной езды Ятагане, смотреть пришлось издали, а беседу вести с ирландцем [ТГ: 126].

Варя несколько раз искоса взглядывала на Фандорина, но тот, **чурбан**, сохранял полнейшую невозмутимость и больше вступать в разговор не пытался [ТГ: 23].

«Plaan on muidugi mõista tore. **Tema kõrguse isikliku esindajana** olen sellega tutvunud ja osalesin isegi mõningal määral selle koostamises» [87].

Mina, **pattune**, aga hindan alluvates ustavust väga kõrgelt [83].

Blok **kui poeet, kelle materjaliks on sõna**, on sunnitud üritama selle materjali piires väljendada seda, mis on selles põhimõtteliselt väljendamatu [33].

Olles mitte niivõrd väejuht kui võrd insener, loobus Totleben otserünnakute taktikast ja seadis Osman-paša armee ümber läbimõeldud blokaadi [130].

«Normaalses» situatsioonis ei püüa loomad üldse inimesega kontakteeruda, isegi mitte tema ärasöömise eesmärgil — nad hoiduvad temast eemale, samas kui inimene **jahimehena ja loomарьdjana** on algusest peale säärase kontaktide poole püüelnud [42].

Varja **kui daam** pandi MacLaughlini britškasse, teised läksid ratsa ning aeglasest sammumisest igavleva Jatagani seljas istuvat prantslast sai vaid eemalt vaadelda, vestelda aga tuli iirlasega [93].

Varja kõõritas mitu korda Fandorini poole, kuid tema, **tümakas**, säilitas täieliku rahu ja rohkem vestlust üles võtta ei üritanud [19].

Взрыв как явление физики лишь метафорически переносимое на другие процессы, отождествился для современного человека с идеями разрушения и сделался символом деструктивности [КВ: 22].

Вопреки своему практически совершенно незначительному участию в декабристском движении, Завалишин был приговорен как один из наиболее опасных заговорщиков по первому разряду — к пожизненному заключению [КВ: 198].

Вы уж не взыщите, я не по службе, а просто как старший по возрасту, по-отечески... [ТГ: 60].

Если честь связана с представлением о том, что большее выражение обозначает большее содержание, то слава, как словесный знак, рассматривает эту связь в качестве условной: *мгновенное* человеческое слово означает *бессмертную* славу [КВ: 89].

Заинтересовавшая нас проблема, как мы видели, осуществляется на грани физиологии и семиотики, постоянно меняя центр тяжести то в одну, то в другую сферу. Как семиотическая, она не может быть искусственно отделена от других социокультурных языков, в частности, от конфликта физиологического и культурного аспектов [КВ: 173].

Игорь здесь осуждается как мятежный вассал, который своим героическим эгоизмом нарушил волю своего сюзерена, князя киевского [КВ: 80].

Как человек еще погруженный в обстановку рыцарской чести, он любит именно безнадежностью задуманного героического плана — тем, что реальные и практические соображения отбрасываются прочь в безнадежном рыцарском порыве, но одновременно он также человек, стоящий вне узкой рыцарской этики [КВ: 80].

Plahvatus kui füüsikaline nähtus, mida teistele protsessidele vaid metafoorina saab üle kanda, samastus kaasaegse inimese silmis hävinguidega ja muutus destruktiivsuse sümboliks [20].

Olgugi et Zavališini osalus dekabristide liikumises oli täiesti tühine, mõisteti ta eluaegsesse vangistusse kui üks ohtlikumaid vandenõulasi [146].

Ärge pahandage, ma ei räägi seda ülemusena, vaid lihtsalt vanemana, isalikult... [45].

Au on seotud ettekujutusega, et rohkem väljendust tähendab enamat sisu, kuulsuse kui sõnalise märgi seisukohalt aga on see seos tinglik: inimese sõna kostab vaid *hetke*, kuid see võib tähendada *surematut* kuulsust [68].

Nagu näeme, asub meid huvitav probleem füsioloogia ja semiootika piirimail ning selle raskuskese nihkub pidevalt kord ühte, kord teise valdkonna. **Semiootilisena** ei saa teda kunstlikult eraldada teistest sotsiokultuurilistest koodidest, sealhulgas ka füsioloogilise ja kultuurilise aspekti konfliktist [129].

Kroonikas arvustatakse Igorit kui mässulist vasalli, kes oma kangelasliku egoismiga eiras oma süserääni, Kiievi vürsti tahet [63].

Veel sügavalt rüütliau õhustikust haaratud inimesena imetleb ta kavandatud kangelasliku plaani lootusetust — seda, et reaalsed ja praktilised kaalutlused heidetakse lootusetus rüütellikus võitlussesüütus kõrvale, kuid samal ajal on ta ka kitsast rüütlietikast väljaspool seisev inimene [63].

Корреспондент «Дейли пост», **будучи истинным джентльменом**, на randevu безропотно согласился (не идти же в ресторан одной — еще сочтут за кокотку), да и за опоздание не упрекнул ни единым словом, но вид имел глубоко несчастный [ТГ: 128].

Культура **как сложное целое** составляется из пластов разной скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий [КВ: 25].

Но одновременно **как зритель, глядящий на сцену**, он находится в настоящем времени и заново переживает чувство неизвестности, свое якобы «незнание» того, чем пьеса кончится [КВ: 196].

Но Варя, **девушка находчивая**, это предвидела и приняла меры [ТГ: 6].

Облегчение тут же сменилось стыдом: тянула время, страшась возвращения в лагерь, нюни распускала из-за своего драгоценного реноме, а о деле и думать забыла, **эгоистка** [ТГ: 140].

С диспозицией он был ознакомлен и даже **как представитель князя Карла** получил копию [ТГ: 122].

Пожалуй, наиболее резким проявлением человеческой природы является пользование собственными именами и связанное с этим выделение индивидуальности, самобытности отдельной личности **как основы ее ценности для «другого» и «других»**. «Я» и «другой» — две стороны единого акта самосознания и невозможны друг без друга [КВ: 54].

Daili Posti korrespondent oli **tõelise džentelmenina** randevuuga päri (neiul ei sobunid ju omapäi restorani minna — mõni arvab veel, et ta on kokott) ning ei hetnud ka hilinemist poole sõnagagi ette, kuid nägi sügavalt õnnetu välja [94].

Keerulise tervikuna moodustub kultuur erineva kiirusega arenevatest kihtidest, nii et igas tema sünkroonses läbilõikes paljanduvad korraka tema mitmesugused arengustaadiumid [23].

Samal ajal on ta aga, **laval toimuvat jälgiva vaatajana**, kaasajas ja kogeb teadmatust, tunnet, et ta ei tea, millega näidend lõpeb [144].

Varja aga, **nutikas tüdruk**, oskas seda ette näha ja võttis abinõud tarvitusele [7].

Kergendustunne asendus kohe häbiga: oli ta ju aega venitanud, kartes laagrisse tagasi tulla, vesistanud taga nutta oma kallihinnalist renomeed, ürituse oli aga sootuks unustanud, **egoist sihuke** [102–103].

Dispositsiooni oli talle tutvustatud ning ta sai sellest isegi **vürst Caroli esindajana** koopia [89].

Vahet ongi inimloomuse kõige eredamaks avalduseks pärisnime kasutamine ja sellega seonduv üksikisiku individuaalsuse, omapära eristamine, **millel põhineb tema väärtus «teise» ja «teiste» jaoks**. «Mina» ja «teine» on ühtse eneseteadvustusakti kaks poolt ja teineteiseta võimatud [44].

Собственными ушами слышал, как государь сказал Милютину: «Дмитрий Александрович, испрашиваю у вас **как у старшего из присутствующих георгиевских кавалеров** разрешения надеть георгиевский темляк на саблю. Кажется, я заслужил...» [ТГ: 188].

Споры продолжались до апреля, а в апреле началась долгожданная война за освобождение славянских братьев, и Петя Яблоков **как порядочный человек** отправился волонтером [ТГ: 13].

Сюзерен же по определению освящен высшим авторитетом **как голова Русской земли** [КВ: 80].

Таким образом, Игорь включен в двойную этику: **как феодал** он украшается храбростью, доводящей его до безумия, а **как вассал** героическим подчинением [КВ: 80].

Уверен, что, **будучи девицей передовой**, вы с горячим одобрением относитесь к революционным идеям [ТГ: 258–259].

Фактически здесь реализуется отождествление случайного и закономерного. Закономерное в «своей» системе выступает как «случайное» в системе, с которой оно неожиданно столкнулось. **Как случайное**, оно будет резко увеличивать свободу дальнейших путей [КВ: 105].

Циклическая повторяемость — закон биологического существования, ему подчинены мир животных и человек **как часть этого мира** [КВ: 49].

Это свойство сна **как чистой формы** позволяло ему быть пространством, готовым для заполнения — истолковывающий сны шаман столь же «научен», как и искушенный фрейдист — сон это семиотическое зеркало, и каждый видит в нем отражение своего языка [КВ: 222].

«Kuulsin omaenese kõrvaga, kuidas valitseja ütles Miljutinile: «Dmitri Aleksandrovitš, palun teilt **kui auväärseimalt siin olevatest Georgi risti kavaleridest** luba Georgi mõõgapidemerihma kinnitamiseks mõõgale. Mulle näib, et olen ära teeninud...» [137].

Vaidlused kestsid aprillini, aprillis aga algas kauaoodatud sõda slaavi vendade vabastamiseks ning **korraliku inimesena** läks Petja Jablokov vabatahtlikuks [12].

Venemaa juhina on ju süserään aga pühitsetud kõrgeimaks autoriteediks [63].

Seega seisab Igor silmitsi topelteetikaga: **feodaalina** kaunistab teda meeletuseni viiv vaprus, **vasallina** aga kangelaslik sõnakuulelikkus [63].

Olen kindel, et **eesrindliku naisikuna** suhtute te revolutsioonilistesse ideedesse tulise poolehoiuga [188].

Tegelikult toimub siin juhusliku ja seaduspärase samastumine. See, mis on seaduspärane «oma» süsteemis, osutub «juhuslikuks» süsteemis, millega ta ootamatult kokku põrkus. **Oles juhuslik**, surrendab ta märgatavalt vabadust edasiste arenguteede valikul [80].

Tsükliline kordumine on bioloogilise eksistentsi seadus, millele on allutatud loomariik ja ka inimene **selle osana** [41].

See, et uni **oli puhas vorm**, võimaldas tal olla ruumiks, mis ootab täitmist — unenägu tõlgendav šamaan oli niisama «teaduslik» kui vilunud freudist. Uni on semiootiline peegel, milles igäüks näeb oma keele peegeldust [163].

В конфликте с глупым великаном, **способным действовать только стереотипно**, маленький хитрец прибегает к оружию неожиданности, создавая обстановку, в которой стереотипное поведение оказывается бессмысленным и не эффективным [КВ: 66–67].

Вопрос этот имеет естественный ответ до тех пор, пока, **по законам фольклора**, исполнитель был одновременно зрителем самого себя, «я» и «он» сливалось в одном действе [КВ: 62].

Вся жизнь графини Орловой прошла в обстановке, которая развратила бы обычный ум, но она сохранила всю чистоту души, **будучи выше всех соблазнов** [КВ: 147].

Далее Руссо, с **присущей ему смелостью**, утверждает, что обезьяна, «переходящая от одного ореха к другому», не воспринимает эти предметы как нечто единое [КВ: 57–58].

Маклафлин торжествовал, **довольный своей осмотрительностью**, а Варя злилась на Зурова: хвастун, враль, наплел невесть что, только всех запутал [ТГ: 163].

Трансформация, которую переживает реальный момент взрыва, **будучи пропущен через отборную решетку моделирующего сознания, превращая случайное в закономерное**, еще не завершает процесс сознания [КВ: 232].

Konfliktis rumala hiiglasega, **kes on võimeline käituma ainult stereotüüpselt**, kasutab väike kavalpea ootamatuse-relva, luues olukorra, kus stereotüüpne käitumine osutub mõttetuks ja ebaefektiivseks [54].

Sellele küsimusele leidis loomulik vastus seni, kuni rolli esitaja oli **folkloori seaduste kohaselt** samal ajal ka iseenda vaataja, «mina» ja «tema» sulasid kokku ühes tegevuses [50].

Kogu krahvinna Orlova elu kulges miljöös, mis tavalise inimese oleks hukutanud, kuid tema säilitas hingepuhtuse, **jäädes kõrgemale kõigist kiusatustest** [109].

Edasi väidab Rousseau **talle omase julgusega**, et ahv, minnes «ühe pähkli juurest teise juurde» ei taju neid esemeid kui midagi ühtset [47].

MacLaughlin võidurõõmutses, **rahuenda ettenägelikkusega**, varja oli aga Zurovi peale tige: kehkenpüks, luiskam, jahus kokku teab mis, ajas ainult kõik segadusse [119].

Teadvustamisprotsess ei lõpe veel transformatsiooniga, mille reaalne plahvatushetk läbi teeb, **kui ta lastakse läbe modelleeriva teadvuse valikusõela, mis juhusliku seaduspäraseks muudab** [170].